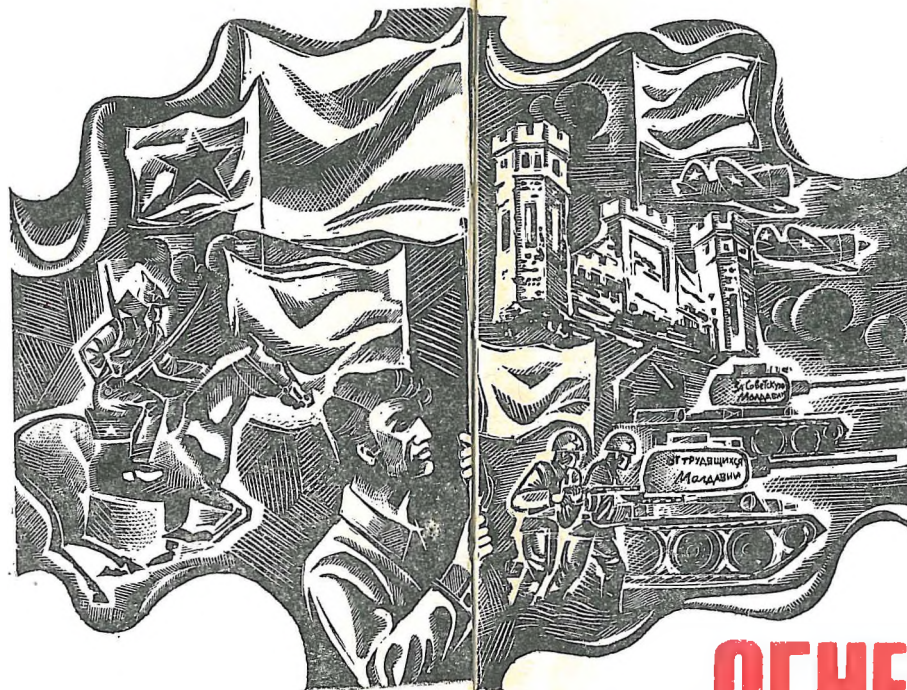

*Придет день,
когда настоящее
станет прошедшим,
когда будут говорить
о великом времени
и безымянных героях,
творивших историю.*

ЮЛИУС ФУЧИК

**ТУДОР
ЦОПА**

ОГНЕННЫЕ ЦИТАДЕЛИ

*(Документальные
рассказы)*

**ОРДЕНА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КАРТЯ
МОЛДОВЕНЯСКЭ“
КИШИНЕВ * 1978**

Публицист Тудор Цопа является автором ряда сборников документальных рассказов, которые пользуются большой популярностью среди широких масс читателей. Следуя замечательному примеру писателя Сергея Смирнова, он в результате большого кропотливого труда раскрыл историю партизанского отряда «Журналист», действовавшего весной 1944 года в молдавских кодрах, написал много волнующих страниц о подвигах героев танковых колонн «За Советскую Молдавию» и «От трудящихся Молдавии».

Эта книга не только рассказ о героях. В ней подтверждение высокого гражданского долга советских людей, страстная клятва: никто не забыт, ничто не забыто. За сборники «Дрептул ла немурире» («Право на бессмертие»), «Проспектул Патрией» («Проспект Родины») и «Четэць де фок» («Огненные крепости») Тудору Цопе было присуждено высокое звание Лауреата премии комсомола Молдавии им. Бориса Главана в области литературы и искусства за 1973 год. За книгу «Непокоренная твердыня» в 1975 году ему присвоено звание Лауреата премии Союза журналистов СССР.

Журналист — это разведчик...

Именно эта мысль приходит мне в голову, когда я читаю все, что выходит из-под действительно без усталости работающего пера Тудора Цопы. Он молод и, естественно, Отечественную войну знает не по личным впечатлениям. Но, тем не менее, знает он ее хорошо, постоянно и тщательно изучает ее повороты, ее туманы и рассветы, ее пожарница и выигранные нами труднейшие сражения.

Журналист — помощник партии. Именно тем, что он призван постоянно идти впереди, и если уже не впереди, то в самой колонне шагающих в новые дали. Помощник партии... Эта истина немало авторитетных прав нам, журналистам, дает, и в то же самое время ко многому обязывает. Какие именно права? Во все смело вмешиваться, действовать, искать, творить, открывать, утверждать истину и правду. Утверждать именно ту истину и ту правду, которые служат народу. Каждым выступлением, каждым поиском, каждой находкой, каждой мыслью, каждым словом честно открывать величие духа народа, его трудового и ратного подвига. И тем самым делать непреходящим то, что достойно бессмертия, то, что сослужит не раз и не одному грядущему поколению добрую службу. Могут эти слова показаться слишком общими и громкими. Но поскольку я их произношу в связи с работой Т. Цопы, то читателю, который возьмет в руки эту его книгу, нетрудно будет убедиться в правоте моих утверждений: Цопа, раскрывая глубоко судьбу, жизнь, дела одного человека или группы людей, с которыми он встретился или о которых он узнал из документов и которых по-сыновни искренне полюбил, умеет прийти к обобщениям, показать, что один такой человек, десятки, сотни, тысячи с их неповторимо героической судьбой и составляют понятие славы всего народа, его достоинства, его духовной красоты и непобедимости.

Журналист так сердечно умеет любить своего героя, так открыто восхищаться его делами, высокими помыслами, что читатель, закрывая последнюю страницу книги, вслед за автором не может не прийти к волнующему выводу: из каких же с виду вроде очень обычных, а в действительности именно чудо-людей состоит наш советский народ! И еще: как хорошо принадлежать именно к такому

народу, верно служить народу, как служили ему и его идеалам его сыны, те самые чудо-люди, о которых так интересно и вдохновенно поведал нам автор.

Да, истинный журналист всегда боевой разведчик, разведчик партии, и, видимо, самое главное заключается не в том, в каких условиях он действует — в мирных или в годы военных сражений. Главное в другом: постоянно чувствовать себя мобилизованным, неустанно действующим. Собственно, для журналиста, для идеологического бойца партии, по моему глубокому убеждению, мирного времени не бывает.

О Тудоре Цопе мне, казалось бы, не трудно писать: я его лично давно знаю и, признаюсь, дружу с ним, дружу крепко и искренне. Когда я еще работал в газете «Молдова Сочналистэ», к нам в редакцию пришел юноша и представился. Тогда его имя ни о чем нам не говорило. Но сам он понравился. Подкупало ярко выраженное страстное желание стать журналистом, во что бы то ни стало. Выражалось им это не на собраниях и летучках, нет. В первый же свой отпуск он отправился... Куда бы вы думали? В глубь Сибири, на Дальний Восток, на Сахалин. Весь месяц летал на самолетах, ездил в поездах, плавал на судах, ходил пешком таежными тропами... Вернулся и нам трудно было ему не позавидовать: столько счастья светилось в его зазорных глазах! То была радость нового, самостоятельного, что ли, открытия мира. Он за месяц столько повидал, столько открыл для себя нового в том, что составляет понятия Советский Союз и Советский Человек! На страницах газеты появились очерки горячие, добрые, от которых неслась к сердцам читателей какая-то особая, яростная влюбленность автора в советскую действительность. Мы все тогда обрадовались: появился в нашем дружном многогранном коллективе еще один журналист, по-своему интересный, молодой, дерзаящий...

Повторю еще раз вопрос: разве мне трудно о нем писать? Да, отвечаю сам себе, нелегко. И вот почему. Человек он необычайно ищущий, у него сердце, как у солдата, находящегося постоянно в бою,— всегда горячо бьется, всегда беспокойно и тревожно.

Приведу лишь несколько наименований его документальных, подчеркиваю, документальных очерков, которые с уверенностью можно отнести к художественной литературе, и вы убедитесь, сколь обширна и многогранна его творческая биография и «география», сколь удивительной судьбы люди встречаются на его пути.

«Знаменосцы солнца». Автор восстанавливает, озаряет огнем своего сердца и светом наших дней образы тех, кто первым поднял знамя Октябрьской революции в Бендерах... Рассказывает нам о том, как Днестр, по воле румынских оккупантов ставший грани-

цей, 22 года разделял отца и сына... Одна лишь страница из истории моего народа, но ее не перечеркнуть и не вырвать.

«Вызываю огонь на себя!» Комсомолка из села Ливадены Дондюшанского района, кавалер шести боевых наград, всю войну вместе с мужем в одном артиллерийском дивизионе сражалась против фашистов... Не раз вызывала огонь на себя — лишь бы люди жили...

«Командировка в легенду». Волнующий, доподлинно документальный рассказ о героизме народных мстителей из партизанского отряда «Журналист», действовавших весной 1944 года в кодрах...

«Чем не Теркин?» Бородатый и веселый солдат Амвросий Мазур из молдавского села Подоймица в годы войны острую политическую шутку приравнял к штыку, воевал против врагов и винтовкой и песней. И побеждал...

Перечень очерков можно было бы продолжать без конца: он многое успел написать, плодотворно работает в настоящее время и многое напишет в будущем: ведь у него, по сути, все впереди.

Да, человек он молодой, не воевал, но как будто именно ему были адресованы те тысячи и тысячи записок, которые уже найдены, которые продолжают находить теперь, спустя столько лет после окончания войны в заваленных окопах, в гильзах, просто в карманах убитых: «Если погибну, считайте меня коммунистом...» «Не надо слез: помните нас!» «Мы умрем, но не сдадимся врагу. Да здравствует Родина!» «...Далекий потомок, береги наше знамя и продолжай наше дело...» «Победа или смерть — третьего пути нет» «Сын, я тебе доверяю свое солдатское дело...». И мне, бывшему в войну солдатом, очень дорого в Цопе именно это качество его творчества: он, как верный сын, выполняет наказы отцов.

Тудор Цопа в пути. Он идет навстречу жизни смело, открыто, с глубоким пониманием своей гражданской, партийной ответственности. Люблю его за молодость, за неугомонность, за творческую неистовость, короче за то, что покой ему даже не снится. Люблю его, горжусь им и желаю ему новых трудных удач. Я уверен, полюбит его и читатель, взявший в руки эту книгу.

Петря Дариенко*

Город Москва.
1974 год.

* Известный поэт и публицист Петря Дариенко, автор свыше 30 книг и сборников, редактор газеты «Молдова Сочналистэ», министр культуры Молдавской ССР, первый заместитель главного редактора газеты «Советская культура» скончался летом 1976 г. в расцвете творческих сил. Он умер, находясь за рабочим столом.

ЗНАМЕНОСЦЫ СОЛНЦА

Три фотографии, сделанные в разное время. Между первой и последней пролегло пятьдесят пять лет. Всего три мгновенья, вырванные из стремительного бега времени. Запечатлевшие их и не помышляя, что этим фотографиям суждено будет войти в летопись истории, наполнив золотые фонды архивов.

Сотрем же с них заботливо слой пыли, раздвинем плену лет и убедимся, сколько мужества и потрясений, сколько радости и переживаний таят в себе эти отпечатки. Вглядываешься в пожелтевшую от времени фотобумагу и все отчетливее слышишь голос прошлого. Оно оживает...

Низкорослый мужчина в форменной фуражке железнодорожника осторожно пробирался в тени забора. Улучив момент, когда усатый часовой отошел от ворот, он стремглав бросился в крепость. Оказавшись перед казармами, он сложил руки рупором у рта и крикнул что было мочи:

— Революция!.. Товарищи, в Петрограде победила революция!

Его голос прозвучал в прозрачной тиши днестровского утра, как набат, как призыв к действию.

Солдаты, толпясь, стали выбегать из казарм. Несколько офицеров, потрясая пистолетами, пытались преградить им путь. Но неудержимый людской поток обезоружил и смял их.

Собрались на плацу у казарм. Сколько пришлось ждать этой радостной вести! Некоторые втыкали штыки в землю, другие бросали в воздух папахи и радостно, как дети, обнимались. Полки, расквартированные в Бендерской крепости, стали на сторону революции.

«Общее собрание офицеров и солдат,— записали в принятой резолюции артиллеристы одной из батарей,— считает, что полномочным хозяином русской земли может быть только сам народ».

К полудню воины гарнизона построились и вышли в город. Во главе оркестра шагали четверо (рабочий, крестьянин, солдат и матрос). Они несли на руках сказочную фею в белом одеянии с косами. Ее чело украшал венец, а с рук ниспадали обрывки цепей. Она олицетворяла освободившуюся Русь, страну, сбросившую оковы рабства. Над ее головой гордо реяло алое знамя, на котором сияли слова: «Да здравствует равенство и братство!»

Когда демонстрация кончилась, неизвестный фотограф запечатлел эту выразительную и волнующую сцену незабываемого 1917 года. Нам остается добавить, что представлял освободившуюся Русь солдат Борис Соловьев. А несли его на руках, олицетворяя единство рабочих, крестьян и солдат, его товарищи по взводу. Это было, по сути, одно из первых советских театрализованных представлений.

Новая жизнь крепла, трудящийся люд распрямлял свои плечи, гордо и с достоинством поднимал голову к солнцу.

Но это солнце свободы недолго светило над Бендерами. Орды черных сил со всех сторон обрушились на нас. От Прута наступали румынские королевские войска. Белогвардейцы опустошали украинские села. Помещики и мироеды, снова почувствовав власть, вынашивали черные планы борьбы против рабочих и крестьян. Со стороны моря, подобно потоку, разлились армады интервентов — англичан и французов.

Революционные отряды и красноармейцы оказывали им сопротивление, героически защищая каждую пядь земли. Дважды отбросили они от Бендер полчища захватчиков. Но превосходящие силы врага продолжали наступать. После долгих, изнурительных боев наши отряды были вынуждены временно отступить за Днестр.

В городе началась расправа. И снова раздались стоны в темницах и тюрьмах. Группа железнодорожников, поднявшихся на защиту завоеваний революции, была расстреляна у черной от копоти привокзальной стены.

С тех пор бендерский мост приобрел чудовищную славу. Под предлогом отправки через Днестр оккупанты сгоняли неугодных на мост и тут расстреливали их из пулеметов. «В течение всего 1918 года,— вспоминают местные старожилы,— Днестр был полон трупов. Это

были жертвы произвола оккупантов. Каждый день десятки трупов мужчин и женщин со скрученными колючей проволокой руками и ногами прибывала речная волна к берегу».

Стонала, рыдала, вздыхала многострадальная земля. «Нет! Не заткнуть рот, не завязать глаза рабочих и крестьян!» — раздавался в подполье голос Павла Ткаченко. Бессарабцы надеялись на лучшее будущее, боролись за него.

Халупа старого каменщика Гавриила Пастушкова уютилась на окраине Бендер, на самом берегу реки, в двух шагах от моста. Однажды утром перед самым домом была натянута колючая проволока. Это была граница. Перед окном день и ночь прохаживался часовой с примкнутым штыком. И случилось так, что отец остался на правом берегу Днестра, а сын Михаил — на левом. Бывало, подойдут отец и сын к самой воде, сядут на прибрежные камни и с тоской глядят друг на друга через водную гладь. Как хотелось им сжать друг друга в объятьях! И так целых 22 года.

Но настал долгожданный день 28 июня 1940 года. К Днестру стал стекаться народ. Над серебряной гладью реки лились звонкие песни, слышался задорный смех, раздавались исполненные радости призывы. А через мост неиссякаемой лавиной в убранстве знамен и цветов шли на запад колонны. Шли знаменосцы нового мира, знаменосцы солнца.

Старый Гавриил заметил сына на том берегу, сбросил одежонку и метнулся в речную волну. Дочь Мария, соседи Алексей Колесников, Федор Маришин и Сергей Ханенко последовали его примеру.

Вот как описывает это волнующее событие пожелтевшая от времени газетная полоса: «На Днестре происходят волнующие встречи родственников, которые не виделись 22 года. Со слезами радости они обнимаются, целуют друг друга. Впечатлительной была встреча старого, шестидесятилетнего бендерского каменщика Гавриила Герасимовича Пастушкова со своим сыном Михаилом. Из четверых детей старый каменщик остался лишь с дочкой. Сыновья ушли на гражданскую войну, а после отторжения Бессарабии остались жить в Советском Союзе. 22 года Днестр был границей между отцом и сыновьями. И вот настал долгожданный исторический день.

Старый каменщик в сопровождении дочери Марии, соседей Маришина Федора Прокопьевича и Колесникова Алексея Михайловича, рабочих бендерской маслобойни, и сапожника Ханенко Сергея, не дожидаясь разрешения пройти через мост, бросились в днестровскую волну и поплыли к противоположному берегу, на котором появился Михаил. Смотрит взволнованный отец на сына и глазам своим не верит. После гражданской войны Михаил Пастушков возводил в селе Глиное консервную фабрику, на которой сейчас работает счетоводом.

— А мы работали на фабриканта по 12—14 часов в день, — рассказывает возмущенно Федор Маришин из Бендер. — Не знали, что такое отдых, были жестоко эксплуатированы, страдали от несправедливости...

Прервав рассказ Михаила о счастливой жизни в Советской стране, бендерские пловцы сказали уверенно:

— И у нас будет так же! («Молдова Социалистэ», 2 июля 1940 года).

Так родилась другая фотография, запечатлевшая момент волнующей встречи между сыном и отцом.

Старая подшивка газеты «Молдова Социалистэ» — этого неумолимого летописца республики — сохранила и другие, не менее яркие отголоски тех дней:

«Настал долгожданный день освобождения Бессарабии, — писала газета 29 июня. — К мосту через Днестр, связывающему Тирасполь и Бендеры, непрерывным потоком движутся машины, люди. 28 июня, в три часа двадцать минут по полудню, советские пограничники проходят через мост и сменяют румынский патруль. На месте трехцветного флага развевается алое знамя с серпом и молотом. С сегодняшнего дня Днестр перестал быть границей. Бессарабия стала навсегда советской.

Чеканя шаг, под звуки фанфар, проходят по мосту колонны освободителей. Жители Бендер и близлежащих сел радостно выходят им навстречу с цветами и красными флагами».

Бессарабия начинает строить новую жизнь. «В село Талмазы, — сообщала газета 3 июля, — прибыла делегация колхозников из Слободзейского района. Крестьяне встречают гостей хлебом-солью, цветами и музыкой. В полдень тов. Кангаш, секретарь Слободзейского райкома партии, открывает митинг талмазских крестьян. Бывший батрак Иосиф Кукол, крестьянин Григоре Бар-

карь, служащие Кравец, Смирнов и другие в своих выступлениях горячо благодарили за свободу, за радость и счастье».

А пятого июля газета сообщает о новом волнующем событии: «3 июля по радио было передано приветственное письмо Софьи Котовской, 70-летней жительницы села Ганчешты Кишиневского уезда, сестры легендарного героя гражданской войны, адресованное жене и детям Григория Ивановича Котовского, которые живут в Киеве. Ранним утром 29 июня Софья Ивановна среди первых крестьян Ганчешт встречала освободителей.

Вчера вечером украинское радио транслировало ответное письмо Ольги Петровны Котовской.

— Свершилась мечта Григория Ивановича,— сказала она,— Бессарабия стала Советской!»

И начались мирные, трудовые будни. «Сегодня,— читаем в номере газеты от 9 июля,— из Тирасполя, по восстановленному железнодорожному пути, в Кишинев прибыл первый поезд. В ближайшие дни железнодорожный транспорт возобновит свою работу на территории всей Бессарабии».

А буквально через несколько дней газета писала: «6 июля вступили в строй воздушные линии Кишинев — Киев — Москва и Кишинев — Одесса. Началось регулярное воздушное сообщение самолетами». «В Бульбокской волости Бендерского уезда национализировано более полутора тысяч гектаров земли. Здесь получили земельные наделы 336 бедняцких семей» (27 июля). «С первых дней Советской власти в Бессарабии к руководству Бендерских мастерских стали обращаться за работой рабочие. До сих пор здесь трудоустроено 575 бывших безработных.»

30 июля ТАСС уже сообщил: «Сегодня прибыла в Москву делегация трудящихся Бессарабии и Северной Буковины... На площади перед вокзалом состоялся большой митинг».

За короткими телеграфными строками сообщений проступают пафос и величие времени, созидательная поступь освобожденного края.

В настоящее время Михаил Пастушков проживает в поселке Красное Слободзейского района. Пенсионер живет зажиточно, ни в чем не нуждается. В молодости был красноармейцем. Потом 28 лет изо дня в день жил

помыслами и делами коллектива консервного завода в Глином. Отец его, Гавриил, затерялся в водовороте военного времени.

Остальные двое, запечатленные на фотографии,— Алексей Колесников и Федор Маришин — проживают в Бендерах. Первый трудится на лесоторговой базе, второй работает кочегаром на мельнице. Оба свято хранят память того дня, когда впервые переплыли освобожденную реку...

А Днестр величаво и плавно несет свои воды к морю. И смотрятся в зеркало вод обновленные города и села, корпуса заводов и фабрик в Атаках и Сороках, Каменке и Рыбнице, Дубоссарах и Григориополе, Бендерах и Кучурганах, отражаются в глади волн налитые плоды садов и солнечные гроздья виноградников.

Волны поют, не переставая, неустанно катясь от села к селу, от города к городу, омывая утесы и крепости, питая живительной влагой сады и виноградники. Поседевшие гривы волн доносят до нас легенды, воспоминания и песни о новой славе. Воспоминания, песни эти близки душе и сердцу. В них многое, что свято для нас, чем мы дорожим и гордимся.

ПРОЩАЙ, ТАБОР!

Кибитки уныло тащились по выжженной солнцем степи. Усталые кони поднимали раскаленную пыль южного шляха. Цыганки, с медными серьгами, в ярких, длинных и широких одеждах, брели по тропе, извивавшейся рядом с дорогой. Дети шатров, невымытые и оборванные, носились, как саранча, по огородам, опустошая грядки бобов, чечевицы и гороха.

На распутье одиноко торчал журавль у колодца, и Семен Таранов, высокий плечистый мужик, не скидывающий сапог даже в самый невыносимый солнцепек, остановился напоить коняку — сивого мерина. Только отер тыльной стороной ладони пот со лба и хлестнул коня, как заднее колесо, до сих пор оставлявшее неровный глубокий след, лопнуло и развалилось.

— Надо же такое, — уныло пробормотал он.

И пока табор медленно удалялся, Семен достал топор и отправился на поиски какого ни на есть деревца. Хозяйка шатра и пузатая мелюзга остались охранять нехитрое свое добро — коня и кибитку, меха и наковальню.

Полчаса спустя цыган вернулся и приволок толстенную жердь, которую продел под ось и привязал в кошевке. Затем взял коняку под уздцы и зашагал к ближайшему поселению, к Коломыцеву. У околицы его нагнал верховой:

— Что случилось, Семен? Почему отстал? Булибаша приказал, чтоб ты немедленно догнал табор!

— Передай булибаше, что осточертела мне кочевая жизнь. Птицы перелетные и те свое гнездо имеют, только мы...

Выходец из Бессарабии, Семен когда-то в молодости отправился за Днестр и на ярмарке встретил чернооую красавицу, которая и очаровала его. Сыграли свадьбу, как испокон веков играют цыгане, при кострах. И по миру: счастливой доли искать. Объездили сотни

богатых сел и малых деревень, исколесили тысячи верст, а доли той счастливой так и не нашли. Где бы они ни разбивали свой заплатанный шатер — встречали пришельцев вилами и дубинами, как затравленных волков.

— Вернись, Семен, пока не поздно! — настаивал верховой. — Цыган без шатра, что птица без крыла.

— Поди-ка ты, мил-человек, своей дорогой и оставь меня в покое...

Вырыл себе Семен в суглиннике что-то вроде норы, ставшей жильем, и нанялся в кузнецы к местному помещику. А был помещик на редкость хитрым, жадным и привередливым. Во всем свете не нашлось бы нищего, который мог бы похвастаться, что у ворот этого помещика с его усов упала капля воды, а в бороде застряла крошка хлеба.

— Ты, черномазый, — предупредил барин, — если не заиграют шарабаны, что твои барабаны, если не будет ходить мельница, как часы, а маховик молотилки, как бедра твоей Замфирки, — меха твои в огонь, тебя псам, а все твоё отродье — ко всем чертям.

И трудился кузнец до седьмого пота. Здесь у горна и прошли университеты его сыновей — Григория и Андрея.

— Хык-хы!.. Хык-хы!.. — надрывались они с утра до ночи над раскаленной наковальней.

А вечером, когда все трое возвращались изнуренные к своей землянке, когда ладони горели от волдырей, а пальцы от искр, их встречала нужда, а голод провожал на ночлег.

— Тату, — спросит, бывало, Андрей, — отчего так сволично жизнь устроена.

Однажды, когда кузнец готовился пристроить подросших сыновей в железнодорожные мастерские в надежде, что так легче на хлеб зарабатывают, перед лачугой вырос урядник.

— Настало время и тебе, цыганское отродье, послужить отечеству. Посылай цыганят на фронт.

— Обоих?

— Пока только Андрея!

Первая мировая война была в разгаре. Ненасытные жерла орудий глотали человеческие жизни, и царь бро-

сал в огонь последние силы. Андрей попал на Рижский фронт. Вскоре стал умелым кавалеристом. Не однажды клинок прорубал ему путь сквозь вражеский строй.

— А знаешь, где наши настоящие враги?— шепнул ему как-то товарищ по эскадрону, кадровый питерский рабочий.— Не здесь, в окопах, надо их искать, а там, в царских палатах!

Друг оказался большевиком, цельной, увлекающей-ся натурой. Под его влиянием наш бравый кавалерист познал многое.

Однажды вечером Андрей увидел, как юнкер жестоко избивает солдата за то, что тот его не заметил и не отдал честь. Андрей поспешил на помощь. И гнить бы ему в каторжной тюрьме, если бы не революция.

Вместе с сорока другими кавалеристами, составившими один из первых красногвардейских отрядов, Андрей выступил в защиту восставшего Петрограда. А к началу 1919 года он был уже в легендарной Первой Конной армии Буденного. Цыган прославился в боях под Орлом и Ростовом, на Кубани и Украине, сражаясь с остервеневшими от злобы денкинцами.

«Легко представить себе удаль бойцов 11-й кавалерийской дивизии,— вспоминал С. М. Буденный в своей книге «Пройденный путь» о мужестве дивизии, в которой сражался красный конник Андрей Таранов,—если я скажу, что грудь многих из них украшал орден Красного Знамени. Дивизию сформировали в тяжелые дни борьбы с денкинскими полчищами, рвавшимися к Москве. В ее рядах была самая большая прослойка рабочих—коммунистов Москвы, Петрограда, Тулы, Иваново-Вознесенска. Этим во многом объяснялись необычная стойкость дивизии в обороне и напористость в наступлении».

После разгрома Деникина и Врангеля все силы были брошены против белопольских интервентов, которые топтали города и села Украины. 23 дня подряд Андрей вместе со всей Первой Конной не сходил с седла, пройдя форсированным маршем от Азовского моря до отрогов Карпатских гор.

«Четыре городские ячейки Тобольска, объединяющие 200 коммунистов,— писала в те дни газета «Красный кавалерист»,—изъявили желание пойти на Западный

фронт в полном составе. Плохо придется шляхтичам—вся трудовая Россия против них!».

Жестокие бои против интервентов разгорелись в Прибужье, близ местечка Белый Камень. В составе Первой Конной в этих боях покрыли себя неувядаемой славой соединения под командованием наших земляков Г. Котовского, И. Якира, С. Тимошенко.

— Андрей Таранов!

— Слушаю!— кавалерист вытянулся по стойке «смирно» перед командиром эскадрона.

— Вам с шестью разведчиками предстоит перебраться на тот берег. Уточните, где концентрируются главные силы противника.

Незаметно пробрались болотами, обошли ивняки и вышли к противоположному берегу. Сквозь утреннюю дымку впереди проступал бревенчатый хутор. Местами у изгороди виднелись клочья сена, свежие лошадиные следы.

— Враг где-то рядом,—предупредил Андрей товарищей.— Будьте начеку.

Но было уже поздно: их окружили. Белополяки решили взять их в рукопашном бою. Схватка продолжалась несколько минут. Андрей удачно сбил троих, но четвертый подошел с тыла и со всего размаха опустил шашку. Юркий цыган вовремя пригнул голову. Лезвие клинка молнией сверкнуло перед лицом и обожгло пальцы руки. В то же мгновение один из разведчиков разрядил в поляка всю обойму, и тот свалился лошадям под копыта...

Когда раны зажили, коммунист Андрей Таранов написался из госпиталя и вновь вернулся в 11-ю кавалерийскую дивизию. Гражданская война близилась к концу, но впереди были еще кровопролитные бои с бандами Махно на Украине и Булак-Булаховича в Белоруссии, с басмачами под Самаркандом.

Летом 1921 года, когда заколосившиеся нивы ждали косарей, банды Булак-Булаховича не щадили никого и ничто—убивали мирное население и поджигали деревни, опустошали белорусскую землю.

— Как покончить с ними?—ломали головы командиры кавалерийского полка, расквартированного в Лоеве.—Они прячутся в лесах, действуют осторожно, воровски.

— А давайте пошлем в разведку Таранова,— предложил кто-то.— Ему будет легче пробраться во вражье логово. Нужно только как следует проинструктировать парня.

И вот Андрей в цыганской одежде, с немудреным инструментом в переметной сумке пробирается из деревни в деревню, «ищет заработок». Где мотыгу поправит, а где косу или лемех плуга. И всюду вступает в разговор.

Однажды усатый мироед с брюхом, переваливающимся через кушак, толкнул его к ногам трех вооруженных верзил — небритых, с глазами, заплывшими от непробудного пьянства.

— Откуда появился, красный лазутчик? Могилу себе ищешь?— рявкнул тот, который в офицерских сапогах.

— От табора отстамши, батюшка барин,— объяснил цыган.— И не отстать бы мне, да красные взяли, избili и телеги чинить заставили, басурмане. А потом в тюрьму бросили, в Лоеве. Побегом только и спасся. Вот и брожу пропитания ради...

— Говоришь, из городской тюрьмы убег?— спросил один из вооруженных.— Так сколько же там сторожевых башен?

— Шесть.

— А столовая где расположена?

— Близ канцелярии.

— Что за деревья там растут?

— Да ничего, oprичь куста сирени.

Бандиты пошептались, и тип в офицерских сапогах обратился к усатому мироеду:

— Обеспечь цыгана работой и пусть поживет у тебя. Со временем определим куда-нибудь.

Мироед подобострастно кланяясь, удалился с допрашиваемым. А неделю спустя Андрей передал через связанного точные координаты банды: «Резиденция» находилась в Черном Бору. Подступы охранялись, и красный разведчик сообщил потаенные тропы, по которым можно было незаметно пробраться к бандитскому лагерю.

Банда Булак-Булаховича перестала существовать.

А потом красный конник покинул болотистые леса Белоруссии, чтобы появиться в раскаленных песках Самарканда, где участвовал в ликвидации басмаческих банд, которые притаились в отрогах южных гор. И вдруг Андрея вызвали к командиру дивизии.

— Спасибо за храбрость, товарищ Таранов. Вот и настало время проститься: направляем тебя на учебу. Стране нужны грамотные люди.

— И куда же?

— В Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока.

— Так это великая честь.

— Великая, конечно, но ты ее заслужил. Ты соколом дрался за торжество новой жизни. Вкушай же ее плоды!

Окончив в 1925 году университет, Андрей получил направление во Всесоюзный комитет по работе среди цыган. В том же году его избирают председателем Цыганского союза, и он начинает огромную работу: стремится перевести весь жизненный уклад с кочевых основ на оседлые. Михаил Иванович Калинин, у которого Таранов дважды бывал на приеме, оказывал ему всестороннюю поддержку. По инициативе Таранова и с помощью народного комиссара просвещения А. В. Луначарского в Москве появляются первые школы для цыганских детей.

— Как бы ни срезались бюджеты по другим статьям,— говорил А. В. Луначарский,— бюджет на народное просвещение трогать нельзя, потому что это честь и слава народа.

И когда еще не были полностью восстановлены фабрики и заводы, а страна изнывала от голода, московский городской отдел народного образования предоставил цыганским школам Москвы пять тысяч рублей. Поздно ночью, когда Андрей возвращался домой, двое вооруженных приставили ему к сердцу нож. Одного из них он узнал: это был Михай, цыганский барон из предместья.

— Кошелек или жизни!— гаркнул Михай.— Выкладывай пять тысконок, да все до копейки.

— Деньги,— ответил спокойно и твердо Андрей,— не мне государством выделены, а вашим же детям. Завтра им в школе выдадут одежду, учебники, питание. Так что оплошала вы, братцы-цыгане. Давайте будем считать, что ничего между нами не произошло, и тихо-мирно разойдемся.

И, растолкав соплеменников, Андрей продолжал дорогу. Вооруженные ножами детины, опешив, продолжали стоять посреди переулка.

— Не забудьте завтра хлопцев в школу послаты! — обернувшись, бросил Андрей.

К 1930 году коммунист Андрей Таранов работает редактором журнала «Наво дром» («Новый путь»), который выходил на цыганском языке, переводит и издает учебники, пишет книгу «Религия и классовая борьба», вместе с профессорами университета Сергиевским и Марром работает над созданием цыганского алфавита, участвует в создании цыганских колхозов и промысловых артелей в Поволжье, на Кубани и Урале.

Приехав с инспекционным визитом в цыганский колхоз в станицу Старая Щербаковка, Андрей Семенович застал председателя, который бушевал у только что заложеного фундамента, наступая с кулаками на сторожа.

— Что случилось? — полюбопытствовал Таранов.

— Да вот создали, товарищ начальник, — стал объяснять председатель, — строительную бригаду. И материалы доставили, чтобы, значит, ферму поставить. Вот я и спрашиваю этого горе-охранника: где доски, лопаты и тачки? А он мне объясняет, что бригада у них комплексная: одновременно строит, сносит и ворует.

— А что я подеаю, если все тащат напрапалую, — жаловался сторож.

Андрей Семенович попросил, чтобы собрали бригаду.

— Признаться, хвалить вас не за что, — начал он. — Государство предоставило вам все, а вы превратились в этаких мастеров-ломастеров. Неужели не стыдно...

— Да не все мы такие, — послышался голос. — Большинство работает что надо, да вот завелось несколько портачей.

— А вы их призовите к порядку, — предложил представитель из Москвы. — Запомните мои слова: если тысяча честных людей укажет пальцем и скажет вору, что он вор, ему не сдобровать: провалится сквозь землю.

Таранов не покинул хозяйство, пока дела не пошли на лад. Такой уж он человек: не может равнодушно пройти мимо недостатков, всегда поможет людям где словом, где делом, а уж начатое до конца доведет.

Вернувшись в столицу, Андрей Семенович зашел в бывший трактир, оборудованный под ресторан: решил перекусить. Сел за столик, заказал жаркое и кружку пива. На эстраде отплясывали цыгане. Под звуки гитары

они буйно кружились, хлопали ладонями по голенищам и припевали:

Ну-ка, ноженьки,
Да расторопнее,
А то в пляс пойду,
Вы и лопнете!
Мне б подправить вас
Через этот пляс,
Лихоманка вас дерн,
Ах, да ноженьки!

Парней сменили девчата. Они трясли плечами, их бедра ходили ходуном, высоко поднимались юбки:

У-ух! Цыганка молодая,
Да на ней юбка расписная!

Таранов зажал голову руками, а мысли так и роились: «Эх, до чего же испохабили нашу цыганскую музыку. Все на потеху толстосумам да дармоедам. А что если создать профессиональный ансамбль?»

Поделился этой мыслью с товарищами из соответствующих учреждений и ведомств.

— Давайте попробуем, — поддержали они. — Создадим первую в мире профессиональную цыганскую труппу.

А вскоре в Москве гостеприимно открыл свои двери цыганский театр «Ромэн». Его первым директором стал Андрей Таранов.

— Как сейчас вспоминаю, — рассказывает он, — премьеру «Жизни на колесах» Александра Германовича, которой открылся театр. Не только зрительный зал, все коридоры были переполнены. Я очень рад, что театр «Ромэн» пришелся зрителям по вкусу и уже около 50 лет верой и правдой служит искусству.

Осенью 1944 года, после освобождения Молдавии от фашистских захватчиков, Андрей Семенович Таранов был направлен на восстановление народного хозяйства нашей республики. Работал в Резинском райкоме партии, был директором Шолданештского табачноферментационного завода, заведующим райсобесом. В настоящее время он персональный пенсионер, живет в этом живописном городке на берегу Днестра, пользуется всеобщим уважением, часто встречается с молодежью, школьниками.

В ту памятную нашу первую встречу, прощаясь, Андрей Семенович бросил на меня свой лучистый, какой-то добрый и необыкновенно живой взгляд и, посмеиваясь, сказал:

— А ведь цыган же, чертяка? Да притом таборный. А вот распрощался с табором. Давно и на всю жизнь! Да разве только я один!

Глаза его заволокло вроде бы пеленой, и голос стал глуше, бархатней:

— Еду, бывает, последнее время, правда все реже, по республике (что ни говори, а старость не радость), и радуюсь, видя оседлые цыганские поселения в Атаках, Бричанах, Котовске, Сороках. Да мало ли где! И табор-то нынче фактически нет. Да и чужды стали они цыганам. Поверь мне, человеку цыганского племени.

Паровоз натужно пыхтит и устремляется из последних сил через многокилометровый мост, пересекающий Амур. Обвисшие, лохматые облака с размаху дробят об окна вагонов крупные капли, и сквозь водную пелену еле заметны ивы и потонувший в половодье луг. По обе стороны железнодорожной насыпи виднеются скученные, крохотные островки, на которых приютились бревенчатые избенки. Волны лижут их пороги, увиваются вокруг деревьев.

Пальцы безразлично скользят по вспотевшей глади стекла. Перед глазами мелькают тучные луга, веселые перелески, непроходимые леса. Я люблюсь этими богатыми землями и размышляю: в какой еще стране люди встречают Новый год одиннадцать раз в сутки? Наша Родина, вскормившая у своей материнской груди столько больших и малых народов, столь велика, что над ней никогда не заходит солнце.

Когда-то человек закидывал за плечи котомку и шаггал за Урал, через Сибирь, в край, где рождается солнце, и путь его не прекращался годы и годы. Позже тройка понесла сани, и путь продолжался месяцы. В наши дни гигантские расстояния покрываются за часы.

Еще утром я был в Кишиневе, а вечером — на берегу Амура, в Хабаровске, откуда и началось это увлекательнейшее путешествие по Дальнему Востоку, во время которого довелось побывать на легендарной Волочаевской сопке, прославленной в песне «По долинам и по взгорьям». Примерно после часа пути появляется голубеющая сосновым бором сопка. На самой вершине возвышается мемориальный комплекс, увенчанный фигурой воина-победителя, поднявшего над головой винтовку. А над ним на фоне свинцового неба, не переставая, плещется на ветру алое полотнище знамени.

— Это и есть знаменитая Волочаевка? — спрашиваю кого-то из соседей.

— Точно,— отвечает тот.

Поезд останавливается на станции, спрятавшейся в тени тополей.

В Волочаевке все дома бревенчатые. Заборы тоже. Дерево заменило здесь и камень, и металл, и уголь. Даже тротуары и те бревенчатые. Оно и понятно: куда ни глянь — леса.

Размытая дождями тропа ведет нас все ближе и ближе к вершине. Перед мемориальным музеем, что вознесся на сопке, выстроились в ряд могилы, над которыми за скромной металлической оградой зеленеют травы и цветут цветы. На мемориальной доске вспыхивают позолотой буквы:

«Здесь покоятся сто восемнадцать бойцов за победу Советов на Дальнем Востоке, павших смертью храбрых в борьбе с японскими интервентами при штурме Волочаевских укреплений 12 февраля 1922 г.»

У входа в музей высится монументальная фигура легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо, командира партизанского движения Приморского края, председателя Революционного Совета города Владивостока. Рядом высечены его ставшие историческими слова:

«Мы грудью нашей, мы жизнью будем бороться за Родину против нашествия. Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!»

Экспонаты, выставленные во всех четырех залах второго этажа, рассказывают о революционном движении на Дальнем Востоке. Наше внимание привлекла пожелтевшая от времени фотография, с которой прямо на нас смотрели бойцы первого в крае партизанского отряда: Кочнев, Караваев, Евтушенко, Худяков, Донич... Имена этих героев, первыми поднявших знамя борьбы за советский Дальний Восток, останутся на века символом братства и единства всех народов нашей необъятной Родины. Наряду с именем Лазо неуывдаемой славой открыто имя и другого нашего земляка — партизана До-

нича. Их первой заповедью были слова: «Плена для партизана не существует: для него победа или смерть».

Весь первый этаж занимает экспозиция, посвященная жестоким схваткам у Волочаевской сопки. Особенно поражает воображение огромная диарама, изготовленная в Московской художественной студии имени Грекова. Она оживляет Волочаевскую битву.

...Зима. На затоптанном снегу — трупы, обломки телег. Красное знамя поднимает бойцов в атаку. Партизаны устремились на вражеские позиции. Несколько бойцов набросили свои шинели на проволочные заграждения и колят штыками врагов. Женщина с красным крестом сестры милосердия выносит раненого с поля боя...

На стенах — портреты героев, отличившихся во время Волочаевского боя. В витринах осколки снарядов, патроны, покрытые ржавчиной гранаты, пулемет, трофейные знамена.

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Партизанские отряды
Занимали города.

И останутся как сказка,
Как маяющие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Стихи сочинил участник гражданской войны С. Парфенов, и они облетели весь мир. Помогла им музыка А. Александрова, которая сделала эту песню поистине крылатой. И мы склоняем головы перед памятью тех, кто пал в боях за свободу. Почтить память павших на знаменитую Волочаевскую сопку прибывают ежедневно сотни людей. Здесь никогда не отцветают цветы — цветы признательности.

Первыми прошли по этой дороге, пересекающей Волочаевскую сопку, строители города юности — Комсомольска-на-Амуре, и с тех пор эстафета побед и свершений передается, как символ мужества, из поколения в поколение. Принял ее в свое время и Алексей Маресьев:

«Коллектив строителей Комсомольска-на-Амуре воспитал во мне умение преодолевать трудности, привил в моей душе те черты характера, которые позволили мне выстоять во всех испытаниях в жестокой борьбе с фашистами».

Несут дальше эту эстафету и братья Петря и Михаил Лазэр, приехавшие из молдавского села Ходороуцы, чтобы вырастить в Уссурийской тайге первый фруктовый сад.

— Я-то человек приезжий,— полушутя, полусерьезно рассказывает Петря Лазэр.— Вот мой сын Андриеш— совсем другое дело: коренной сибиряк!

Вот эта земля. Советская земля! От Курил до Карпат, от Ледовитого океана до Памира. Наша Родина!

„ПОСТ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ“

Стояла глубокая ночь. У воздушного корабля, на борту которого четко выделялись при лунном свете слова «Крылья Советов», сутились люди. Они были в приподнятом настроении, громко переговаривались.

— И как все же назовем нашу бортовую газету?

— «Воздушная яма»!

— Ничего себе, намек. Выразительно! Представляю ее редактора, нисходящего из царства облаков без парашюта...

— Как раз наоборот. Надо ли говорить о том, что видящий ухабы не попадает в яму, он всегда приходит туда, куда задумал.

Окрыленные зовом дерзкой задумки, заманчивой надеждой, мужчины балагурили, хохотали от души.

В этот поздний час европейские столицы спали крепким сном. Там и не подозревали, какую потрясающую весть принесет день грядущий. Со страниц газет многих стран вскоре посмотрят на читателей портреты соколов красного воздушного флота. Их имена будут произносить с восхищением на десятках языков, на всех меридианах.

Валентин Зарзар, начальник экспедиции, статный, смуглый, черноглазый молдаванин, стоял чуть в стороне в накинутой на плечи плащ-палатке, беседуя с германским авиатором Дерулюфтом, приехавшим со специальной миссией— быть очевидцем этого необыкновенного полета, этой грандиозной авиационной премьеры.

— Каковы лётные данные нового советского самолета?— допытывался закордонный специалист.

— У воздушного корабля «Крылья Советов»,— пояснил Валентин Ананьевич,— максимальная скорость 210 километров в час, нормальный запас горючего на 10 часов полета, а с добавочным баком— на 18 часов.

— Неужели вы серьезно задумали покрыть расстояние в девять тысяч километров по Европе, в том числе

добраться без посадки — 1680 километров — до Берлина?

— Вполне серьезно!

— На этом самолете?

— Да, на этом. На советском.

— С восемью пассажирами?

— Нет. С девятью.

— Это непостижимо! Я сам так не летаю на «Юнкерсе».

У трехмоторного самолета АНТ-9, одного из первых поколений советских аэропланов, построенных выдающимся инженером А. Н. Туполевым в двадцатых годах, не было равных во всем мире; он воплощал в себе наиболее передовые достижения лётной техники.

10 июля 1929 года, в три часа ночи, с московской воздушной гавани Добролета отправился в длинный и трудный путь корабль «Крылья Советов». Гребя по воздушным волнам, он стал всплывать первую небесную борозду по маршруту Москва — Берлин — Париж — Рим — Лондон — Берлин — Варшава — Москва. Цель полета: продемонстрировать всему миру достижения Страны Советов в области самолетостроения и завершить заодно лётные испытания летательных аппаратов в условиях усиленной эксплуатации, с полной нагрузкой и в различных климатических условиях.

Экипаж самолета состоял из девяти мужественных человек: начальник экспедиции В. А. Зарзар, штурман — заслуженный летчик, впоследствии Герой Советского Союза М. М. Громов, борт-механик В. П. Русаков, инженер тов. Архангельский, специальные корреспонденты Михаил Кольцов («Правда») и его брат Борис Ефимов (художник газет «Известия» и «Красная Звезда»), И. Т. Бобрышев («Комсомольская правда»), А. Гарри («Известия»), а также один сотрудник ТАСС.

Моторы гудели поистине оглушительно. Пассажиров трясло и бросало из стороны в сторону. Валентин Зарзар черкнул с большим трудом на обрывке бумаги слова: «Мы благополучно оторвались от земли». Листочек стали передавать из рук в руки. Кто-то из журналистов выкрикнул реплику: «Не может быть!» Валентин Ананьевич оглянувшись с недоумением, вынул из кармана платок и стал вытирать стекло иллюминатора. Все равно ничего

не было видно. За бортом царил непроницаемая мгла. Ливневый дождь загородил окно сотканной из водяных струек заставью. Целых два часа самолет плавал по бездне, преодолевая дождь и грозу.

«Когда ветер рассеял туман, — описывает полет А. Гарри, — я выглянул в окно. Мы шли почти над самой землей, вероятно, не выше десяти метров. Когда в поле попадались отдельные деревья или холмы, наш пилот делал резкий поворот, как шофер такси, объезжающий зазевавшегося пешехода. Когда препятствие объехать было трудно, наш аппарат подпрыгивал на несколько метров вверх, потом мы снова опускались почти к самой земле». (Газета «Известия» от 17 июля 1929 года.)

Под крыльями металлической птицы мелькали леса, озера и поля, города и села, русские и белорусские просторы, прибалтийские ландшафты, морские пейзажи. Самолет шел так низко, что казалось, он не летит, а скользит по пенящимся гребням морских волн. У берегов виднелись лодки и баркасы с парусами. Польские рыбаки приветствовали пассажиров советской воздушной яхты, помахивая беретами: «Доброго пути!»

А между тем экипаж преодолевал сильную качку. Самолет АНТ-9, падая вкривь и вкось, взад и вперед, метаясь вверх и вниз, тряся, как от лихорадки. Обессиленные пассажиры держались, вцепившись руками в сиденья. Около десяти часов штурм безжалостно болтал людей в бескрайнем воздушном океане.

Наконец в глубине горизонта стал вырисовываться архипелаг берлинских зданий. Михаил Громов, не опуская предусмотренные лётными правилами разведывательные круги над аэродромом, поднял самолет высоко в небеса и, прикинув что к чему, пошел на свою знаменитую громовскую посадку. Находившаяся на аэродроме толпа растерялась, забурлила, стала разбегаться. Хозяева, видимо, перепугались — стальная птица упадет на головы людей. Однако самолет приземлился благополучно, чин-чином.

Как только посланцы Страны Советов сошли с самолета на землю, их тут же забросали цветами, приветствовали бокалами шампанского. Валентин Зарзар глядел на собравшийся народ и не в состоянии был понять, почему эти люди молча жестикулируют и беззвучно шеве-

лят губами. «Ах вот оно в чем дело,— уяснил для себя начальник экспедиции.— Не они немые, а я оглох от гула моторов». Прижал уши ладонями, замахал головой. И сразу толпа подала голос.

Несколько корреспондентов газеты «Берлинер Тагеblatt» втиснулись в кабину Громова, засыпая его вопросами.

— Простите,— вмешался в разговор поднявшийся сюда же немецкий инженер,— вы шли не со скоростью 170, а 186 километров в час. Мы это точно подсчитали. Нелыханная скорость при противном ветре, майн герр!

Михаил Громов смущенно оглянулся на приборы, на штурвал, у которых упорно проработал десять часов подряд.

«В связи с большой программой чествования,— сообщил 12 июля из Берлина корреспондент «Известий» А. Гарри,— отлет в Париж отложен до вторника. К нашему самолету, находящемуся в ангаре аэродрома Темпельгоф, совершается настоящее паломничество любопытных».

В своих репортажах из-за границы Михаил Кольцов писал: «Вокруг Громова, в его маленькой стеклянной каюте все дышит организованным, почти дремотным спокойствием. А рядом с громовским сиденьем и рулевым управлением — точно такое же во втором экземпляре. Это — для сменного летчика при очень долгих полетах. Сегодня здесь сначала сидел борт-механик Русаков. Но он преждевременно ушел в пассажирское отделение и, закутавшись с головой в плащ, задремал, как араб в пустыне. Место Русакова занимает тов. Зарзар, начальник нашей экспедиции. Он практикуется в управлении самолетом, изучает параллельно Громову все повороты рулей.

Особые люди эти новые герои новой советской техники... На темпельгофской арене советский самолет появился не лихим воздушным наездником, не русским авиаджигитом, а живым доказательством нашей индустриализирующейся страны, вестником социалистической реконструкции.» (Газета «Правда» от 16 июля 1929 года).

Трансконтинентальный перелет экипажа воздушного корабля «Крылья Советов» продолжался по Европе ок-

ло месяца. Это было главное событие года. О краснозвездной стальной птице — «флюгцойге», «авиона», «тримоторе», «плэйна», «платовеца», — писала вся печать мира.

В Париже Валентина Зарзара крепко обнял знаменитый французский писатель-коммунист Анри Барбюс.

— Валентин, говорят, ты из Бессарабии?

— Да, из придунайского городка Килии.

— В 1925 году я бывал в тех краях, присутствовал на судебном процессе татарбунарцев.

— Знаю. Прочитал вашу книгу «Палачи».

И сфотографировались на память, как большие добрые приятели, как товарищи по классовой борьбе.

Наши друзья в разных странах рукоплескали, восторгались триумфальным перелетом экспедиции «Крылья Советов», а враги, наоборот, кипели от ненависти и злобы. Буржуазная печать пестрила сенсационными, устрашающими заголовками: «Красный бомбардировщик над Францией», «Таинственный самолет из Москвы», «Большевистский самолет в Европе», «Воздушный разведчик Кремля» и так далее, и тому подобное.

«Окончательно испортилось наше настроение,— вспоминает известный художник-карикатурист Борис Ефимов,— когда, прибыв рано утром на столичный аэродром Литторно в Риме, мы обнаружили, что любезные хозяева абсолютно ничего не подготовили к старту. Никто из итальянской администрации даже не знал, где находятся ключи от ангара, в котором стоял наш АНТ. Начались бесконечные расспросы, переговоры, звонки в министерство авиации, откуда, наконец, прибыл какой-то невыспавшийся офицер. Потом мы, как говорится, «на собственных горбах», выкатывали АНТ из ангара, причем Кольцов довольно гармонично запевал бурлацкую мелодию «Е-ще ра-азик, е-ще раз!»

Римское утро дышало свежестью. Воздух оглашался весьма сочными пожеланиями по адресу местного начальства. Особенно художественного уровня достигал при этом начальник экспедиции Зарзар.

Наконец, почти с двухчасовым запозданием, «Крылья Советов» стартовал из Рима, держа курс на Ливерно — Геную — Марсель.

Поднявшись в воздух, Михаил Кольцов пустил по рукам опросный лист: «Прилетим ли мы сегодня в Лондон?»

А если нет, то почему?» И в салоне для пассажиров закрипели карандаши: «Да», «Конечно», «Вне всякого сомнения». Валентин Зарзар завершил: «Безусловно!» Кольцов взял опросный лист с ответами и показал штурману. Громов прочитал внимательно все прогнозы и добавил: «И да, и нет...»

Тем временем погода стала резко ухудшаться. Следовал короткий привал на французском морском берегу, в городе Марселе, самолет круто повернул на север вдоль реки Роны. Горные хребты были окутаны туманом. Шел проливной дождь. Внизу, под крыльями самолета, — скалы, овраги, леса. «Да-а... В случае чего здесь и садиться негде». Дабы отвлечься от такого мрачного пейзажа, журналисты затевали на борту всевозможные игры, конкурсы, шутки, оформляли стенную юмористическую газету «Воздушная яма».

«В эту минуту, — свидетельствует Борис Ефимов, — брат, повернувшись ко мне, многозначительно показал пальцем вниз. Самолет действительно резко пошел на снижение. Посадка? Авария? Шум моторов не давал возможности слышать друг друга... С бешеной скоростью неслись навстречу мокрые верхушки деревьев, какие-то затянутые сеткой дождя прогадины, покрытое густой травой поле. Моторы смолкли. АНТ мягко стукнулся колесами о землю, пробежал еще немного и остановился. Мы вышли наружу.

Громов уже спустился вместе с борт-механиком Русаковым из пилотской кабины и внимательно осматривал самолет.

— Ну, я думал — гроб! — спокойно оповестил он своих пассажиров.

Оказалось, что вследствие случайной технической неполадки (если не ошибаюсь, перед стартом был неплотно закрыт багажный люк) необходимо было медленно идти на посадку. И только зоркий глаз Громова мог, при почти полном отсутствии видимости, обнаружить подходящую площадку. Вскоре выяснилось, что мы приземлились в окрестностях французского провинциального городка Новер на Луаре, а поле, на котором сел АНТ-9, оказался... засекреченным военным аэродромом.

Вся буржуазная печать ликовала: «таинственный воздушный разведчик Москвы, подозрительно бродивший

над Европой, потерпел катастрофу, разбился вдребезги». Газеты сообщали нелепые, драматические, ужасающие «факты и подробности». Они расходились только в количестве убитых и раненых.

А на второй день «Крылья Советов» по воздушной волне переплыл через Ла-Манш и благополучно сделал посадку в Лондоне, сметая со страниц буржуазных газет клевету и фальшь. Это было, как говорили члены экипажа, «наше убедительное трехмоторное опровержение».

После четырех недель триумфального перелета по странам Европы 8 августа воздухоплаватели вернулись на Родину, в Москву. Центральный аэропорт столицы был украшен флагами и транспарантами, дружно играли фанфары, море народа и цветов. Приветствия ораторов с трудом пробивались через радостные торжественные возгласы людей, через неумолкающие бури аплодисментов. Перед собравшимися выступали с яркими речами начальник экспедиции Валентин Зарзар, штурман Михаил Громов, публицист Михаил Кольцов.

— За 53 летних часа, — сообщил начальник экспедиции, — мы покрыли расстояние в 9037 километров, со средней скоростью 170,5 километра в час. Это крупное достижение, новый рекорд нашего красного воздушного флота.

— Советские журналисты, — сказал Кольцов от имени «летающей редакции», — и за рубежом оставались верны принципам большевистской печати. Они способствовали ликвидации политбездарности среди европейских политических деятелей, помогая им усвоить такие слова, как «самолет», «Крылья Советов», «пятилетка».

Международная федерация авиации единодушно ставила этот полет во главе мировых рекордов тех времен.

В последующие дни по всему городу можно было видеть большие красочные театральные афиши. Они созывали москвичей и гостей столицы в большой зал Консерватории, в летний театр Центрального парка им. Горького, на вечера и встречи, где воздушные навигаторы, рыцари новых небесных дорог, выступали с лекциями, отчетами на тему «По Европе на «Крыльях Советов».

В том же незабываемом 1929 году другой заслуженный летчик нашей Родины — Семен Шестаков, уроже-

нец молдавского города Бендеры, друг Валентина Зарзара, на самолете типа «Страна Советов» совершил рекордный перелет по маршруту Москва—Сибирь—Дальний Восток — Нью-Йорк. Этот мужественный сокол в сорок третьем огненном году пал смертью героя в боях с фашистами на Курской дуге.

Пионеры красной воздушной флотилии были всецело поглощены одной мечтой, одной идеей, одним стремлением — «Все дальше и выше!» Они упорно трудились, учились, дерзали, создавали заново конструкторские бюро, заводы, экспериментальные лаборатории, полигоны, школы высшего пилотажа.

«Авиация не может развиваться без рекордов, без смелых перелетов, без широких замыслов, без размаха», — твердил Валентин Зарзар на каждом шагу.

Он пришел в авиацию, так сказать, окольным путем.

Вырос Валентин на берегу седого Дуная, в многолетней семье адвоката-практика. По окончании местной школы в родном рыбацком городке Килия пытливого способного мальчика проводили продолжать учебу в гимназии в Саратов, что на берегу другой, более могучей реки — Волги-матушки. Здесь он вскоре приобщился к передовым революционным идеям. Здесь впервые услышал призыв — «За власть Советов!», тут застал его набат Великого Октября. И его талант, его способности, его кипучая бурная жизнь стали расцветать пышно, ярко, как расцветают розы при летней утренней заре.

В 1918 году Валентин навсегда связывает свою судьбу с ленинской Коммунистической партией, записывается добровольцем в ряды Красной Армии. В возрасте 19—23 лет он был:

бойцом 2-й конной армии,
командиром артиллерийской батареи,
комиссаром полка,
курсантом Московской высшей артиллерийской школы,
начальником Бакинских артиллерийских курсов,
депутатом Киевского горсовета.

Зарзар громил врагов революции в донецких степях, на Северном Кавказе, принимал участие в ликвидации банд Махно на Украине, выкорчевывал последний оплот белогвардейцев — барона Врангеля в Крыму. В разгаре гражданской войны он встретил своего земляка, коман-

дира прославленного красного бронепоезда «Черноморец» Ивана Секриеру, с которым позже вместе овладели артиллерийской наукой на курсах в Москве.

В 1924 году неожиданно для него самого загорается в его душе новое увлечение, новая страсть — любовь к небу, к навигаторам заоблачных пространств. Здесь особенно ярко и всесторонне проявляется его неутомимый характер. Участвует во Всесоюзном совещании добровольного общества друзей Воздушного флота, где выступает перед собравшимися с интересными, оригинальными предложениями и идеями. Его избирают в Центральный совет вновь созданного Всесоюзного общества ОСОАВИАХИМ, и он переезжает работать в Москву.

В обществе ему доверили один из самых ответственных участков работы — организационную и агитационно-пропагандистскую.

Зарзар и его друзья активно развертывают работу по выявлению и воспитанию способных, смелых планеристов, парашютистов, летчиков, авиамodelистов, механиков, конструкторов летательных аппаратов.

Возглавляя позже Главную инспекцию гражданского Воздушного флота Союза ССР, он подготавливает и осуществляет ряд трансконтинентальных и трансокеанских перелетов, умножая рекорды и славу нашей авиации. По его инициативе впервые гражданская авиация стала применяться в сельскохозяйственных работах в борьбе с саранчой в Прикумских плавнях Средней Азии.

Выступает со статьями в журналах «Вестник воздушного флота», «Самолет», «Авиация и химия», «За рулем», в центральных газетах.

«Сегодня на Московском Центральном аэродроме, — писал он, — состоится официальное открытие двух новых больших советских воздушных магистралей.

Этим событием начнется проведение в жизнь пятилетнего плана развития советской гражданской авиации.

В 1922 году протяженность воздушных линий была 1200 километров, в 1928 году — 11 971 километр.

Советское самолетостроение достигло больших успехов. В перспективе намечены серьезные работы с целью передать обслуживание самолетно-моторного парка советской гражданской авиации исключительно советской промышленности». («Правда», 1929, 26 мая).

Одновременно Валентин Зарзар успешно завершает

учебу в Московском госуниверситете им. Ломоносова по курсу воздушного права, проходит аспирантуру, становится крупным ученым. Одаренный молодой ученый является редактором отдела науки и техники журнала «Красная нива», затем возглавляет отдел науки газеты «Известия».

Из-под его неутомимого пера выходит одна за другой пятнадцать книг, брошюр, научных трудов, в том числе: «Советская гражданская авиация и ее перспективы» (1926 г.), «Борьба за воздух», «Вопросы воздушного права» (1927 г.), «Воздушные пути в СССР и за границей» (1929 г.), «Современное аэростроительство, его роль и ближайшие перспективы в СССР», «Автомобилизм и дорожное строительство в СССР» (1931 г.), «Гражданская авиация капитализма и социализма» (1932 г.), «О роли аэротранспорта в социалистическом строительстве», «Техника создания и техника разрушения», «10 лет гражданского воздушного флота СССР» (1933 г.).

Последние четыре года своей короткой, но яркой жизни Валентин Зарзар, будучи членом Президиума Госплана СССР, посвятил всего себя грандиозным по тому времени свершениям первой пятилетки аэрофикации и автомобилизации страны.

«Если первая пятилетка дала нам самолет АНТ-14,— говорил он,— то вторая даст гиганта АНТ-20 — «Максима Горького», а там мы построим еще больший самолет, который к тому времени будет соответствовать нашей силе, нашей мощи.»

По его инициативе в Москве был создан Центральный авиационный музей — рассадник авиационных знаний среди трудящихся.

Куйбышев назвал Валентина Зарзара «поэтом советской авиации».

Валентин знал, что, согласно подсчетам гениального русского ученого Н. Е. Жуковского, человек, по соотношению между общим собственным весом и весом мышц организма в 72 раза слабее птицы. Но он, человек, испокон веков мечтал оторваться от земли, подняться над собой, посмотреть на красавицу планету сверху, из царства небес. И он поднялся, но не благодаря силе мышц своих, а разуму. Первые шаги человека в небо были трудными, мучительными, порой трагическими. Но он ни на миг не терял надежды, не прекращал борьбы за воздух,

шаг за шагом, от одного изобретения к другому, настойчиво создавал, «строил» невидимую небесную лестницу.

Летом 1882 года капитан-лейтенант морского флота в отставке, «старик в соломенной шляпе», Александр Можайский, после шестилетнего упорного труда, создал первый в мире аэроплан и недалеко от Красного Села совершил попытку подняться над землей при помощи силы ветра.

В те же далекие годы английский изобретатель, создатель первого в мире пулемета, крупный фабрикант Хайрем Максим построил летательный аппарат с пятью парами крыльев, высотой в двухэтажный дом. При первой попытке взлететь в воздух самолет разбился. Все это обошлось Максиму более чем в полмиллиона фунтов стерлингов, и он отказался от столь дорогих удовольствий.

Знаменитый французский инженер Клеман Адер, затратив полтора миллиона франков, создал первую машину тяжелее воздуха, которая поднялась на воздушной волне. Его Еол-II летал на расстояние до пятидесяти, иногда до девяноста метров.

Молодые американцы, братья Вильбур и Орвил Райт, собственники велосипедного завода, в 1905 году на машине тяжелее воздуха летали полчаса. Описав большой круг, они вернулись к месту взлета.

В 1906 году летательный аппарат бразильца Сантос-Дюмон плыл по воздуху 220 метров. В 1907 году бывший французский автомобилист Анри Фарман, поднявшись на своем самолете на высоту деревьев, пролетел 771 метр. Люди упорно продолжали штурмовать небесные просторы.

И лишь после гениального открытия московским профессором Николаем Егоровичем Жуковским воздушных потоков, воздействующих на крылья летательного аппарата, самолетостроение пошло резко вверх. К 1911 году в Европе производились десятки, сотни аэропланов. Русский четырехмоторный гигант «Илья Муромец» с девятью пассажирами на борту, развивая скорость до ста километров в час, поднялся на двухкилометровую высоту.

Таким образом, перестало быть проблемой подняться в воздух, летать в любом направлении. Русский пилот Петр Нестеров впервые выполнил свою знаменитую «мертвую петлю».

В первой мировой войне самолеты вписались активно в боевые действия, с них делали разведывательные фотоснимки, осуществлялась воздушная связь между армиями, бросали бомбы и листовки над окопами противника.

Валентин Зарзар в свое время внимательно следил и за боевым путем своего земляка пилота Ивана Спатарель, сына крестьянина из предместья Кишинева. В годы гражданской войны он совершал чудеса, летая на аэроплане. Впоследствии ему было присвоено звание генерал-майора советской авиации.

Весной 1923 года сходит с конвейера и устремляется в небесную лазурь первый советский самолет ИЛ-400. Ежегодно самолетный парк Страны Советов пополняется новыми стальными птицами конструкции талантливых изобретателей Туполева, Петлякова, Лавочкина, Ильюшина, Калинина, Яковлева и других.

«В результате Октябрьской революции в 1917 г., — писал Валентин Зарзар в своей книге «Современное аэростроительство, его роль и ближайшие перспективы в СССР», — пролетариат нашей страны унаследовал от старой России совокупное народное хозяйство, в котором авиация и воздухоплавание не играли абсолютно никакой роли, причем промышленная база аэростроительства, всецело предназначенного для милитаристских потребностей российского империализма, была абсолютно ничтожной. В 1923 г. зародилась советская гражданская авиация. Из года в год темпы советского аэростроительства возрастали.

Во весь рост стоит вопрос о том, что принятая в 1923 году правительством Союза ССР пятилетка гражданской авиации требует радикального пересмотра в сторону ускорения строительства, его увеличения и его качественной реконструкции. Нужны героические усилия.

Нужны социалистические темпы аэрофикации СССР».

Валентин детально, до малейших подробностей, изучает отечественные и иностранные достижения в самолетостроении, внимательно следит за изобретениями, за новшествами в этой области, делает расчеты, подсчеты, схемы, таблицы, выдвигает в своих работах важные идеи, первостепенные проблемы. В многообразии и глубине исследуемых им вопросов аэростроительства, в широте его таланта нетрудно убедиться даже при беглом перечислении тема-

тики разделов вышеназванной книги: «Роль современного аэростроительства в странах империализма», «База современного аэростроительства», «Самолеты и дирижабли, их роль и качества», «Рекордные скорости полетов самолетов на разных дистанциях с разными нагрузками», «Самолеты-гиганты и сверхгиганты», «Аэромоторостроение», «Военные воздушные силы империализма», «Союз ССР, его достижения и задачи в области аэростроения», «Советская авиапромышленность», «Воздушная оборона СССР».

Из его книги узнаем, что еще в 1926 году летчик Михаил Громов в течение трех дней совершил рекордный перелет на самолете «Пролетарий» по маршруту Москва — Кенигсберг — Берлин — Париж — Рим — Вена — Прага — Варшава — Москва. За 34 часа с минутами пребывания в воздухе он покрыл расстояние в семь тысяч километров со средней скоростью свыше 200 километров в час.

В 1927 году уроженец города Бендеры Семен Шестаков совершил свой знаменитый перелет от Москвы до Токио и обратно, преодолев 22 тысячи километров.

Страна Советов становилась постепенно родиной грандиозных свершений в освоении воздушного океана. В те годы, когда красные соколы побивали рекорд за рекордом, в Калуге «патриарх космоса» Константин Циолковский и в Москве молодой изобретатель Сергей Королев проектировали межпланетные ракеты будущих космических трасс.

Но Валентину Зарзару не суждено было любоваться тем, как в 1937 году Валерий Чкалов и Михаил Громов совершают беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку, как в огненные годы войны трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб собьет 62 фашистские «воздушные крепости», как летчик-испытатель Григорий Бахчиванжи экспериментирует первый советский реактивный самолет, как весной 1961 года Юрий Гагарин проложит первую космическую борозду.

Утром 5 сентября 1933 года на подмосковном аэродроме Тушино готовились к полету на самолете совершенно нового типа семь мужчин и одна женщина. Стоял густой туман, моросил мелкий холодный дождь.

— Ну и погода. Может быть, отложим полет? — сказал кто-то.

— Ни в коем случае! — возразил другой. — Нас ждут в Коктебеле. Без нас не начнется всесоюзное соревнование воздухоплателей.

И самолет АНТ-17, напруг свои стальные мускулы, поднялся в воздух, взяв курс на Крым.

— Главное в авиации, — шутливо сказал Валентин Зарзар перед отправкой, — чтобы количество взлетов совпало с количеством посадок.

Но этого, к великому нашему сожалению, не случилось. Где-то южнее города Подольска, около станции Лопасня, на расстоянии 70 километров от Москвы, самолет как-то стремительно пошел вниз и врезался в землю. Обратно в столицу нашей Родины привезли восемь гробов. Вся страна была в трауре. Ибо вся страна хорошо знала этих людей.

На второй день «Известия» поместила сообщение:

«ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают о безвременной смерти в результате авиационной катастрофы: тов. Баранова П. И., кандидата в члены ЦК ВКП(б), заместителя народного комиссара тяжелой промышленности, начальника Главного управления авиационной промышленности Союза ССР, старого большевика, активнейшего участника гражданской войны, тов. Гольцмана А. З., члена ЦК ВКП(б), нач. Главного управления гражданского воздушного флота при СНК Союза ССР, крупнейшего организатора и руководителя гражданского Воздушного флота Союза ССР, тов. Зарзара В. А., члена Президиума Государственной плановой комиссии Союза ССР; тов. Горбунова С. П., директора завода № 22, молодого выдающегося инженера — организатора производства, достигшего больших успехов в овладении техникой самолетостроения; тов. Петрова А. В., заместителя начальника Главного управления гражданского воздушного флота при СНК Союза ССР; тов. Дорфмана И. М., шеф-пилота Главного управления авиационной промышленности, выдающегося летчика; Плотникова Н. Е., бортмеханика, и тов. Барановой Б. М.

Центральный Комитет ВКП(б) и
Совет Народных Комиссаров Союза
ССР».

В связи с этим всенародным трауром в Москве экстренно была издана специальная книга — «Памяти строителей советского воздушного флота». Она открывалась вводной статьей, подписанной В. В. Куйбышевым, С. Орджоникидзе, М. И. Калининым, К. Е. Ворошиловым, С. М. Кировым, А. И. Микояном, М. Н. Тухачевским, И. В. Сталиным.

«Эта трагическая смерть, — отмечается в статье, — сильный удар по нашему Воздушному флоту. Партия недаром поставила этих товарищей на ответственный участок нашего социалистического хозяйства. Ни в одной области народного хозяйства не стояла так остро борьба за осуществление лозунга «Догнать и перегнать!», как в авиации. Мы летали на импортных самолетах и моторах. Теперь пространства СССР побеждены советскими самолетами с советскими моторами. Протяженность наших линий достигает 36 тысяч километров. Мы перегнали капиталистический мир в стальном самолетостроении. Эти величайшие победы неразрывно связаны с именами погибших товарищей».

Вся страна, весь мир с глубоким прискорбием откликнулись на эту трагедию. Соболезнования шли потоком из советских городов и сел, а также из США, Франции, Англии, Италии, Германии, Турции. Михаил Кольцов в срочном порядке передает по телефону из Крыма в редакцию:

«Сердце сжалось, когда на запасных путях станции Симферополь в черной толпе паровозов взял в руки телеграмму: погибли Баранов, Гольцман, Петров, Зарзар, Горбунов — создатели, руководители, строители, лучшие большевики военного и гражданского Воздушного флота. Какие яркие, сильные, мужественные фигуры нашей эпохи! Природа отомстила дерзким завоевателям воздуха. Но это не остановит победного шествия советской авиации».

Демьян Бедный посвящает этому событию стихи:

Слова прощанья стынут на губах.
Всей скорби не вместят размерные строфы.
Лежат товарищи в гробах,
Став ранней жертвою нелепой катастрофы!
Злой случай оборвал геройскую их роль.
Подстерегла-таки бойцов судьба — ехидна.
Горька, невыразима боль.
Невыразимее — обида.

Газеты из номера в номер, в течение целой недели, посвящали скорбные материалы этому потрясающему событию.

«Валентин Ананьевич Зарзар,— писал 8 сентября 1933 года в газете «Известия» Н. Осинский,— самый молодой, хотя в то же время «старейший работник нашей авиации». Совсем недавно приходилось нам совместно с ним прорабатывать в предпоследней стадии пятилетку по автомобилям и авиации. Как легко было работать с Зарзаром по таким вопросам, где обязательно надо открытыми глазами смотреть далеко вперед, не пугаться самых смелых новшеств, не смущаться самых головокружительных темпов и в то же время не зарываться, не терять чувства действительности. Зарзар был одним из самых передовых, широко развитых, культурных работников нашей партии. Он обладал двумя прекрасными свойствами — чувством юмора и чувством здравого смысла. Высокий, худощавый, смугловатый, с матовым блеском в темных глазах, он в простой, краткой и точной форме высказывает самые смелые положения о том, как лучше посадить СССР на автомобиль и заселить его воздушную территорию аэропланами. Зарзар стоял на вахте в области планирования двух самых передовых отраслей, глядя далеко вперед, крепко чувствовал, что вместе с ним глядят ВКП (б), рабочий класс, пролетарская революция. С половины жизненного пути ушел от нас Валентин Зарзар, и стало немного скучнее на белом свете без этого милого товарища, хотя и некогда нам скучать в разгар великой битвы».

Два дня нескончаемым потоком шли люди с фабрик и заводов, ближайших сел и деревень к Колонному залу, где были установлены все восемь гробов строителей красного Воздушного флота. Венки приносила вся Москва, вся страна. Траурные знамена склонились над гробами. В почетном карауле руководители Коммунистической партии и Советского Правительства, Суровы, скорбные последние минуты последнего прощания.

Траурная процессия направляется к Красной площади. Перед Мавзолеем В. И. Ленина замирают в воздухе знамена, останавливаются шаги бесчисленных колонн. С последним словом к погибшим обращаются Секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе, председатель Госпла-

на СССР В. Куйбышев, заместитель председателя Реввоенсовета СССР М. Тухачевский. За Кремлевской стеной раздается 21 залп траурного салюта. Сводный оркестр, в том числе Большого театра Союза ССР, скорбно и торжественно исполняет «Интернационал».

«Они летели в Коктебель».

Это полет в будущее. Они летели навстречу авиационной юности. Это — люди, одевавшие страну в крылья.

Встреча не состоялась. Холодное серое небо повисло в тот день над Москвой. Сплошная завеса дождя. Осень.

Полет оборвался. И невольно многие взглянули на небо. Серое, холодное, оно вспоминалось другим. Оно синело первомайской синью. Знамена реяли над площадями. Отдаленный шум возник на горизонте. Он приближался, становился явственнее и воплощался вдруг в крылья. Ими заполнялась вся воздушная ширь. Вся толща воздуха, отделявшая их от земли, содрогалась, редела, перемещалась. Небо летело. Людям казалось, что и земля дрожит под их ногами. Так майская голубизна неба превратилась в сталь. Это был щит. Он закрывал Москву от грядущих нападений. Из края в край, с запада на восток и с юга на север, простирался этот крылатый щит. Таким явился нам образ строителей красного воздушного флота. Они летели в будущее, эти восемь человек. Полет оборвался.

Но летят машины, сделанные их руками. Летят люди, возвращенные их школой. Летят эскадрильи с заводов, задуманных их неукротимой мыслью.

Полет продолжается. Полет к новым победам».

(Из книги «Памяти строителей советского Воздушного флота». Москва, 1933 г., с. 34—35).

Ряд работ, рукописей, личных документов Валентина Зарзара бережно хранятся ныне в Музее истории Компартии Молдавии. Они стали неоценимыми реликвиями героической эпопеи первых пятилеток большого взлета нашей Отчизны.

В. А. Зарзар обессмертил себя своими делами. Его именем названы Быковский аэропорт гражданской авиации, Московская городская планерная школа,

Валентин Зарзар продолжает летать!

Каждый раз в День Победы Ханифа Нугаева-Хархалуп достает заветную шкатулку с письмами и садится задумчиво в кресло. Перелистывает (бог весть в который раз) зачитанные, пожелтевшие от времени страницы. Читает их внимательно и взволнованно, каждый раз находя в них новый источник успокоения и душевной ласки. Фронтовые письма, последний наказ мужа, стали для нее неоценимым кладом. Перелистывает их, и в памяти встает образ любимого человека, звучит его тихий, ровный голос.

«Дорогая моя жена, дорогие сыновья!

Настал четвертый день войны с фашистами. Когда наступит ей конец, никто не знает. Встаем с петухами, а ложимся далеко за полночь. Каждый пилот выполняет за день по три-четыре боевых вылета. Боевое крещение получил под Бельцами. Еще ни разу так не тосковал по вас, как в эти дни...»

С этими письмами связаны ее самые добрые, самые светлые воспоминания. И она хранит их как зеницу ока. «Эти письма священны для нас,— говорит Ханифа Ахмедшевна.— Дорога бумага, которая была у него в руках. Дорога каждая строчка, которая исходила для нас от него. Мы этим живем».— Возьмет письмо, и перед глазами проплывает полная борьбы и горения жизнь летчика-молдаванина Семена Хархалупа.

Родился Семен Иванович и провел свои детские годы в селе Валя-Адынкэ, что в переводе с молдавского означает Глубокая Долина. Эта тихая, чарующая своей красотой местность теряет свои корни в глубине веков. Огромные отвесные скалы, покрытые деревьями, охраняют покой журчащих в долине ручейков. Узкие, вьюном вьющиеся тропы взбираются на косогоры и соприкасаются с небесами. Эти обвораживающие скалы, дающие Приднестровью сходство с горами, хранят старин-

ные предания, песни и легенды. Здесь проходили войска фельдмаршала Шереметьева, который 27 мая 1711 года форсировал у Рашкова Днестр, спеша к месту будущего Станилештского сражения с полчищами Оттоманской Порты. Здесь же в тридцатых годах прошлого столетия устроил свой курень предводитель восставших украинских селян Юстим Кармалюк. По этим ложбинам и бугоркам хаживал, впитывая с ароматом полевых цветов любовь к родному краю, Семен Хархалуп.

Только было отгремела гражданская и над Валя-Адынкэ стали заниматься зори Советской власти, на село обрушилась беда. После длительного и опустошительного дождя вздулись речные воды, вышли из берегов и с невероятным грохотом, пенясь и разрушая все на своем пути, ринулись на село. Среди десятков других крестьянских семей остались без крова и Хархалупы. Внемля призыву сельского учителя Константина Щербатого, обездоленные бедняки собрали свои скудные пожитки, взвалили их на телеги и потащили за околицу. Верстах в пяти от села, на косогоре, у могучей развесистой дубравы zaloжили хутор. Одно время даже названия ему не было. Хутор, да и только. Но в конце концов надумило кого-то в память о старом сельском учителе Щербатом назвать новое сельцо Константиновкой.

И зажил Семен с родителями в Константиновке, хотя в школу продолжал бегать в Валя-Адынкэ. Изю дня в день, в течение четырех лет помогал он проторить тропу между старым и отпочковавшимся селом. Пять верст туда— пять обратно. Порой присядет уставший Семен на обломок скалы, и не удержатся его мечтательные глаза, устремятся в лазурную глубь небес. Разве мог Семен тогда себе представить, что пройдут годы, и из этой бездонной голубени упадет он, объятый пламенем, у околицы родного села?

Семен был непоседливым, пытливым мальчишкой. Увлекался авиамоделизмом, мечтал стать летчиком.

Пятнадцать лет он простился с отчим домом и пошел в люди, собственным трудом добывать хлеб насущный. Работал несколько лет на лесоразработках в Приднестровье. Затем течение жизни забросило его в Крым на строительство шоссе на дорогах.

Всюду он отличался настойчивостью и трудолюбием. И жизнь щедро открыла перед ним свои двери. Осенью

1929 г. комсомолец Семен Хархалуп был призван в ряды Красной Армии. И счастье ему улыбнулось. Полузабытая мечта детства обрела крылья. Служил и учился. Учился настойчиво, с любовью и вдохновением. Полностью отдавался изучению физики, математики, геометрии. Освоил профессию механика и стал правой рукой пилотов.

В 1935 году Семена направили в летное училище. Затем последовали первые путешествия по увлекательному заоблачному царству, первые прыжки с парашютом. Мечта стала явью. А когда почтальон принес в отчий дом фотографию молодого пилота, о нем заговорила вся Константиновка, вся Валя-Адынкэ. Сельские красавицы только по нему и вздыхали, а парни завидовали.

Летом 1940 года, после воссоединения Бессарабии, авиаполк, в котором проходил службу старший лейтенант Семен Хархалуп, был перебазирован в город Бельцы. Его часто можно было видеть с Александром Покрышкиным, с Григорием Речкаловым, друзьями по службе.

Коммунист Хархалуп со всей душой отдался строительству новой жизни на Правобережье Молдавии. Выступал с зажигательными речами перед рабочими и крестьянами, помогая последним перейти к новому социалистическому укладу жизни, стать хозяевами собственной судьбы и счастья.

Новая жизнь крепла, побеждала всюду и во всем.

Но... вспыхнуло пламя военных пожаров. Вспыхнуло неожиданно...

По сигналу тревоги «соколы» подняли в небо свои самолеты и вступили в неравный бой. Озабоченные жены ждали их на пороге родных домов и с тревогой всматривались в небо, где мужья вели бой, защищая родную землю. А война отнимала у них мужей, покой, радость.

«В молдавском городке, где близ границы располагался наш авиационный полк,— вспоминает Ханифа Ахмедшевна,— начался переполох. Советские солдаты героически отбивали атаки врага. Семен из одного полета прилетал и в другой улетал. На аэродроме бывал лишь, пока заправлял самолет горючим и боеприпасами. Не успел даже помочь упаковаться и проводить на вокзал. Даже не знаю, как смогла бы эвакуироваться с двумя малолетками на руках, если бы вокруг не было столько

верных друзей и товарищей. В критический момент, когда фашисты прорвали линию нашей обороны, мы выехали из горящего городка последним поездом. Только чудом спаслись от врага и остались в живых».

Жена и двое детей эвакуировались в глубь страны, в солнечный Узбекистан, где она работала учительницей, а по вечерам в госпитале ухаживала за ранеными красноармейцами. Об этом периоде она вспоминает: «После уроков я водила старшеклассниц на швейную фабрику имени 8 Марта, где девочки выполняли несложные операции: пришивали к обмундированию пуговицы, петлицы, крючки. Мы же — взрослые женщины — разбились побригадно и дежурили в послеоперационной, убирали палаты, сушили постели, мыли и купали тяжелораненых. Делали мы всю эту работу от полноты доброго женского сердца, ибо у каждой из нас был на фронте муж или отец, сын или брат».

Возвращалась домой поздно вечером усталая и полная ожидания: а вдруг письмо. На пороге встречал ее старший сын Фуат и спрашивал?

— Мамочка, от папы ничего нет?

И тогда мать молча гладила сына по голове. Сына...

Это было еще до войны. Во время учений командир Семена, Шариф Юсупов, разбился. Семен тяжело пережил эту утрату и на могиле друга поклялся усыновить его сына — Фуата. Он хорошо выполнял отцовские обязанности. А женился лишь спустя два года...

В Самарканд полевая почта доставила лишь одно письмо Хархалупа.

«Милая моя жена, дорогие детишки! — писал он в конце первой недели войны. — Могу сообщить, что я жив-здоров. Вчера, 28 июня, под вечер 12 вражеских бомбардировщиков пересекли Днестр и взяли курс на украинский город Котовск. Бой был жарким. Из двенадцати стервятников только одному удалось вернуться. Не так уж страшен враг, как в первые дни. Я в этом бою сбил два самолета. Оба упали близ Рыбницы...»

Это письмо стало последним. Жена получила его одновременно с извещением о том, что муж «пал смертью храбрых»...

Ранним утром 30 июня 1941 года над Днестром появились вражеские стервятники, которые намеревались

разбомбить переправу. Но Семен Хархалуп и его товарищи обратили их в бегство. А когда возвращались, встретились с превосходящими силами врага. Разгорелся неравный бой. Семен сбил три фашистских самолета. Но вдруг его машина вздрогнула раненой птицей и потеряла управление. Языки пламени бушевали у двигателя. «Нет, не дотяну до базы!». И Семен вспомнил, что неподалеку родное село, рядом с которым простирается ровное обширное поле. «Лучшего места для посадки не сыскать».

Но «ястребок» летел на последнем дыхании. Оставляя широкий шлейф черного дыма в безоблачной глади неба над Днестром, он врезался в землю.

Это случилось на рассвете. Самолет глубоко прорыл ниву, и среди колосьев осталось торчать лишь хвостовое оперение. На прогалине, среди золотящихся неубранных хлебов лежало окровавленное тело пилота. В это время отец летчика — Иван Хархалуп — дежурил у колхозного телефона: время-то военное! А мать прибиралась по хозяйству. Устрашающий лязг металла, предсмертный крик огромной стальной птицы разбудили всех жителей окрестных деревень.

Григорий Речкалов, генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, фронтовой друг Семена Ивановича, пишет в своей книге «В небе Молдавии»:

«Хархалуп часто называл себя солдатом. И не ради красивого словца. Мальчуганом его приютили артиллеристы. Служил срочную, окончил курсы младшего состава. Потом по партийной путевке попал в авиацию. Нелегкая жизнь наложила свой отпечаток и на характер, и на внешний облик этого человека, простого и мужественного. Мы искренне любили его».

И в продолжении: «Вся Константиновка наблюдала за неравной схваткой... Первыми прибежали табаководы. Вокруг воронки были разбросаны обломки самолета, глубоко в землю врезался пропеллер.. Неподалеку, лицом вниз, бесильно раскинув руки, лежал летчик. Его бережно подняли, положили под голову кожанку, прикрыли парашютом. Лицо было обезображено до неузнаваемости. Кто же он, этот человек, отдавший за них жизнь? Документы целы. Красная книжечка партбилета еще хранила тепло его сердца. Бригадир табаководов Александр Бородинов раскрыл ее, замер.

— Читай.

— Билет номер четыреста шестьдесят шесть тысяч восемьдесят пять,— произнес он.

— Билет номер...— повторили константиновцы.

— Фамилия? — тихо спросил кто-то.

— Фамилия... — бригадир глазами поискал кого-то в толпе и с трудом выдавил:—Хархалуп Семен Иванович... Вздрогнулось, пошатнулось бездонное небо.

— Сема!..

Мать без сознания упала на грудь сына.

Все помнили, как он, летчик, приезжал в родную деревню в отпуск: брал в руки косу и свободно, широко шагал по полю — не каждый, кто сеял и косил всю жизнь, мог поспеть за ним. Не забыли они и то, как в синие, ласковые вечера рисовал им Семен будущее Константиновки.

И вот он мертв. Рядом лежат разбитые часы. Они показывают утро — утро нового, восьмого дня войны. Оно стало для него последним». Геройски сражаться и погибнуть у родного порога! Сколько трагизма в этой последней встрече матери и сына!

Похоронили его на сельском кладбище.

Тяжело пережили земляки гибель героя. Скорбящие односельчане отдали ему последний земной долг, и на их застывших лицах можно было прочесть боль, возмущение, ненависть и жажду мести.

Пропеллер самолета, на котором Семен Хархалуп совершил в первые дни войны пятьдесят боевых вылетов, был установлен на самом возвышенном месте села и стал памятником верности и отваге. А когда фашисты захватили село, односельчане спрятали пропеллер и сохраняли эту дорогую всем им реликвию все годы войны. В настоящее время пропеллер экспонируется в Республиканском краеведческом музее Молдавской ССР.

В центре Константиновки на пересечении двух дорог серебрится алюминием обелиск, увенчанный ярко-красной звездой.

На нем высечена надпись:

«Вечная слава павшему в боях за Родину с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. летчику ст. лейтенанту Хархалупу С. И. (1909—1941 гг.)».

— Вижу его как наяву,— вспоминает директор мест-

ной школы Алексей Михайлович Малюта.— Учились мы в одной школе. Позже, будучи уже летчиком, наведываясь на побывку домой, играл с нами в волейбол. Вот здесь на майдане, где памятник нынче. А вот там, третий слева, родительский дом Семена.

В сопровождении Алексея Михайловича входим в опрятный обсаженный старыми яблонями и ореховыми деревьями двор. В зелени притаился старый, начинающий ветшать крестьянский дом. С резным крылечком и подслеповатыми оконцами, по молдавскому обычаю выкрашенный в густой синий цвет. У крылечка буйно расцветает сирень. Здесь, на отчей усадьбе, проживает теперь младший брат летчика— Григорий Иванович Хархалуп— тракторист местного колхоза. Вглядываюсь в мощные, протянувшие руки-ветви к небу деревья и вижу совсем юного Семена, мастериющего свои планеры, слышу его голос: «Неужто нашему селу суждено не занять своего летчика?»

Константиновке, родине скромных и трудолюбивых людей, выпало счастье иметь не только своего рыцаря небесных дорог. Здесь и поныне трудятся трое Героев Социалистического Труда: Анна Хархалуп, Евпатий Боярский и Мария Кордонская. Здесь же выросли шестеро кавалеров ордена Ленина. И это при сотне с лишним дворов! Не многим селам можно гордиться такими земляками. Эстафету ратных подвигов приняли достойные, трудящиеся руки.

Жена бесстрашного летчика-молдаванина Ханифа Нугаева-Хархалуп в послевоенные годы осталась работать педагогом в Самарканде. Она вырастила и воспитала двух сыновей достойными памяти отца. Фуат — кандидат наук, преподаватель Ташкентского университета. Валерий — известный советский спортсмен, работает тренером в Москве.

Когда у него родилась дочь, ее назвали Викторией в честь деда-летчика, в честь героев, что покрыли себя неувядаемой славой в боях за свободу и независимость нашей Родины.

«Несколько лет тому назад,— вспоминает Ханифа Ахмедшевна,— я посетила родное село мужа. Все жители Константиновки и Валя-Адынкэ, родственники и друзья встретили меня необыкновенно тепло и сердечно. Нал

могилой мужа возвышается обелиск. Школьники посадили вокруг дерева и цветы, они свято чтут память земляка-героя».

Молдавское приднестровское село и далекий узбекский город Самарканд стали побратимами. Ведь их связывают светлая память о рыцаре небесных путей, братство и дружба наших народов,

...Брестская крепость! Символ борьбы, самопожертвования, беспредельного мужества и неуязвимой славы. За последние годы появилось много книг, повествующих о героических подвигах защитников бугской цитадели. А сколько драматических эпизодов, сколько славных свершений, сколько незабываемых имен хранит еще в тайне легендарная крепость?! Ведь умирая, люди рождались для бессмертия.

«Те, которые сражались в Брестской крепости, прошли эту школу ненависти не за месяцы, а за дни и недели — такой концентрированной, неистовой, бешеной была их короткая война,— писал в своей книге «Брестская крепость» Сергей Смирнов.— И в этом чувстве ненависти, как в жарком, злом пламени, сгорело все мелкое, личное, свое, что было в душах людей, и осталось одно, самое важное и главное — та смертельная, до конца непримиримая борьба с врагом, в которой они стали первыми воинами своего народа. Рядом с этой борьбой и ее возможным трагическим исходом собственная жизнь казалась уже неважной, недостойной особой заботы. Эти чувства станут ясными, стоит только задуматься над несколькими словами, выцарапанными неизвестным защитником крепости на стене каземата: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20 VII-41».

Посмотрите — здесь нет подписи. Он не думал, этот умирающий солдат, о том, чтобы оставить истории свое имя, донести сквозь годы свой подвиг до потомства, быть может, до близких, родных ему людей. Он, видимо, вообще не думал ни о подвиге, ни о героизме. Почти месяц тут, в адовом огне Брестской крепости, он был простым «чернорабочим» войны, рядовым бойцом первого рубежа Отчизны, и в час смерти ему захотелось сказать ей, своей Родине, что он сделал для нее самое большее, доступное человеку и гражданину,— отдал жизнь в борьбе с ее врагами, не сдавшись им».

...Множество писем ложатся ежедневно на письменный стол журналиста. Какие только вопросы не поднимают они, какие неожиданные просьбы содержат!

«Мы, А. Болдурату и О. Мурса, жители с. Кожушна Страшенского района, с большим интересом прочитали книгу С. Смирнова «Герои Брестской крепости». Содрогаешься, вспоминая, сколько яростных атак отбили в первые же дни войны защитники этого важнейшего форпоста на западной границе нашей страны! И тогда хочется низко поклониться советским людям за их героические подвиги, за стойкость и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны.

Хотелось бы узнать и другие подробности о бессмертном брестском гарнизоне.

Хотелось бы узнать, например, как сложилась после войны жизнь оставшихся в живых солдат, где находятся они сейчас и чем занимаются?»

Письмо двух кожушнянцев заставило призадуматься. Я читал когда-то, кажется, в одной из районных газет, что среди сотен героев, обессмертивших свои имена под стенами Брестской крепости, были и молдаване. Один из них якобы после войны вернулся в родные края. Но где он и как найти его?

В поисках ответа на этот вопрос довелось повстречаться с работниками редакций и музеев, Дома офицеров и Института истории партии, общества «Знание»...

— Не знаем. Впервые слышим о таком,— так отвечали всюду.

В конце концов позвонил в Республиканский военный комиссариат.

— Действительно, несколько лет тому назад в наш адрес прибыла награда для молдаванина, защитника Брестской крепости. По фамилии вроде бы Доницой и проживает где-то под Тирасполем. Поподробнее можете узнать, прибыв к нам лично.

Наконец-то появилась нить, ведущая к герою.

— В нашем коллективе,— сказали мне на консервном заводе в Глином,— действительно работал защитник Брестской крепости. Тоницой его фамилия. Тоницой Семен Григорьевич. Сейчас работает водителем в АТБ-23...

И вот, петляющая, тенистая дорога ведет меня к центру села. Вокруг — новые красивые дома.

— Дядя Семен, шофер? — всезнающе переспросил какой-то мальчонка, видать, командир босоногой гвардии, которая гарцевала на подсолнечных палках. — Вот там он живет, как раз за углом. На крыше — антенна его телевизора. Видите?

И вот я уже во дворе. Дворовая собака не очень гостеприимно встретила пришельца. Но тут же из глубины сада появился мужчина с сачком через плечо. Подчиняясь хозяину, дворняжка уныло побрела в свой закуток.

— Порыбачил я, стало быть, малость. Как сегодня воскресный день, значит, — начал он — Река, вон она, за домом, так что сызмальства приучен.

Затем, как бы спохватившись, представился:

— Семен Тоницей.

Узнав, кто я и какими судьбами забрел к нему, пригласил в дом.

Среди молдавских ковров, украшавших горницу, заметил репродукцию знаменитой картины Л. Кривоногова «Защитники Брестской крепости».

— Откуда у вас эта картина?

— Подарок Музея героической обороны Брестской крепости.

Семен Григорьевич помолчал как бы из боязни спугнуть нахлынувшие воспоминания. Глубоко вздохнув, добавил:

— Вы и представить себе не можете, что там творилось!

Прошу, чтобы рассказал поподробнее. И вот он начал рассказывать не спеша, вполголоса.

— Была суббота. И кто мог бы подумать, что наступает последний мирный вечер, что мы уже на пороге войны?..

Я слушал товарища Тоницея, и передо мной как наяву вставала потрясающая трагедия, происшедшая на заре 22 июня 1941 года под стенами этой пограничной крепости.

...Поздно вечером два бойца, два друга-земляка, Семен Тоницей из Глиного Слободзейского района и Николай Павленко из Екатериновки Каменского района,

оба старшины и артиллеристы, возвращались из кино. Поскольку остальные еще с вечера выехали на учения, казарма пустовала. Тоницей и Павленко остались потому, что на следующий день им предстояло защищать спортивную честь подразделения на соревнованиях между частями гарнизона. С улицы доносился смех, проходили запоздалые парочки.

— Блаженны влюбляющиеся в эти чудные летние ночи, — печально-завистливо прогудел Николай. — Вот только мне не везет...

Легли спать. Но еще долго не могли заснуть. Николай беспокойно ворочался. Так и не заснув, распахнул окно. Облокотясь о подоконник, отдался во власть воспоминаний. Ночь веяла теплом и спокойствием. Рядом, в кустах, заливались коростели.

— Мэй! Сеня! Не спишь?... — не вытерпел. — Эх, оказаться бы у Днестра, среди виноградников! Тебе приходится спать в шалаше на винограднике?

— Да что ты завелся, ей-богу... Не за горами уже и демобилизация, — стал Тоницей успокаивать друга. — А к осени такие свадьбы сыграем, что долго вся округа будет вспоминать. А сейчас спи, а то завтра соревнования, как бы не оплошал ты, браток.

Знать бы им, что именно в это время пятьсот вражеских орудий нащупывали своими жерлами темнеющий силуэт крепости. 45-я пехотная дивизия противника, насчитывавшая почти 17 тысяч солдат и офицеров, которая еще недавно маршировала по улицам Парижа, сейчас притаилась под покровом ночи у самой советской границы и ждала условленного сигнала, чтобы напасть на Брест. Фельдмаршал фон Клюге, командующий четвертой гитлеровской армией, был уверен, что крепость падет в первый же час войны.

«Тщательное наблюдение за русскими, — напишет в «Воспоминаниях солдата» генерал Гейнц Гудериан, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе Брестской крепости, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов».

В 3 часа 15 минут страшная канонада сотрясла землю. Четыре тысячи залпов в минуту — настоящий огненный шквал — обрушились на крепость площадью в четыре квадратных километра.

Земля вздымалась в небо, с воздуха низвергалась лавина камней, бревен, раскаленного металла. С оглушительным треском рушились кровли и стены. Семен и Николай высочили в окно. По двору хаотически бегали ничего не понимающие люди. Падали, поднимались и падали вновь.

Собравшись в укрытии, мужчины жестикулировали, спорили наперебой. Замолкли, когда вошла простоволосая женщина, несшая окровавленный, обезображенный труп девочки. Лица стали жестче, непроницаемое.

В течение часа не прекращалась артподготовка. Потом вражеская авиация сбросила на крепость сотни тонн тротила. Казалось, на земле не осталось ничего, кроме дыма и пламени. Силы противника превосходили силы защитников крепости почти в 10 раз.

Когда бомбардировка прекратилась, в атаку пошла фашистская пехота.

— К оружию, товарищи! — прозвучала команда майора Гаврилова.

Бойцы выбегали из укрытий, расхватывали с ходу оружие, гранаты и вступали в бой с захватчиками. То здесь, то там разгорались рукопашные схватки. Семен Тоницей и Николай Павленко, еще вчера мечтавшие о демобилизации и о возвращении в родные края, вступили в бой, не размышляя, и, когда закончились патроны, поражали врага штыком и прикладом.

Восемь раз пытались фашисты в тот день завладеть крепостью и столько же раз отступали. К вечеру все позиции остались в руках защитников крепости. Исполненный спокойствия, майор Гаврилов объяснял:

— Товарищи! Ушедшие на учения обязательно придут нам на помощь. Главное — до их прибытия не отдавать ни пяди земли.

Артиллеристы Тоницей и Павленко получили назначение в стрелковый взвод.

Часы ожидания тянулись невероятно мучительно. Ушедшие на учения части так и не сумели прорваться к крепости. События приобретали катастрофический оборот.

Радисты, увидев, что не удается связаться со своими частями, перешли передавать в эфир открытый текст: «Я — крепость, я крепость. Ведем бой...»

«Германия сокрушит Советский Союз, по меньшей ме-

ре за один месяц, а вероятнее всего, за три месяца», — докладывал 23 июня 1941 года президенту Рузвельту военный министр США Стимсон.

«Для того чтобы красные смогли спастись от катастрофы, — трубила американская газета «Нью-Йорк пост» в первые дни войны, — в течение очень короткого времени должно последовать гораздо большее чудо, чем это было когда-либо со времен написания библии». «Россия приговорена к смерти», — поддерживал «Нью-Йорк джорнэл Америкэн».

А между тем Брестская крепость непокоренным огненным островом осталась далеко в тылу вражеских полчищ. Ее защитники не складывали оружия. Увидев, что не берет их ни смерть, ни огонь, фашистское командование попыталось деморализовать гарнизон, поставить его на колени, применив психологическое воздействие. С самолетов стали сбрасывать пустые железные бочки, листы металла, которые падали с ужасающим воем. И сразу же включались мегафоны.

— Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Говорит командование германских войск. Части фюрера заняли Минск и стремительно продвигаются к Москве. Не сегодня-завтра Россия капитулирует. Мы предлагаем вам сдаться. В противном случае вас смешают с землей. На размышление предоставляем...

Один из офицеров осажденной крепости сорвал с себя окровавленную сорочку, прикрепил ее к дереву и прокричал Тоницею:

— Возьми! Ответь им...

Семен взобрался на башню и прикрепил это алое знамя, знамя непокоренных. И снова обрушились на них танки и пехота. Гарнизон отбивал атаку за атакой. Но проходили дни, и сокращалось число защитников крепости, все тяжелее становилось переносить невероятные трудности. Подходил к концу провиант, таяли боеприпасы. А с Большой Земли ни весточки. К тому же у стен крепости стали разлагаться сотни вражеских трупов. Если ветер дул на запад, еще можно было терпеть, но когда ветер дул с границы, приходилось надевать противогазы.

— Что будем делать, товарищ майор? — спросил раненый лейтенант. — Остались без капли воды. Бойцы изнывают от жажды. И нечем охлаждать дула пулеметов. Пули вылетают расплавленными.

Гаврилов оглядел изможденные лица бойцов. Все знали, что река и крепостные рвы находятся под наблюдением врага. И все знали, что без воды, без пулеметов крепость не сможет продержаться.

— Кто рискнет? — спросил майор.

Николай Павленко шагнул вперед. Присоединились Семен Тоницой, усталый, запыленный грузин, перевязанный белорус — всего 12 бойцов.

— Многовато вас, братцы, — решил командир. — Пойдет каждый второй.

Николай остался стоять по стойке смирно — ему предстояло идти. Семен устало опустился на ящик изпод снарядов. Задание было опасным и тяжелым, и майор проинструктировал уходящих.

Когда ночь вошла в свои права, шестеро смельчаков пробралась через пробоину в стене и растаяли среди руин и дыма. А через некоторое время вспыхнули ракеты, по-шакальи залаяли вражеские пулеметы.

Из шестерых вернулись только двое: Павленко и грузин. Николай уже был рядом с крепостью, когда шальная пуля выбила из зубов бережно донесенный котелок, и драгоценная влага разлилась. Старшина был огорчен как никогда. От досады хотелось плакать.

Бойцы облизывали потрескавшиеся губы. А грузин стал лить воду на ствол пулемета. Семен зажал ладонями уши, чтобы не слышать шипения испаряющейся воды. Какая страшная мука!

Где-то рядом воды омывают крепость, а люди здесь гибнут от жажды.

«Сюда нельзя было подступиться, — сообщал противник в очередном «Боевом донесении», — имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивает каждого приближающегося».

Оставалось одно: голодом и жаждой вынудить русских сдаться в плен, с этой целью следовало прибегнуть ко всем средствам, ускоряющим изнурение...»

Тем временем в Берлине уже били в литавры. Выступая на пресс-конференции, рейхсминистр Риббентроп хвастливо заявил, что сопротивление русских на реке Западный Буг сломлено. А спустя день немецкий военный корреспондент сообщал из Бреста:

«Близко к крепости не подойти. Я наблюдаю издали, как вздымаются фонтаны земли, дыма и огня».

28 и 30 июня враг предпринял особо ожесточенные, но как и прежде безуспешные атаки. И снова (уже в который раз!) авиация стала бомбить развалины.

«После полудня, — писал фашистский генерал 30 июня, — авиация опять начала сбрасывать 500-килограммовые бомбы... Сброшена 1800-килограммовая бомба, попавшая в угол форта и потрясая взрывом не только крепость, но и город Брест».

Бомба крупного калибра упала, не разорвавшись, как раз напротив бойницы Семена Тоницой. Другая — срезала башню и уничтожила пулеметную точку.

Ценой огромных потерь в живой силе и технике в начале июля противнику удалось захватить западный форт. Защитники отступили в глубь катакомб и еще долгое время оказывали сопротивление, нанося противнику ощутимые удары.

«Даже внезапное нападение на крепость, — был вынужден признать в «Боевом донесении» командир 45-й пехотной гитлеровской дивизии, — в которой сидит от-важный защитник, стоит много крови. Эта прстая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска... Русские в Брест-Литовске сражались исключительно упорно и настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе...»

Получив в бою контузию, Семен пришел в себя в лагере для военнопленных близ Белой Подляски. Предшествовавшие события припомнил смутно. Левая нога онемела. Вокруг, прямо на земле, лежали раненые. За проволочным ограждением прогуливались солдаты с автоматами в руках и со свастиками на рукавах.

Среди раненых Тоницой заметил своего друга Павленко, у которого, как он узнал позже, были переломаны рука и два ребра. Два друга, героически защищавшие крепость, так же стойко переносили адские условия фашистских лагерей.

Вскоре пленных отправили в Германию, в Дахау, где, не переставая, день и ночь дымили трубы крематориев.

Летом 1942 года Тоницой и Павленко удалось бежать из плена и добраться до югославской границы. Совсем немного оставалось до места действия югослав-

ских партизан, когда напоролись на эсэсовский патруль. На допросе, чтобы запутать следы, Тоницей и Павленко заявили, что удрали из поместья. Только поэтому не были возвращены на фабрику смерти, а отправлены в обыкновенный лагерь.

Но мысль о свободе и об активной борьбе против фашистских варваров не покидала их ни на минуту. Осенью того же года они пробрались под проволочными заграждениями, но и на этот раз друзьям не повезло. Когда, казалось, все опасности остались позади, нарвались на группу вооруженных фашистов. Попытались было бежать, но затрещали немецкие автоматы, и безжалостная пуля скосила Николая. Семену удалось спастись.

Много дней прятался в лесах, питаясь ягодами, но однажды голод погнал его на ближайшую станцию. На перроне заметил окурок и, делая вид, что завязывает шнурок на ботинке, поднял его. Но какой-то прилизанный старикашка позвал полицейских. И опять лагерь: допросы, побои, страшные муки, голод.

Германия проигрывала войну. Уже агонизируя, фашисты, словно утопающие, хватались за соломинку — заставляли обессиленных заключенных под дулом автомата работать на шахтах, заводах, фабриках, железных дорогах. Семен в составе бригады военнопленных попал на какую-то станцию. Однажды вьюжной декабрьской ночью 1944 года на станцию прибыл эшелон с зачехленными пушками и машинами. «Сейчас или никогда, — решил Семен. — Поезд, судя по всему, направляется на восток». И когда эшелон тронулся, Тоницей скользнул под чехол.

Через день, прыгнув с поезда, с радостью узнал, что находится в Польше. Нашел приют у одного кузнеца. Добрый человек накормил его, рассказал новости, ввел в курс положения на фронте. А вести приходили радостные: наши доблестные войска наступали на всех фронтах.

Как-то ранним утром хозяин прибежал в подземелье, где прятался Тоницей, и взволнованно закричал:

— Пане Семен! Пане Семен! Советки!

Тоницей выбежал на улицу. На запад продвигались грозные и мощные советские танки. «Наши!» — Семен зарыдал...

Вскоре Семен Тоницей в составе артиллерийского батальона пошел на запад и завершил войну у стен рейхстага.

После окончания войны наш земляк вернулся в родное село, и вот уже четверть века он за рулем.

Однажды, поставив машину в гараж, Семен заметил у репродукторов группу товарищей.

— Давай скорей сюда, — позвал его кто-то и помахал рукой.

Подбежал, но услышал только последние слова передачи.

— Только что по радио выступал Сергей Смирнов, — объяснил кто-то из шоферов. — Просил всех оставшихся в живых защитников Брестской крепости сообщить, где находятся и поддерживают ли связь с товарищами. Напиши ему, Семен. Непременно напиши!

— Обязательно. Знали бы вы, ребята, какое это счастье через столько лет, хотя бы и заочно, вновь познакомиться с боевыми друзьями!

Семен сдержал слово. А дней через десять, вернувшись домой, нашел конверт. Это был ответ от Сергея Смирнова.

«Уважаемый Семен Григорьевич!

Получил Ваше письмо. Прошу описать подробно все, что Вы увидели и пережили в дни боев в Брестской крепости. Для ориентировки прилагаю к письму список вопросов, на которые прошу ответить как можно более подробно.

Прошу также выслать в мой адрес несколько Ваших фотографий 1941 года и теперешних. Я передам их на хранение в Музей Советской Армии. Вам вернут хорошо исполненные копии.

С горячим приветом и наилучшими пожеланиями!

С. Смирнов.

Так встретились вновь герои легендарной крепости на Буге. Встретились на страницах газет, на экранах телевизоров и сценах театров. Семен Тоницей узнал, где находятся и чем занимаются его боевые друзья. Герой Советского Союза майор Петр Гаврилов, возглавлявший защитников Брестской крепости, пенсионер, проживает в Краснодаре. Сын полка Петя Клыпа, люби-

мец гарнизона, тоже выжил и работает в Брянске. Мужественный воин Александр Фил проживает в Якутии. Бесстрашный лейтенант Анатолий Виноградов — в Воинской артиллерии Алексей Ляховецкий работает строителем в городе Каменка Молдавской ССР.

«Великая Отечественная война застала старшину Семена Григорьевича Тоницой в Брестской крепости, — сообщила 8 апреля 1958 года газета «Правда». — В ряду других защитников крепости храбро сражался он с фашистскими захватчиками.

Недавно С. Г. Тоницой получил сообщение, что Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден за участие в героической обороне Брестской крепости и проявленное при этом мужество медалью «За отвагу».

На днях в торжественной обстановке состоялось вручение медали».

Бывшие защитники легендарной Брестской крепости трудятся ныне на разных широтах Родины. Со многими из них Семен Григорьевич переписывается. По праздникам Петр Михайлович Гаврилов, бывший командир, поздравляет его. А в дни празднования двадцатилетия героической обороны крепости Брестский обком Коммунистической партии и облисполком наградили его Почетной грамотой.

...Семен Григорьевич достал с полки несколько книг и разложил их передо мной. Всмотрелся: «В поисках героев Брестской крепости», «Брестская крепость», «Герои Брестской крепости» — все три С. Смирнова, «Под стенами Брестской крепости» С. Бобренка, «Дни и ночи в Брестской крепости» А. Каланадзе, сборник памятных очерков «Героическая оборона» и другие.

— Вот эти книги, — тихо сказал хозяин, — мое самое большое богатство.

А я смотрел на поседевшего шофера и думал, что о нем самом можно написать яркую, правдивую книгу — целую эпопею.

Когда мы уже прощались, вошел почтальон и вручил хозяину письмо. Писала группа школьников из Окница. С разрешения товарища Тоница воспроизвожу его полностью, ибо оно свидетельствует о глубоком уважении, которое питает молодежь Страны Советов к тем, кто

мужественно защищал независимость и честь нашей Родины.

«Многоуважаемый Семен Григорьевич!

Мы, комсомольцы молдавской средней школы поселка Окница, прочитав и обсудив книгу Сергея Смирнова «Герои Брестской крепости», решили создать школьный музей героев. Работники Музея обороны Брестской крепости сообщили нам адреса многих участников обороны. Среди них — и Ваш адрес. Просим описать важные эпизоды боев в осажденной крепости, а также выслать несколько фотографий, которые будут экспонироваться в нашем школьном музее. С глубокой признательностью.

*Комитет комсомола
молдавской средней школы
поселка Окница».*

Когда бойцы шли на подвиг, они не думали о славе, не думали о почестях. Они умирали с думой об Отчизне, рождаясь для бессмертия.

О них, о мужественных защитниках Бреста, написаны стихи и песни, о них народ слагает легенды. Чтобы помнить их великий подвиг, чтобы учиться у них любви и беззаветной преданности Родине, молодое поколение страны создает музеи.

А в сердце нашей Родины Москве под древней Кремлевской стеной, у могилы Неизвестного солдата, гранит бережно хранит пропитанную горячей алой кровью землю городов-героев. Есть здесь и священная земля крепости-героя Бреста.

«Я был участником войны и немало видел в те годы, — писал в открытом письме героям Брестской крепости писатель Сергей Сергеевич Смирнов. — Но именно подвиг защитников Брестской крепости как бы новым светом озарил все виденное, раскрыл мне силу и широту души нашего человека, заставил с особой остротой пережить счастье и гордость сознания принадлежности к великому, благородному и самоотверженному народу, способному творить даже невозможное».

Вместительный зал клуба был переполнен. Сидели даже на подоконниках. Предстояла встреча с ветеранами Великой Отечественной войны. Сотни внимательных глаз прикованы к столу президиума. На лицах написаны восхищение и признательность. Среди нескольких десятков мужчин, расположившихся в президиуме, одна женщина, на груди у которой четыре правительственных награды.

— Смотри-ка!.. Узнаешь?.. Сильвикина мама! — удивленно обратилась какая-то школьница к подруге. — Не думала я, что она тоже героиня!

Да и откуда знать об этом девочке? Ведь герои, мужественные и бесстрашные на войне, в мирные дни стали простыми и скромными людьми. Например, Юлия Степановна, женщина, сидящая в президиуме, никогда не говорила односельчанам о своих подвигах, и молодежь знала только о ее сегодняшнем трудолюбии, о доброте и человечности.

Но люди должны узнать о подвигах, которые совершила эта женщина в годы Великой Отечественной войны. Тогда, еще семнадцатилетней девочкой, она не раз повторяла страшные слова: «Вызываю огонь на себя!»

* * *

Юлия достала с вешалки военную фуражку мужа, примерила ее перед зеркалом и поправила выющуюся прядь. Радостно улыбнулась, представив себе, как удивятся и будут завидовать подруги, когда она появится на улицах родного села под руку с офицером. О том, что она вышла замуж, знали пока лишь родственники. Вышла замуж и переселилась в город, в Черновцы. И вот завтра исполнится неделя с тех пор, как она вместе с другими женами офицеров живет в военном городке.

Стояла перед зеркалом и задумчиво теребила косы.

К утру должен был вернуться после наряда муж, и они решили, что в этот день, в воскресенье, непременно поедут в Мындык (ныне Ливэдень), ее родное село, расположенное близ Тырново, на севере Молдавии. Запаквали чемоданы и заблаговременно запаслись билетами на поезд. Юлия с нетерпением ждала наступления утра.

Но нежный и сладкий предутренний сон был нарушен странным нарастающим шумом. Бередящий душу вой самолетов и оглушающий грохот взрывов раскололи трепетную тишину. Юлия метнулась к окну. На товарной станции пылали цистерны с горючим, и вся комната осветилась ярким светом. В казармах трубачи играли тревогу. Раздавались короткие, отрывистые приказы.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился Иван. Муж был бледен, с глазами, уставшими от бессонницы, но ворвался стремительно, сорвал с вешалки шинель и сказал на одном придыхании:

— Началась война! При обычном пограничном конфликте не стали бы бомбить город...

Юлия прижалась к груди мужа.

— Не могу поверить! — молвила еле слышно. — Может быть, учения? Или провокация...

Но капитан, казалось, не расслышал слов жены.

— Наш дивизион отправляется на границу. Ты пока останешься здесь. При бомбежках спускайся в убежище. Ясно?

— Нет! Я тебя не пушу! — рыдала Юлия. — Я пойду за тобой. Куда угодно... Мне страшно!

Офицер нежно вытер заплаканное лицо жены, поцеловал ее и сказал ласково, но твердо:

— Если ты, жена командира, не в состоянии овладеть собой, то что говорить о других?

И Юлия, самая юная из жен офицеров, немного успокоилась. Вышла во двор проводить Ивана. Там уже собрались заплаканные женщины, гомонящие дети. Машины, орудия, орудийная прислуга — все направлялось через темнеющий зев железных ворот к границе. В непривычно пустые казармы заглянули первые лучи восходящего солнца.

Для населения города начались беспокойные дни. Не успевал ветер развеять тучи дыма и пыли, как над горизонтом появлялись новые и новые стаи фашистских стер-

вятников. На месте казарм уже вздымались прокопченные руины. Жены офицеров и дети эвакуировались в глубь страны. Но Юлия решила не спешить. Переселилась в убежище и чем могла помогала раненым.

А с начала войны прошла уже целая неделя. С границы шли тревожные вести. Увеличивалось число раненых. Увидев среди них кого-либо из знакомых, Юлия, замирая, спрашивала:

— Скажи-ка, товарищ, капитана Селивѣрстова не видел?

Но люди только печально пожимали плечами. Тяжкое предчувствие закрадывалось в сердце молодой женщины. Поздно ночью, покончив с делами, Юлия забивалась в угол убежища и впадала в полудрему. Разбитая усталостью, она никак не могла заснуть. «Бог весть, где сейчас Иван,— эта мысль не оставляла ее.— Может быть, установил свои пушки где-то на перекрестке дорог и встречает вражеские танки. А может быть, лежит окровавленный и ждет помощи... Господи, хотя бы в плен не попал...»

Тревожные мысли сменялись воспоминаниями. В памяти всплывали полузабытые события, картины минувшего... 1940 год. Отец — низкорослый, жизнерадостный. Вот он идет в поле, ведь вместе с остальными мындыкскими бедняками получил и он надел из барской земли. А мама, зажав подмышкой документы, спешит в сельсовет. Она депутат и заместитель председателя. Брат и сестренка в лесу, экскурсия у них. Она, Юлия, секретарь комсомольской ячейки. Вместе с остальными комсомольцами хлопочет на бывшей помещичьей усадьбе, где сейчас сельский клуб. До чего же прекрасной стала жизнь! И какое несчастье обрушилось вдруг на страну...

Под утро задремала. Проснувшись от гремящих по соседству выстрелов. Раненые были срочно эвакуированы еще ночью. Одиноким ветер гулял по лежащему в руинах городу, по опустевшим квартирам, сердито забрасывал горелые обрывки бумаги в разбитые окна, метался и стонал, словно и ему становилось страшно оставаться одному среди пустоты и разрухи.

Обуянные страхом люди — женщины, старики и дети — покидали убежища, сбивались в группы — им предстоял нелегкий путь скитаний. И Юлия, с котомкой за плечами, вышла из ворот разрушенной казармы. Что

делать? В какую сторону идти? И как раз в эту минуту появился солдат с перевязанной головой.

— Связной товарища капитана, — представился. — Идем... Фашисты прорвали линию обороны и появились на окраине города.

Бегом добрались до моста, сели в грузовик и остановились только под стенами Хотина, где артиллеристам капитана Селивѣрстова предстояло прикрывать отступление наших частей через Днестр. Воины в пропитанных пылью и потом гимнастерках копали укрытия, сгружали снаряды, устанавливали пушки на боевые позиции.

— Сержант Поликарпов! — приказал капитан. — Зачислить комсомолку Юлию Квитковскую во взвод связи. Приучить к «делу»!

— Есть! — вытянулся по стойке «смирно» сержант. Так для Юлии началась новая жизнь, полная опасностей.

Несколько дней артиллеристы отбивали атаки противника в районе днестровской переправы. Каждую минуту рискуя жизнью, Юлия четко выполняла полученные задания. Ползала по-пластунски, пробиралась сквозь град осколков и пуль между воронками от взорвавшихся снарядов, находила обрывки поврежденных проводов, связывала их и обеспечивала связь между «КП» и огневыми позициями. Вражеская авиация бомбила не переставая. Приднестровье превратилось в сплошной огненный котел. Стонала земля, вскипали речные волны. Воины мужественно продолжали держаться. А фашисты шли нескончаемой лавиной. Шли холеные, самоуверенные, опьяненные легкими победами в Западной Европе.

Однажды вечером, когда окружение стало неминуемым, подразделение получило приказ отступить. Начались бескрайние украинские степи. Нескончаемые, развороченные бомбами дороги кишели людьми, подводами, перегоняемым скотом, машинами. Солдаты молча отсчитывали километры. Шагали опустив головы, а в сердцах клокотала ненависть. Один лишь вопрос сверлил всех: «До каких же пор? Сколько будем отступать?»

А позади уже остались Днестр, Буг, Днепр.

На окраине какого-то села навстречу артиллеристам выехал всадник.

— Товарищ капитан,— предупредил он,— немцы перерезали пути!

Командир оценил обстановку и сделал необходимые распоряжения. Через несколько минут артиллерия крушила перекресток, занятый врагом. Юлия наблюдала в бинокль, как рушатся вражеские позиции и горит техника. Между тем бойцы поймали гитлеровского офицера. Фашист был принаряженным, словно на парад. Сапоги, пуговицы и бляха сияли. Вел себя надменно, вызывающе:

— Россия—капут! — кивнул он переводчику.— Если жалаит виживат — сдавайц!

— Гляди, сволочь, как мы сдаемся! Огонь! — командовал капитан Селивёрстов. Полтора часа длился бой. В конце концов враги оставили перекресток. Путь был открыт.

Наши войска двинулись дальше. Трудные дороги, раны, болезни и бессонные ночи истощали силы людей. Километры казались бесконечными, часы тянулись годами.

Запорожье. Наконец-то установилась линия обороны. Приказ — ни шагу назад.

Лавина за лавиной накатывались на наши позиции передовые штурмовые силы противника. Юлия, командовавшая теперь взводом связи, притаилась в зарослях и умело корректировала огонь артиллерии. Безмерна была радость, когда снаряды попадали в цель и под ураганным огнем рассыпались фашистские батальоны, ломались наступающие цепи, взлетали в воздух огневые точки противника.

И вдруг!.. Прямо перед ней из-за высоты выползли фашистские стальные чудовища.

— Танки! — прокричала в трубку.— Сколько? Десять... Пятнадцать... Двадцать пять! Обходят с левого фланга. Наступают на огневые позиции артиллеристов. Да стреляйте же!.. Огонь!!!

— Уходи! — слышится в трубке голос Ивана.— Отступай!

— Поздно... Вызываю огонь на себя!

— Отступай, Юлия!

— Огонь! Что же они медлят?

Наконец Юлия слышит свист приближающихся снарядов. Инстинктивно прижимается к земле. Дыхание

прерывисто. Каждый нерв, натянутый словно струна, готов лопнуть одновременно с первым взрывом.

Поблизости вздымаются фонтаны земли и дыма. Путь танкам перерезан. Языки пламени окутали первую боевую машину: танк, будто контуженный, закружился на месте, теряя свою стальную обувь. Рядом запылало еще несколько машин.

Юлия хочет приподняться. Протягивает руку к трубке, но вдруг перед глазами все темнеет, и она проваливается в небытие.

Сознание вернулось только в госпитале, в Тамбове. На три месяца раны приковали ее к постели. Скучала по мужу, по боевым товарищам. Скучала по родному, истерзанному оккупантами краю. Фронтные треугольники, которые посылал Иван в краткие перерывы между боями, стали самым дорогим ее сокровищем. Она читала их и перечитывала, пока не заучивала наизусть.

«Дорогая Юлия, милая моя жена!

Настала и поздняя осень, а конца войне еще и не видать. В августе и сентябре мой дивизион прошел через тяжкие испытания. В настоящее время находимся в Саратове. Но разве до отдыха нам, когда решается судьба страны и жизнь нашего народа поставлена на карту? Сейчас дивизион снова укомплектован боевой техникой и людьми. Скоро направляемся на фронт. Куда, еще неизвестно. Наверное, под Москву, чтобы защитить сердце нашей Родины от наступающих вражеских орд.

Как ты себя чувствуешь? Скучаем мы без тебя. Артиллеристы все спрашивают: «Товарищ командир, что пишет Юлия Степановна? Когда вернется в дивизион?» Некому больше петь прекрасные молдавские песни, которыми ты согревала наши сердца.

Недавно мне присвоили звание майора, так что можешь поздравить!

Желаем скорейшего выздоровления!

Крепко обнимаю и целую,

Ваня».

После выздоровления Юлия догнала свой дивизион под Калинином. Наступила зима. Белая пелена снега окутала леса до самого горизонта. Жестокий мороз сковал всю природу. Линия фронта застыла среди замерз-

ших лесов. Наступательные силы фашистов иссякли. Зато в наших частях разворачивалась подготовка к грандиозному контрнаступлению той памятной зимы.

Навсегда запомнился первый освобожденный населенный пункт. Колесо войны закрутилось в обратную сторону. Дивизия, в состав которой входило и подразделение майора Селивёрстова, покрыла себя неуязвимой славой в боях за освобождение Орла. О ее беспримерном героизме говорили в те дни повсюду.

Иные настроения царили теперь среди солдат. И песни требовали другого ритма:

Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе любимая, родная армия,
Шлет наша Родина песню-привет!

Часто Юлия запевала, и весь дивизион подхватывал слова, которые низвергались мощным водопадом торжествующего солдатского хора:

Дашь отпор, дашь отпор!...

Когда-то Юлия боялась пойти вечером до колодца воды набрать. Сейчас уже ничто ее не пугало. Бесконечные тяжелые марши, яростные схватки с врагом превратили хрупкую нежную девчущку в настоящего солдата-фронтовика.

Позиции часто менялись. Юлии надлежало оперативно обеспечивать связь между «КП» и огневыми точками. Возвращалась на базу уставшей, еле волоча натруженные ноги. Прислонившись к какому-нибудь пеньку, подкладывала руки под голову, однако едва успевала прикрыть глаза, слышалось тревожное:

— Квитковская! Повреждение кабеля!

Юлия вскакивала, протирала ладонью глаза, хватала автомат, набор инструментов и углублялась в лес восстанавливать связь. Зачастую действовала под градом вражеских пуль и осколков.

Проходили недели, месяцы.

Однажды вечером Юлия получила приказ доставить письмо в соседнюю часть.

По ходам сообщения пошла в нужном направлении, в сторону березовой рощи. Пятляющая зигзагами траншея, этот «солдатский проспект», привела ее к дымному

блиндажу. В убежище за колченогим столиком сидел офицер в накинутой на плечи шинели и читал при свете коптилки газету. Квитковская отдала честь и протянула пакет. Офицер взял его, вскрыл и пробежал глазами текст и схемы. «Где я его видела? — не могла припомнить Юлию. — Неужели это товарищ Дариенку, инструктор Тырновского райкома партии? До чего же похож....»

— Вы свободны! — сказал офицер усталым голосом. Но Юлия не сдвинулась с места. Решившись, спросила:

— Извините, товарищ лейтенант, вы случайно не из Молдавии?

Офицер подошел, внимательно разглядывая ее, и лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Юлия? Откуда ты взялась?!

— Сражаюсь, как видите...

— Садись. Расскажи, как живешь, как дошла до этих мест? Муж где?

Юлия коротко рассказала обо всем, что довелось пережить. Дариенку внимательно выслушал ее и сказал печально:

— Я занимался эвакуацией гражданского населения. Находился в Тырново до последнего дня. Чуть не попал в лапы оккупантов. Семья выехала раньше, и я потерял ее след. Порой думаю: увижу ль когда-нибудь своих близких?

— Кончилась бы поскорее война, — успокоительно ответила Юлия, — и все станет на свои места.

На прощание лейтенант крепко пожал ей руку.

— Очень рад, что довелось встретиться. При случае позвони. И с мужем хотел бы познакомиться.

Но случая позвонить так и не представилось. На второй день наши войска развили наступление. Захватчики яростно сопротивлялись, а отступая, превращали все в «выжженные зоны». Стрелки всех указателей были направлены только на запад. На восток шагали лишь колонны военнопленных.

Шла зима третьего года войны. Часть, в которой сражалась Юлия, вела бой под Смоленском. Однажды ее срочно вызвали в штаб дивизии.

— Товарищ Квитковская, на участке перед нашей дивизией враг начал передислокацию войск, — сказал ге-

нерал.— Что-то немцы затевают. Вам предстоит узнать: это маневр или подготовка контрнаступления.

Юлия и еще двое разведчиков, надев маскхалаты, пробралась к передовой линии вражеской обороны. Двенадцать часов пролежали они, притаившись в сугробах, изучая позиции противника. Ветер хлестал по щекам, мороз пробирал до мозга костей, но они не смели даже пошевелиться, чтобы не демаскировать себя.

По узкой долине двигались вражеские колонны. Около одинокого колодца фашисты сворачивали направо и, пройдя через мост, скрывались за холмом. Разведчики пытались вникнуть в планы врага. «Если части прибывают и прибывают, а назад не уходит ни один солдат,— решила Квитковская,— значит, готовится настоящее наступление».

— Товарищ генерал!— сообщила по телефону.— Фашисты концентрируют свои силы у высоты 210. Видимо...

Но не успела доложить до конца. В ста метрах от разведчиков раздался взрыв. А через несколько секунд снаряды стали падать совсем рядом.

— Враг готовит серьезное контрнаступление,— доложила Юлия командиру.— Нас обнаружили. Фашисты ведут массированный огонь.

— Все будет в порядке!— прозвучало в ответ.— Прекрасно, что враг рассекретил свою батарею. Мы заткнем им пасть. А вы продолжайте наблюдать за высотой.

Мощный артиллерийский удар заставил фашистскую батарею замолчать. Затем огонь перекинулся на высоту 210. Фашисты были охвачены паникой. Ряды пехотинцев дрогнули и отступили ко второй линии обороны. Но испепеляющий огонь советской артиллерии настиг их и там.

После окончания боя комсомолка Юлия Квитковская была вызвана перед строем. Поздравить ее пришел сам командир дивизии генерал Сергей Иванович Афанасий. Поблагодарил за находчивость и мужество, сообщил, что разведчица представлена к награде.

С тех пор, встречая Юлию, генерал улыбался ей как родной дочери.

— Ничего,— шутил он.— Недолго уж и до конца. Разобьем врага — и в Молдавию. Небось, найдешь, дочка, кувшин вина для старого вояки?

21 марта 1944 года, когда их подразделение сража-

лось уже на территории Польши, останется навсегда в памяти Юлии. В тот день Сергей Иванович повстречал ее с особенной радостью.

— Поздравляю, Квитковская! Этой ночью войска Второго Украинского фронта форсировали Днестр и освободили город Сороки!

— Сороки?— переспросила Юлия, и голос задрожал от волнения.— Ведь от Сорок рукой подать до моего села!

И в глазах молдаванки засверкали слезы.

— Вот-те, здрасте!— воскликнул генерал.— Ей бы радоваться, а она плачет!

В тот же день Квитковская отправила домой, в Мындык, открытку. Не очень-то надеялась, что дойдет, но очень уж хотелось получить хоть какую-нибудь весточку из родного села.

И вот однажды вечером подруга, военврач Нина Севастьянова, вышла ей навстречу с конвертом в руке.

— Отгадай откуда?

— Ума не приложу, Ниночка! Ну, давай же его быстрее!

Одним взглядом охватила содержание:

«Юлия, с приветом к тебе Лисандру, твой сосед. Открытка твоя прибыла в наше село одновременно с армией-освободительницей. Спешу сообщить, что отец твой Стефан и мама Дария, а также сестренки твои и брат живы-здоровы. Вскоре напишут и они, бо я отнес твою открытку, и они страсть как обрадовались. Хочу сообщить, что односельчане давно уже считают, что переселилась ты в мир иной. Говорили, что погибла ты в 1941 году у Днестра...»

— Живы!— радостно воскликнула Юлия.

Побежала к своему Ивану и перевела ему содержание письма.

— Не мешало бы обрадовать родителей фотографией,— предложил муж.— Давай завтра же и сфотографируемся.

Вскоре прибыло второе письмо:

«Здравствуй, сестричка!

В первых строках моего письма хочу сообщить, что все мы здоровы, чего желаем и вам с мужем. Стало

быть, «мертвые» воскресают? Ну и чудо! Ведь мама давно уже и поминки справила...

В годы оккупации много довелось пережить. Как-то заявили к нам жандармы и перерыли весь дом. Даже подушки распоролы штыками. Но не найдя ничего, как псы набросились на маму. Избили прикладами:

— Отвечай, ты, большевичка,— как бешеный орал старший из них,— куда спрятала бумаги советской партии?

Так он называл сельский Совет.

— Все документы эвакуированы,— твердила мама.

На самом деле они были спрятаны в надежном месте, которое знали только мама и я. Оккупанты хотели во что бы то ни стало заполучить списки коммунистов, комсомольцев, всех сельских активистов.

Маму бросили в подземелье жандармского поста, где томились и другие подозреваемые в «советской пропаганде». Изредка ее водили на допросы, вновь и вновь жестоко избивали и опять закрывали в темный и сырой подвал. В конце концов были вынуждены отпустить ее домой. Еще долго после этого бедная мама не могла прийти в себя.

И отец пострадал. Сначала сорвали козырек. А это означало, что он «человек не наш», и каждый имел право над ним издеваться и избивать его. Могли ударить, а то и вообще растоптать без всякой причины. Побой были для них развлечением.

Помещик забрал обратно всю землю и обязал крестьян выплачивать «отступные» за то, что в течение года владели его землей.

Начиня лист другой,
Желаю сестре родной
Здоровья, да покрепче,
Чтобы прожить было легче.

И значит, как я тебе уже писала, и нас, меньших, тоже ой как обижали. В школе вообще по имени и не называли. Батюшка, например, говорил: «А ну, большевистское отродье, что было задано по закону божьему?»

Ой, сестричка, многое нужно тебе рассказать. Только и жили, что надеялись на лучшие времена.

Несколько дней назад оккупанты бежали. Отступая, не успели много навредить: советские танки наступали

им на пятки. Только мельницу спалили. И отец, а он же механик то что надо, собрал народ и чинит ее. Мама работает, как и раньше, в сельском Совете.

Дорогая сестричка, еще многое написала бы я тебе, да оставляю и для других писем.

Передай наш глубокий поклон и наилучшие пожелания Ивану Александровичу. То, что вы вместе, делает нашу радость еще больше.

Пиши. Ждем!

Твоя сестра Т а м а р а.

В начале июля 1944 года генерал позвонил Юлии Квитковской:

— Вот что, молдаваночка, сдай дела и езжай навещать родителей.

От неожиданности Юлия потеряла дар речи. На путной машине добралась до Львова. Как раз товарный состав готовился отправиться в Бельцы. Но был так забит военными, что негде было примоститься. Оставался только один выход. И Юлия подошла к паровозной бригаде:

— Товарищи, три года не видела родных...

Поняли ее с полуслова.

— Садись!

Из Тырново до Мындыка добиралась пешком. Проселочная дорога с редкими деревьями извивалась на дне долины у покрытых зеленью склонов. Вокруг стояла глубокая тишина. Нигде ни одной живой души. Страшный солнцепек, ни дуновения ветра. Казалось, природа изнывает от безделья. «Мир во время войны,— подумала про себя Юлия.— Даже не верится, что где-то падают бомбы, горят города и села, гибнут люди...» Отошла от дороги, чтобы нарвать на опаленных войной полях букет алых, как кровь, пролитая за Родину, маков.

Мать, когда увидела входящую в дом дочь, оцепенела и не смогла даже заплакать, как обычно поступают в таких случаях матери. Прижала дочь к груди и ни за что не хотела отпустить.

Две недели дом Штефана и Дарьи был переполнен гостями. Две недели любопытные детишки толпились вокруг женщины в военной форме с медалями на груди.

Юлия не дождалась конца отпуска. Вернулась в часть. Ведь война шла уже на территории Германии.

Полковник Иван Селивёрстов командовал бригадой тяжелой артиллерии.

Чувствовалось, что война подходит к концу. Накал событий нарастал с каждым днем, с каждым часом. Советские войска сокрушали укрепления врага и безудержно продвигались вперед. Юлия находилась в первых рядах, в самой гуще кровавых схваток. Во время форсирования Одера полковник Селивёрстов был тяжело ранен. Из-за нехватки медицинского персонала Юлия перешла работать в госпиталь. Среди солдат и офицеров, за которыми она ухаживала, был и ее муж.

В конце апреля, когда раны Ивана несколько зажили, супруги получили месячный отпуск и выехали в Молдавию.

9 мая в Мындыке трезвопили во все колокола, сзывая жителей от мала до велика на площадь. Со всех концов села люди стекались к сельскому Совету на митинг. Предоставили слово полковнику Ивану Александровичу Селивёрстову.

— Дождались мы, товарищи, желанного Дня Победы!— голос прерывался от волнения.— Выжившие вернутся к своим домам, снова вспашут поля, возведут на месте пепелищ новые города и села. Но многие матери, жены и дети не дождутся уже никогда своих сыновей, мужей и отцов. Они героически пали на полях сражений. Поклонимся же их памяти! Вечная слава героям! Пусть будет мир на земле отныне и на веки веков!

По окончании отпуска Иван Селивёрстов и Юлия Квитковская вернулись в свою часть, где прослужили еще почти два года. В это время Юлия родила своего первенца, которого назвала Сергеем в память о добром и мудром генерале Сергее Ивановиче Афанасий.

Комсомолка Юлия Квитковская окончила войну гвардии сержантом, удостоившись четырех боевых медалей и шести грамот.

После войны Юлия Степановна долгое время трудилась в родном селе. В последние годы она переехала в Кишинев, и в настоящее время бывшая фронтовичка работает инструктором по пулевой стрельбе в Республиканском стрелковом тире ДСО «Динамо». Сын Сергей окончил Политехнический институт—он технолог в Криковских винохранилищах. Сильвика, дочь, учится в Кишиневском госуниверситете, а младшая дочь Людмила

после окончания средней школы работает на одном из промышленных предприятий Кишинева.

Порой, когда непогода стучится в окно, Юлия Степановна достает заветный «ларец воспоминаний», долго перелистывает пожелтевшие письма и газетные страницы, разглядывает фотографии, вспоминая военные годы. Неумолимое время обозначило на ее лице морщины. Но она осталась верной своей тяжелой, отмеченной битвами молодости, которая дышит героизмом и смелостью и неустанно манит вперед. В годы великих испытаний, выпавших на долю нашей страны и нашего народа, она от первого и до последнего дня находилась в гуще сражений. Только они, миллионы людей, подобных Юлии, были в состоянии повергнуть коварнейшего и сильнейшего врага.

Иногда Юлия Степановна принимает дорогих гостей. Боевая подруга Нина Севастьянова, проживающая с семьей в Волгограде, приезжает провести отпуск в Молдавии. Бывает в городе-герое и Юлия Степановна.

Однажды, еще в студенческие годы, сын Сергей преподнес матери книгу Эм. Казакевича «Весна на Одере». На титульном листе он вывел слова Л. Леонова: «Если бы только и было суждено в жизни телом остановить пулю, летящую в сторону Родины, то и для этого стоило родиться на свет».

Сын не случайно выбрал эти слова. Он наследник славного прошлого своих родителей,

«Город N. 2 ноября (ТАСС)»

К танкистам подразделения тов. Денисова приехала делегация для вручения колонны боевых машин, построенных на средства трудящихся Молдавии.

В лесу ровной лентой выстроились танки — на каждом из них надпись: «За Советскую Молдавию».

Митинг открывает Председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР тов. Бровка. Он говорит о нерушимой дружбе народов Советского Союза, которая еще более крепнет в борьбе с ненавистным фашизмом.

— Доблестные танкисты, — обращается тов. Бровка к бойцам и командирам, — пронесите знамена ваших танков в солнечную Молдавию. Освободите наших братьев-молдаван из-под ига фашистских оккупантов. Уничтожайте врага всей мощью ваших боевых машин.

Один за другим подходят к столу командиры. Им вручаются формуляры новых танков. Среди командиров — лейтенант Леонид Гутис. Молдавия — его родина.

На митинге присутствовали председатель Совнаркома Молдавской ССР тов. Константинов, секретарь ЦК КП (б) Молдавии тов. Сологор, представители высшего командования Красной Армии» (Газета «Красная Звезда» от 3 ноября 1942 г.).

Солнце уже близилось к зениту, когда березы сбросили пелену тумана. Лейтенант Леонид Гутис, стройный, высокий офицер, прошедший сквозь пламя боев, шагал между танками, прикасался ладонью к холодной броне и думал: «В эти страшные дни несчастий, когда захватчики оскверняют днестровский край, а авангард фашистских орд дошел до Сталинграда и находится в двух шагах от Волги, откуда достали мои земляки, находящиеся в эвакуации, средства, чтобы построить эти машины? Значит, Молдавия не поработана, она сопротивляется, борется... Сколько сил таит еще в себе наш народ!

Слишком рано берлинские фанфары трубят «победные марши».

Поодаль, лежа в тени дубравы, его товарищи по экипажу рассказывают анекдоты, весело смеются. После разгрома у ворот Москвы отборнейших фашистских дивизий, которые оказались отброшенными на сотни километров назад, по-другому льется солдатская шутка-прибаутка.

— Стало быть, — изображает в лицах радист Смирнов, — вызывает учитель фрицкого пацана и пытается: «Ганс, проспрягай глагол «бежать». Ну, тот и начинает: «Я бегу, ты бежишь, он бежит, мы бежим, вы бежите...» «А они?» — приходит на помощь учитель. «Они наступают, господин учитель!»

После каждого слова лес содрогается от здорового солдатского хохота.

— А вот что случилось с фон Криккеном, командиром танковой роты, — перехватывает инициативу заряжающий Антонов. — Собирает он как-то свой сброд и давай выпендриваться, что, мол, «для захвата Сталинграда нужно только руку протянуть».

Старший сержант Антонов обрывает вдруг на полуслове рассказ, достает кисет и преспокойно скручивает «козью ножку».

— Ну и как он сейчас, этот самый Криккен? — чуть ли не подпрыгивает от нетерпения кто-то из товарищей.

— Протянуть-то протянул, но только ноги...

И уж никак не может отстать от своих друзей механик Петров. Он не ожидает, чтобы его долго просили, упрашивали. Прибаутки так и сыплются, как из рога изобилия.

Заметив, что лейтенант Гутис, командир экипажа, подходит к ним, Антонов, Петров и Смирнов вскочили.

— Товарищ лейтенант, — спрашивает механик, — правда, что сегодня в часть прибудет молдавская делегация?

— Точно! А откуда узнал?

— Разведчики шепнули. От них ведь ничего не скроется: одним словом, глаза и уши полка.

— Вот об этом и хотел я вам сообщить. Нашему экипажу поручено открыть парад по случаю этого важного события в жизни части. Смотрите у меня, чтобы все было в ажуре. И не только это. Во время маневров предстоит смять несколько деревьев-великанов, продемон-

стрировать грозную мощь новых гусеничных крепостей «Т-34». Ясно? Действуйте!

Члены экипажа стремглав бросились выполнять приказ. Что последовало дальше, отражено в печати тех лет. Предлагаем вашему вниманию отрывок из репортажа «Танковая колонна «За Советскую Молдавию», опубликованного в газете «Молдова Социалистэ» от 25 декабря 1942 года. (В ту тяжкую годину испытаний газету выпускала в Москве небольшая группа писателей и публицистов из Молдавии.)

«2 ноября делегация представителей трудящихся Молдавии передала Красной Армии танковую колонну «За Советскую Молдавию», построенную на средства, собранные молдаванами.

Город Н. Холодный осенний день. Автомшины, на которых приехала делегация, останавливаются на опушке небольшого перелеска. В пейзаже ничего особенного. Как и в другом любом лесу — деревья. Делаем несколько шагов — и нас останавливает оклик часового.

Нам навстречу направляется группа военных. Представляемся. Генерал-майор товарищ Волох представляет членам молдавской делегации майора Денисова — командира танкового подразделения, которому будут вручены машины, построенные на средства молдаван.

Дорога углубляется в лес, и перед нами предстают две шеренги танкистов со своими командирами. Рядом, один возле другого, стоят танки. На каждой машине крупными белыми буквами написано: «За Советскую Молдавию!» Это и есть наша колонна.

Пред каждой машиной выстроились по четыре танкиста в синих комбинезонах и черных шлемах. Это экипажи, которые поведут молдавские танки в огонь сражений.

Майор Денисов объявляет митинг открытым.

Первым выступает тов. Бровко.

«Танкисты, — говорит тов. Бровко, — молдаване доверяют вам. Раздавите гусеницами танков кости фашистских бандитов, приблизьте час освобождения нашей родной земли!»

От имени танкистов выступает старший лейтенант Шимко. Его слова звучат как клятва. «Клянемся, — говорит Шимко, — сражаться на этих машинах так, чтобы как можно скорее приблизить день освобождения Мол-

давии. Фашисты поплатятся за совершенные ими преступления».

Один за другим подходят к Председателю Президиума Верховного Совета Молдавской ССР лейтенанты Шимко, Розенталь, Буянов, Богатырев и другие командиры боевых машин. Тов. Бровко пожимает каждому из них руку и желает успехов в борьбе.

Вот к столу подходит лейтенант Гутис, уроженец города Калараш. Тов. Бровко обращается к нему по-молдавски. Тов. Гутис взволнован. Он клянется воевать на танке, врученном молдавскими трудящимися, так, чтобы у фашистов отпала охота топтать нашу родную землю.

Краткая команда майора Денисова — и танки придут в движение. Земля содрогается. Мощные стальные машины проходят одна за другой. Передний танк останавливается перед вековым дубом.

Знак майора Денисова, громкий треск и... вырванное с корнями дерево падает на землю под тяжестью стального великана.

Скоро, очень скоро под гусеницами молдавских танков будут трещать не деревья, а кости головорезов Гитлера и Антонеску.

После передачи машин состоялся концерт. Артисты капеллы «Дойна» исполнили молдавские песни, танцевали «молдовеняску».

Поздно вечером молдавская делегация, артисты «Дойны» простились со своими новыми друзьями — танкистами майора Денисова.

— До свиданья, товарищи!

— До встречи в Советской Молдавии!»

Материалы, помещенные на той же газетной полосе, свидетельствуют, что только трудящиеся, эвакуированные из Молдавии в Чкалов (Оренбург) и Саратов, в Узбекистан и Казахстан, собрали на строительство колонны «огненных крепостей» около 200 тысяч рублей. Вся эта патриотическая деятельность направлялась ЦК КП (б) Молдавии и Правительством республики, которые находились в Москве.

В те далекие, исполненные опасности дни, которые переживала наша Родина, советские люди трудились с удесятенной энергией, поставляя фронту вооружение и боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

Прежде чем подняться в автобус, Н. Л. Сологор, сек-

ретарь ЦК КП (б) Молдавии, горячо обнял Леонида Гутиса и напомнил ему:

— Значит, мы ждем вас. Вечер молдавского искусства состоится завтра в концертном зале имени Чайковского.

На второй день члены экипажа лейтенанта Гутиса получили увольнение. По лесной тропе вышли к железнодорожной станции, взобрались на товарняк и прибыли в столицу нашей Родины. Взволнованные и гордые, шагали они по брусчатке Красной площади и не могли оторвать взгляда от величественных башен Кремля.

Москва переживала очень напряженные дни. Она выглядела суровой и строгой. Над безбрежным архипелагом зданий денно и нощно реяли, как фантастические птицы, гигантские дирижабли. В парках и на площадях застыли в окружении мешков с песком неутомимые зенитки. Повсюду часовые, патрули.

Случилось, что в поисках концертного зала имени Чайковского танкисты Л. Гутис, Н. Антонов, П. Петров и А. Смирнов долго плутали по улочкам и переулкам и опоздали на концерт. Когда они появились в зале, высокий стройный мужчина читал со сцены на молдавском языке:

Называю тебя —
и сверкает клинок,
говорю Котовский
и зрю, Молдова, тебя,
потому что в кодрах —
в колыбели Бессарабии,
расправил этот герой
стальные крылья.

— Кто это выступает?— спросил командир вполголоса женщину, дежурившую у входа в зал.

— Поэт Емилиан Буков. Читает стихи из нового сборника «Я вижу тебя, Молдавия», вышедшего недавно в Москве.

Заметив храбрых танкистов, зал заплодировал. Бойцов пригласили на сцену, их буквально забросали цветами.

На вечере молдавского искусства, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, участвовали поэты Емилиан Буков, Ливиу Деляну, Давид Ветров, писатели Ион Канна и Ион Д. Чо-

оану, певцы и танцоры художественных коллективов «Дойна» и «Молдова».

Исполненные высоких чувств уходили с концерта танкисты. Их пригласили в гости члены правительства нашей республики, которые жили в гостинице «Москва». Вместе поужинали, вспоминали о прошлом, о дорогах первого года войны.

«Кто знает, куда еще забросит нас неукротимая волна жизни?— раздумывал лейтенант Гутис.— Но одно ясно — победа будет за нами. До сих пор отступали и то фашистов ой как потрепали. А когда сжатая до предела пружина разожмется! Каким будет удар!»

На следующее утро, едва загорелась заря, хозяева проводили гостей на вокзал. В тот же день танкисты вернулись в часть.

2

Оснащенные новыми танками и вооружением, экипажи без усталости вели интенсивную подготовку к предстоящим боям. Маневры чередовались с инструктажами, бойцы учились управлять «крепостями на гусеницах», поражать цель, преодолевать с ходу естественные преграды, искусственные заграждения и оперативно залечивать «раны» машин прямо на поле боя, тушить пламя пожаров, тренировались метать в цель гранаты, учились разминировать мосты...

— Ну как, братки?— спросит бывало в свободную минуту лейтенант, проводя шершавой ладонью по вспотевшему лбу.

— Отлично!— уверенно отвечал механик.— Еще Суворов говаривал: труса страхом лечат.

— На кого это ты намекаешь?— вскочил как ошпаренный радист.

— Известное дело, на воре и шапка горит!— засмеялся заряжающий.

— И что тут смешного, если человек не умеет плавать? Ведь все же хоть на бревне, а переплыл я реку. Переплыл же?

— А ты, как я погляжу, с шуткой вроде и не знаком?— вместо ответа бросил механик.

Как-то вечером танковый полк, расквартированный по соседству, поднялся по тревоге и по проселочной до-

роге взял курс в направлении фронта. Подразделение же майора Денисова получило приказ грузиться на железнодорожные платформы.

И вот уже более недели паровоз задыхается, надрывом свистит и упрямо стремится к востоку.

— Тук-тук! Тук-тук!

Далеко позади остались Москва, Волга, Урал.

— Кто-то ведет бой, а мы едем в глубь страны, — недоумевал механик Петров.

— Сталину виднее, — отрубил лейтенант Гутис.

Зима покрыла поля, леса и деревни пуховым снежным одеялом. Метель по-волчьи выла за заиндевшими вагонными окнами. У солдат от долгого сидения ныла спина. А дорога была неблизкой, времени для раздумий и воспоминаний было предостаточно...

В детстве Леонид Гутис бегал с ватагой мальчишек по пыльным улицам Калараша. Отец его работал грузчиком на железнодорожной станции и выполнял ответственные задания большевистской организации. В 1918 году, когда румынские захватчики ополчились против завоеваний революции и отторгли Бессарабию, семья переехала в Одессу. Здесь Леонид окончил семилетку, работал слесарем на судоремонтном заводе. Был секретарем комсомольской организации, первым среди сверстников прыгал с парашютом. В 1936-году выехал по комсомольской путевке в Киев, в летную школу. Уже будучи офицером, освобождал Закарпатье.

Когда стала бурно развиваться танковая промышленность, молодой офицер был послан в Харьков на переподготовку. Здесь и донес до него эфир тревожные слова Левитана о начале войны.

В должности начальника штаба батальона легких танков Леонид Гутис сражался не щадя жизни на подступах к Воронежу. Советские воины защищали с беспримерным героизмом каждую пядь земли. Но враг располагал превосходящими силами и ворвался в город, где завязались кровопролитные бои. Оставшись без снарядов, танкисты пустили в ход гранаты. На центральной площади снаряд прямой наводки ударил по соседнему танку. Гутис заметил вражескую огневую точку и, не размышляя, смял противотанковую пушку. И в это же мгновение на противоположном конце площади загово-

рила еще одна пушка. Гутис хотел повторить операцию, но в тридцати метрах от цели раздался оглушительный взрыв. Танк остановился, скрипя всем своим стальным корпусом. Дым и едкие газы мешали дышать. Раненый Леонид Гутис прильнул к пулемету и меткой очередью заставил замолчать расчет вражеской пушки. Затем, собрав последние силы, лейтенант открыл бронированный люк башни и, подхватив механика под мышки, попытался вытащить его из танка. Но сил не хватило, и тогда лейтенант придвинул его к смотровой щели: ближе к свежему воздуху. А сам обложился гранатами и решил: если враг приблизится к «разутому» танку — дать отпор. Долгое время никто не появлялся. Бои шли уже где-то в районе железнодорожной станции.

Придя в себя, танкисты выбрались через нижний люк и залегли в парке. Потом, поддерживая друг друга, направились к реке. Около моста слышали отчетливо и близко:

— Хенде хох!

Инстинктивно прижались к земле. Над головами просвистели пули. Но фашисты не рискнули их преследовать: к осени 1942 года советские войска успели уже нагнать на них немало страха.

Лейтенант и механик пробрались заброшенными огородами и к вечеру оказались у дебаркадера.

— Тс-с-с! — предостерег Гутис товарища. — Внутри кто-то есть.

Незаметно проскользнули внутрь этого плавучего здания. За столом над стаканами клевали носами двое немцев. Убрали их бесшумно. Затем вышли на пристань, прыгнули в лодку и отчалили. Гребли ладонями. Через некоторое время течение вынесло их на лунную дорожку, пересекавшую реку. Фашисты заметили лодку и открыли огонь. До противоположного берега добрался только лейтенант. Пока пробирался к своему, к осколочным ранениям добавилось еще одно — огнестрельное.

Увидев, что к нему подходят наши санитары, теряя сознание, успел предупредить:

— Осторожно, я весь обвешан гранатами...

После военно-полевого госпиталя Гутиса отправили в Приуралье, в санаторий. А через два месяца прибыл в Московскую область, где формировались новые танковые соединения. Здесь-то он и был назначен командиром

экипажа и получил одну из «бронированных крепостей» с надписью «За Советскую Молдавию». Под сенью алого знамени части прозвучали исполненные волнения слова клятвы, принесенной всем подразделением:

— «За превращенные в руины города и села, за стариков и детей, искалеченных бомбами, за наших соотечественников, которые горят в страшных муках в драконовских крематориях «фабрик смерти»...

— Клянемся!!!

— ...бить беспощадно врага, умножая славу советского солдата, гордо и уверенно пронести знамя Победы над захваченными землями Родины.

— Клянемся!!!

— Кто пришел к нам с мечом, от меча и погибнет.

— Клянемся!!!»

...Леонид Гутис припал к окну вагона, задумчиво вглядываясь в даль белеющих полей, над которыми неистовствовала зима. Колеса эшелона ритмично выстукивали какую-то ведомую лишь им мелодию и уносили состав все дальше и дальше в глубь Казахстана. А в ушах звучали, не переставая, слова солдатской клятвы, произнесенные на торжественном митинге в подмосковном лесу.

«Неужели, — думал он, — нас перебрасывают на Дальний Восток противостоять японским частям, если те вдруг решатся перейти нашу границу?»

Разное предполагали танкисты за время этого неожиданного и продолжительного путешествия. А паровоз описал огромную дугу по республикам Средней Азии и остановился в Красноводске, на берегу Каспия.

«Крепости на гусеницах» были перебросены на понтоном плоту через море в Баку, а потом заняли участок на Северокавказском фронте. Приближалась знаменитая Сталинградская битва.

3

Танковый корпус под командованием генерал-майора Г. П. Лобанова, в состав которого входила колонна «За Советскую Молдавию», предпринял энергичные наступательные операции и освободил Моздок. Наши стальные лавины сокрушали одну за другой линии обороны противника, сжимали в клещи и уничтожали фашист-

ские войска. Деморализованные, обуянные животным страхом, захватчики панически бежали, загромождая дороги техникой, телегами. Отступая, они оставляли после себя испепеленные села, виселицы, зоны «выжженной земли».

Эти изуверства будили в сердцах советских танкистов лютую ненависть к фашистам, желание беспощадно мстить. Они врывались на своих одетых в броню боевых машинах в ряды отступающего врага, сеяли панику и смятение, не давали ему опомниться. И алые знамена уже реяли над Моздоком, Пятигорском, Минеральными Водами. Открывался путь на Ростов.

За несколько недель наши бесстрашные воины настолько нарушили вражеские позиции и так потрепали первую гитлеровскую танковую армию, что, когда трехсоттысячная армия фельдмаршала Паулюса оказалась в Сталинградском котле, некому было прийти ей на помощь. Так волжская эпопея стала началом конца считавшейся непобедимой гитлеровской армии.

Но отброшенные с Кубани в сторону Ростова фашистские полчища продолжали оказывать яростное сопротивление.

Под покровом ночи танки колонны «За Советскую Молдавию», в состав которой входило 11 боевых машин, продвинулись по ложбине к железнодорожному мосту, заняли исходную позицию и стали ждать сигнала. Утром красная ракета возвестила о начале атаки. Десант пехотинцев разместился на броне танков, устремившихся вперед. В предутренней дымке проступало кладбище вагонов и паровозов. Это поработала наша авиация.

Начался кровопролитный бой. Вражеская артиллерия обволокла танки дымовой завесой. Командир подразделения майор Денисов попытался обойти станцию, но нарвался на минное поле. Другие две машины были подорваны на окраине города. Взрывы, лязг металла, пламя и истошные вопли соединились в какую-то кошмарную симфонию борьбы и гибели. В моменты максимального напряжения мозг работает необычайно четко и быстро.

Майор Фомин принял командование на себя.

— Гутис, — приказал он по радио, — не заходи между зданиями. Там, возможно, притаились вражеские солдаты с противотанковыми гранатами. Пусть ими займет-

ся пехота, а ты двигай на перекресток и заткни глотку вражеской батарее. Ясно?

— Так точно!

— Выполняй!

Танк, искусно петляя меж вокзальных построек, зашел в тыл вражеской батарее, а затем на предельной скорости смял одну пушку, вторую. Немецкие артиллеристы бросились врассыпную. Лишь расчет одной пушки остался на месте — своим огненным жерлом орудие стало нащупывать танк. На мгновение застыли два чудовища, готовые изрыгнуть смертоносное пламя.

— Огонь! — прозвучала команда лейтенанта Гутиса.

Какая-то десятая доля секунды решила кто кого.

Выполнив задание, экипаж вновь устремился к реке, чтобы закрыть фашистам путь к отступлению. Грохот взрывов становился все сильнее. Танк стал мишенью для вражеской артиллерии, окопавшейся на высоте.

Вдруг в танке ослепительно сверкнуло.

— Кто, так твою разэтак, — вскипел механик Петров, — бросает на меня горячие гильзы?!

Оказалось, что это шальной снаряд пробил броню, проник во внутрь танка и, «обессилев», упал на плечи механика.

— Вы ранены, товарищ лейтенант? — спросил радист, заметив, что командир перевязывает окровавленную руку.

— Чепуха, — стиснув зубы от боли, ответил Гутис.

Другой снаряд вывел из строя дуло пушки. Танкистам пришлось вести огонь из пулемета и воспользоваться гранатами.

К вечеру были подавлены последние огневые точки врага. Сотни захватчиков нашли свое последнее пристанище в донских степях. Многих боевых машин недосчитались и наши танкисты.

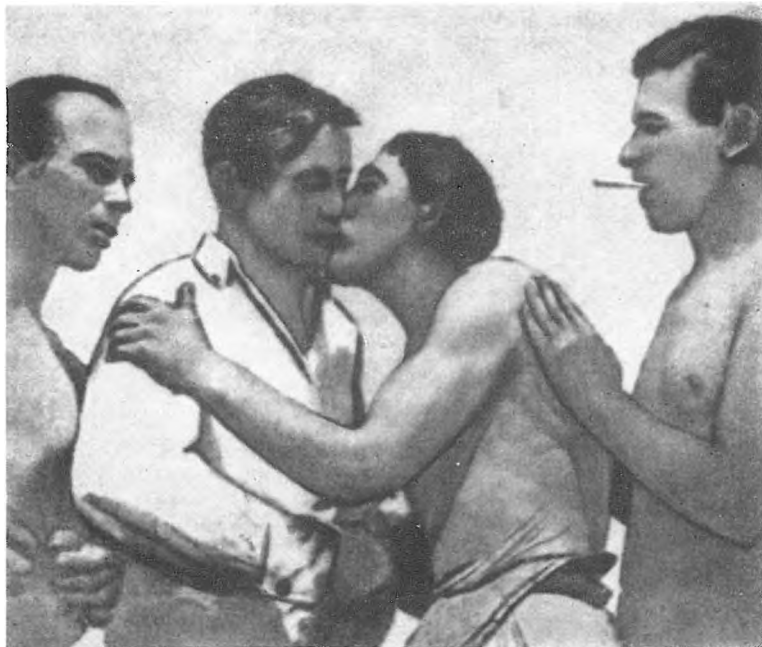
— Просто чудо! Снаряд проник в танк, а экипаж уцелел! — удивлялись однополчане, рассматривая пробоину в броне.

Двигатель оказался неповрежденным. Его сняли и установили на другой машине. А танк Гутиса был отправлен на завод на капитальный ремонт.

В это время Леонид Гутис, уже старший лейтенант, командовал автоколонной, снабжавшей фронт боеприпасами.

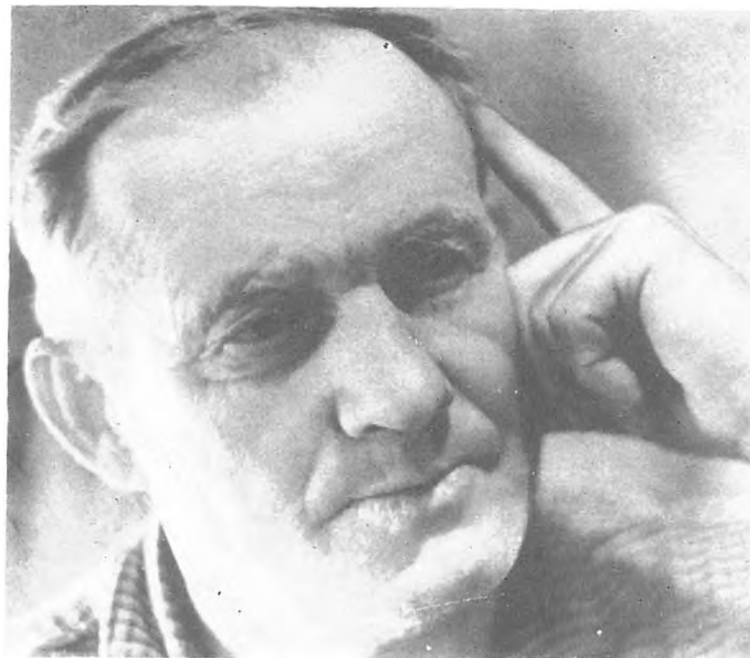
Бендеры. 1917 год. Солдат Борис Соловьев в белом платье, олицетворяющем свободную Россию.

22 года Днестр был границей между отцом и сыном. 28 июня 1940 года старый бендерский каменщик Гавриил Пастушков со своими земляками Алексеем Колесниковым и Федором Марициным переплыл реку и заключил в объятия сына Михаила.

М. Пастушков. »

Бывший красный кавалерист цыган Андрей Таранов, создатель театра «Ромэн». »

Начальник воздушной экспедиции «Крылья Советов»
Валентин Зарзар.

«

Музей-памятник Волочаевских боев.

Париж. 1929 год. Валентин Зарзар (слева) и писатель Анри Барбюс.

Летчик-молдаванин Семен Хархалуп с сыном.
1940 год.

Рыцарь небесных дорог Семен Хархалуп.

Защитник Брестской крепости Семен Тоницей.

17-летняя Юлия Квитковская — отважный воин-связист.

Ю. С Квитковская.

Председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР Г. Ф. Бровко передает танкистам боевые машины колонны «За Советскую Молдавию».

Председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР Г. Ф. Бровко, секретарь ЦК КП(б) Молдавии Н. Л. Сологор и Председатель Совета Народных Комиссаров республики Т. А. Константинов среди бойцов и командиров танковой колонны «За Советскую Молдавию».

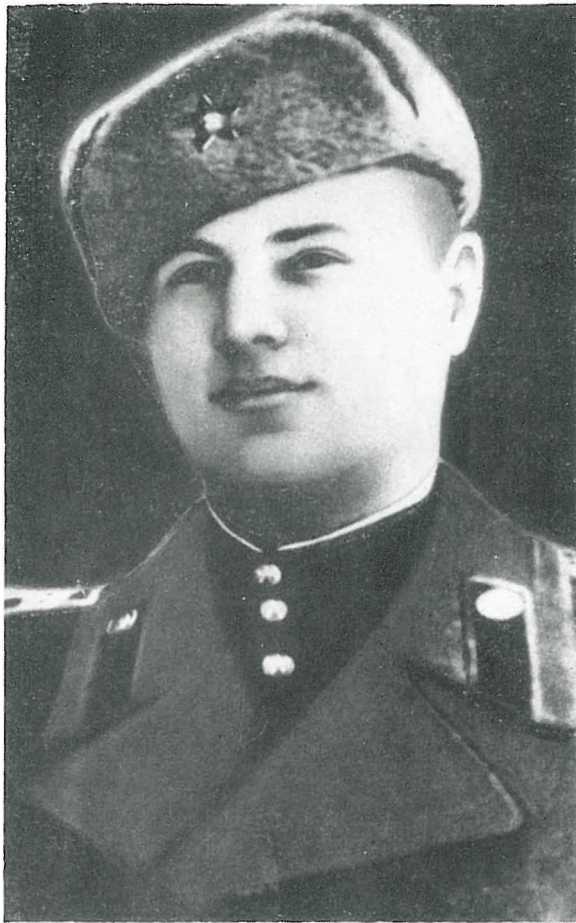
« Танковая колонна «За Советскую Молдавию» в боевом строю. Подмоскowie. 1942 год.

Кавалер восьми боевых орденов и медалей, бывший танкист колонны «За Советскую Молдавию» Леонид Гутис.

В. А. Сергеев в дни боев за освобождение Молдавии. Август 1944 года.

Борис Сергеев, навечно прописанный со своим танком в Тирасполе.

Вскоре его танк вернулся в часть с той же надписью — «За Советскую Молдавию». Летом 1943 года командир и его «стальная крепость» были переброшены на Курскую дугу.

Советские танки настойчиво, день за днем, час за часом, дорогой кровопролитных боев шли к победе. Менялись экипажи, вместо застывших на поле брани танков поступали другие, еще более мощные. И если в ходе войны со стратегических карт исчезало название какой-нибудь танковой колонны, это означало, что она, не щадя себя, сражалась до последней машины и вручила эстафету мужества и беззаветной храбрости другим соединениям. Наша страна напоминала в те дни бескрайний океан, из глубин которого поднимались новые волны возмущения и мести.

Одна за другой сокрушали врага эти наши стальные волны, эти лавины огня. Военная машина гитлеровцев трещала по всем швам.

Выдающийся авиаконструктор А. Яковлев в своей книге «Цель жизни» писал, что только за три последних военных года в Советском Союзе производилось в среднем за год более 30 тысяч танков, около 40 тысяч самолетов и 120 тысяч пушек. Вдуматься только: сколько плугов, комбайнов и тракторов были превращены в оружие во имя ясного неба над Родиной. А ведь были еще 20 миллионов человеческих жизней, которые безвременно унесла война. Дорого обошлась нам победа! Советский народ, как никто другой, знает, что значит самопожертвование во имя мира и счастья.

После ожесточенных боев под Курском Леониду Гутису еще несколько раз пришлось совершить путь по маршруту фронт — госпиталь — фронт. Его танк громил фашистскую нечисть в Риге, Варшаве, Берлине. Встретил День Победы майор Гутис в Праге.

— Многое довелось увидеть и пережить в годы войны. Всего и не расскажешь. Для того, чтобы описать все, — горы тетрадей не хватит, — сказал он мне при первой встрече.

А работает Леонид Исаевич старшим инженером на судоремонтном заводе имени 50-летия Советской Украины в Одессе. Восемь боевых орденов и медалей украшают его грудь.

После войны окончил институт, сочетая ударный труд с отличной учебой.

— Знаете,— признался он,— у нас большое счастье. Внук родился.

К обязанностям инженера и заведующего заводским пунктом по обучению призывников добавились новые заботы — стал дедушкой...

Об этих мужественных, не раз презревших смерть людях мне неоднократно доводилось слышать взволнованные воспоминания Никиты Леонтьевича Сологору, бывшего секретаря ЦК КП (б) Молдавии в годы войны, с которым мы пережили за беседой много незабываемых часов, прогуливаясь по тенистым аллеям кишиневского парка им. Пушкина. Ведь именно Никита Леонтьевич передал героям-танкистам бронированную колонну «За Советскую Молдавию».

— Наши стальные великаны,— рассказывал бывало Никита Леонтьевич, и в его голосе появлялись стальные командирские нотки, а глаза наполнялись пламенным заревом огненных лет,— уже громили врага, а тем временем настоящие патриоты Советской Родины, артисты хоровой капеллы «Дойна» и эстрадного оркестра «Молдова», обратились через газету «Молдова Социалистэ» к своим землякам, проживающим во всех уголках нашей необъятной Отчизны с призывом собрать средства на сооружение эскадрильи «За освобождение Молдавии».

1

Из-под обрывистого берега бьет родник. Невзрачный ручеек устремляется долу, пробирается сквозь гнилые болота, обходит бурелом. Над ним простираются вековые сосны-великаны и нарядные, как невесты, березки. На склонах проступают сквозь листву и хвою бревенчатые срубы изб. Это Волговерховье. Здесь берет свое начало великая русская река.

Прогибающийся мостик, переброшенный через ручей, приятно покачивает прохожих. А мальчишки, сгоняющие скот на водопой, предпочитают перепрыгнуть... Волгу. Им трудно вообразить, что эта серебристая ленточка, еле пробивающаяся среди болот, пастбищ и зарослей ивняка, где-то там вбирает десятки рек, и необычайно широкая, покрытая крутыми, пенистыми волнами, дает жизнь гигантским турбинам, несет на себе сотни барж и пароходов.

Вобрав в себя семь тысяч притоков общей длиной в 83,5 тысячи километров, Волга течет величаво по бескрайним просторам русской земли, одаряя ее живительной влагой, и через десятки устьев вливается в море. На карте Родины Волга напоминает могучее ветвистое дерево, чьи корни впились в Каспийское море, а вершина кроны достигла лесистых холмов Среднерусской возвышенности Валдая.

Волга — это слава, гордость и украшение земли русской. Под ее державной сенью разместились бы Англия, Франция, Италия, Голландия, Бельгия, Швейцария и Австрия. В ее бассейне проживает четверть всего населения Советского Союза. Эта самая большая и самая величественная река в Европе. Приволжские степи не имеют себе равных по красоте и очарованию. Здесь не найдешь деревню или городок, крепость или приток, тропу или утес, с именем которых не были бы связаны легенды или песни.

Волга разносит над степью воспоминания о множествах славных свершений. Здесь выросли, возмужали и вошли в легенду Минин и Разин, Чернышевский и Добролюбов, Шишкин и Балакирев, Горький и Шалапин, Чапаев и Чкалов, Николаев и Терешкова.

С Волгой связано имя гениального вождя В. И. Ленина, Здесь прошло детство Володи Ульянова, зародились в его душе и выросли самые чистые и возвышенные чувства. Через всю жизнь пронес Ильич преданную и нежную любовь к великой Русской реке Волге.

Разное довелось увидеть реке за долгие века. Она была молчаливым свидетелем героических битв и титанического труда русского народа. Похожей на Волгу стала и русская душа: величавая, добрая, таящая огромные силы.

Волга... Она ведет тебя из одного конца страны в другой, и зеркало ее вод отражает все, что сотворил создательный гений раскрепощенного человека.

Эта река, по сути дела, является «спинным хребтом» советской индустрии. На берегах Волги расположена Дубна — столица мирного атома.

Целый месяц провел я на берегах Волги, пройдя всю ее от истоков до устья. Но оказалось, что и месяца мало, чтобы даже бегло ознакомиться с такими крупнейшими центрами нашей страны, как Горький, откуда пустился в свой вольный полет «Буревестник революции», Казань, где берет начало подземная нефтяная река по имени «Дружба», Ульяновск — родина вождя нового мира, Куйбышев, где прославились Фрунзе и Чапаев, Саратов, где впервые сел за штурвал самолета Гагарин и куда вернулся он с первой космической вахты.

Как символ неразрывной связи трех гениальных мыслителей, расцветают на Волге три города, с гордостью носящих имена Маркса, Энгельса, Ленина. В своем величавом течении к морю матушка-река привела нас к подножию легендарного Мамаева кургана, в город, прославившийся в двух войнах...

2

Расположенный на перепутье исторических дорог, Волгоград сыграл важнейшую роль в судьбе страны, Под его стенами нашли свою гибель презренные полчища контрреволюции. Здесь было положено начало конца

гитлеровских орд. Город стал символом героизма и храбрости советских народов. В Волгограде спят вечным сном тысячи героев: русских, украинцев, грузин, молдаван, казахов...

Летом страшного 1942 года степи между Доном и Волгой стали театром жесточайших из битв в истории Великой Отечественной войны. Орды завоевателей двигались лавиной, превращая в пепелища города и села. Советские воины дрались не на жизнь, а на смерть, мужественно защищая каждую пядь земли...

Осенью огненный шквал ворвался на улицы Сталинграда. Начались кровопролитные сражения за каждое здание, за каждый этаж. Бывали дни, когда с обеих сторон в боях участвовало до двух миллионов людей, тысячи танков, пушек и самолетов. Такого сражения не помнит история. Наступление и отступление исчислялись метрами. Отдельные объекты переходили из рук в руки по нескольку раз в день и в конечном итоге превращались в груды щебня и щепок. Но и тогда не прекращались огненные бури и градом продолжали сыпаться пули. «Для нас нет земли за Волгой!» — говорили советские солдаты.

На некоторых участках было рукой подать от фашистских позиций до берегов древней русской реки. Но это, казалось бы, ничего не значащее расстояние превратилось для врага в неприступную стену, стало вечностью. Весь мир с трепетом следил за битвой на Волге. Именно здесь теплилась последняя надежда народов на освобождение от коричневой чумы. Бельгия и Голландия пали менее чем за три недели, Франция активно сопротивлялась лишь 44 дня. А героическая оборона Сталинграда продолжалась 200 суток, 200 страшных дней и ночей. Семь месяцев не утихали над городом взрывы, не гасли пожары, не кончался крошечный ад.

Многие газеты фашистской Германии держали в запасе набор «о падении Сталинграда». Ждали лишь момента, когда гранки пойдут в полосу. «Немецкий солдат дошел до Волги и никогда больше не уйдет оттуда!» — похвалялся сам Гитлер. Радиоусилители гремели от торжественных маршей. Казалось, через считанные секунды Россия перестанет существовать, развалится, исчезнет. Казалось, еще усилие, еще одно незначительное усилие, и немецкий солдат впервые в истории чело-

вечества окунет свой пыльный сапог в кристально чистую волжскую струю.

Но, как известно, этого не произошло. Настал час расплаты. Озаряемые молниями «катюш», наши части перешли в наступление. 330 тысяч завоевателей оказались в огненном котле. Здесь, на Волге, были сломлены «непобедимые» фашистские дивизии. А город остался стоять, ибо сама Волга — это непокоримая твердыня.

Город был разрушен до основания. Казалось, его уже никогда не удастся возродить. Но...

Гранитная лестница ведет из речного порта к набережной, к фонтану «Дружба», откуда открывается путь к «Аллее героев», «Площади павших». Прямые, широкие улицы, высокие, нарядные дома радуют глаз на каждом шагу.

Когда затихли бои, на городской площади оставалось лишь одно-единственное дерево, изрешеченное осколками. Вернувшиеся из эвакуации горожане расчистили вокруг него площадку, заботливо вынули осколки. «Пусть останется на память», — сказал кто-то, и с ним все согласились. Не решились срубить его и тогда, когда архитекторы перепланировали площадь, и дерево пришлось как раз на середину тротуара. Так и осталось. Выросло большим и ветвистым и стоит по сей день у самой братской могилы.

В Волгограде много памятников. Ежедневно тысячи людей приносят к их подножию цветы. Недалеко от знаменитого дерева на «Аллее героев» устремился ввысь обелиск, воздвигнутый в память о тех, кто пал, защищая город в двух войнах. Здесь неугасимо горит вечный огонь признательности.

А в сквере на площади Ленина застыла, как памятник, башня танка. Останавливаясь и, охваченный волнением, читаешь: «Здесь проходила передовая линия Сталинградского фронта. Сентябрь — ноябрь, 1942». Рядом с танковой башней возвышается памятник Владимиру Ильичу. Знаменательное соседство. Ленин был и остается в первых рядах бойцов, вдохновляя советских людей на ратные и трудовые подвиги.

На этой же площади находится знаменитый «Дом Павлова». Горстка храбрецов обороняла его 58 дней. В подвале универсама был захвачен вместе со своей свитой фельдмаршал Паулюс.

На допросе командующий фашистскими войсками протянул удостоверение личности генерала.

— Так вы же представились фельдмаршалом, — удивился генерал Шумилов.

Паулюс ответил растерянно:

— Только вчера получил радиogramму Гитлера с известием о повышении в чине.

Ирония судьбы! В тот же день фюреру вручили последнюю радиogramму Паулюса. Весьма лаконичную: «В дверях появились русские».

Сейчас в подвале размещается склад. Здесь хранятся товары — детские игрушки.

Один из воинов, бравших в плен Паулюса, старший лейтенант Федор Ильченко — в настоящее время пенсионер, проживает в городе Кишиневе.

На берегах Волги остались развалины пятиэтажной мельницы. Закопченные безмолвные стены, изуродованные пулями и осколками, сохраняются такими, какими они были после боя. Вечером, когда в городе вспыхивают огни, над руинами мельницы царят тьма и мгла. Грозная тишина. Затерянные среди моря огня руины подходят на приведение. Они вечно будут напоминать грядущим поколениям о проходивших здесь боях. Они будут стоять грозным предупреждением: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

В Музее обороны города Волгограда всегда многолюдно. Сюда прибывают люди со всех концов света. Много священных реликвий хранится в фондах музея. Но дольше всего задерживаются посетители у диарамы знаменитой битвы на Мамаевом кургане, ярко отражающей те грозные дни.

И вот мы вступаем в легенду... Курган разделяет центр и индустриальную часть города. С его высоты на много-много верст видны речные дали. Каждая пядь этой земли пропитана кровью. По десять-двенадцать раз за сутки поднимались враги в атаку, желая любой ценой завладеть этой стратегически важной для обороны города высотой. Они могли двигаться вперед лишь тогда, когда среди защитников никого не оставалось в живых. Но не успевали фашисты закрепиться на высоте, как приходили новые бойцы, которые выбивали их из окопов и дзотов и отметали назад. Три года после окон-

чания боев трава была не в состоянии пробить слой осколков, гильз и пуль, которые покрывали землю.

За последние годы Мамаев курган превратился в величественный памятник воинской славы. Его украшает целая галерея скульптур и барельефов. Как живые смотрят на нас высеченные из камня мужественные лица бойцов. Вот объятый пламенем, бесстрашный Михаил Паникаха, зажав гранату, устремился навстречу вражескому танку. А рядом отважный «сокол» Михаил Баранов, сбивший над городом 24 вражеских самолета, и меткий снайпер Василий Зайцев, скосивший 300 фашистов. Много их, сыновей многонациональной нашей Родины, кто плечом к плечу защищал крепость на Волге.

Мемориальный комплекс передает во всем величии боевые подвиги советского народа. Создавался этот неповторимый ансамбль под руководством выдающегося советского скульптора Е. В. Вучетича. Венчает панораму гигантских размеров скульптура женщины. Это Родина-мать. Ее видно на расстоянии десятков километров. Она — символ доблести и героизма нашего народа.

Здесь встречаются люди, говорящие на разных наречиях, приехавшие из разных концов земли. С непокрытыми головами поднимаются они на исторический курган, преклонив колени, целуют священную землю. Многие бережно заворачивают горсть земли, чтобы как священную реликвию привезти ее на свою далекую родину.

Легендарный город на Волге в двух войнах превращался в неприступную крепость. Земной поклон вам, грудью встретившим войну, прошедшую вихрем над этим древним курганом!

БОГАТЫРИ СТАЛЬНОГО ВОЙСКА

Наше знакомство началось с переписки. Я знал, что два танка из механизированного корпуса, в составе которого он сражался, поднялись на просторах Молдавии на постаменты памятников: один — в Тирасполе, другой — на безымянной высоте близ села Леушены. Первый застыл над братской могилой у кручи Днестра еще в тяжкую годину войны, а второй был поднят со дна реки Прут осенью 1969 года и установлен на постамент в той исторической точке, где соединились войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, сжав железные клещи Яско-Кишиневской операции. И знал я еще, что «бронированная крепость», ставшая памятником в Тирасполе, прошла сквозь пламя войны, ведомая сыном этого города, и что оба они, и танк, и сын, геройски погибли в одном и том же бою. Они и сегодня неразлучны — командир заснул вечным сном в братской могиле героев в городе на берегу Днестра, а танк охраняет его покой.

С Василием Антоновичем Сергеевым я встретился впервые, если можно назвать это встречей, в делах военных архивов, по которым восстанавливал легендарный боевой путь тираспольского танка. Потом переписка нас сдружила. И вот сейчас мне предстояло переступить порог его дома.

Живет он на тихой и уютной старой московской улице с поэтическим названием Чистые пруды. Я нашел нужный дом и, поднявшись по лестнице, нажал на кнопку звонка. В проеме двери появился высокий мужчина в очках, с пышными усами лихого кавалериста. Я представился, и лицо хозяина расплылось в широкой, гостеприимной улыбке. Он провел меня в просторную комнату, сплошь заставленную декоративными растениями, и предоставил в мое распоряжение свой богатейший личный архив.

Объятый желанием как можно скорее узнать все, я перелистывал фотоальбомы, грамоты и пожелтевшие от

времени письма, просматривая стопку книг («Гражданская война 1918—1921 гг.», «Оборона Царицына», «XI Армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918—1920 гг.», «В боях за Царицын», «Бойцы огненных лет» и другие), и мне казалось, что я совершаю увлекательнейшее путешествие по истории. Со страниц звучало эхо гражданской войны. Вот она — одна из первых советских грамот:

«Красному бойцу 1-й Конной
Сергееву Василию Антоновичу.

Революционный Военный Совет Первой Конной Красной Армии в исторический день Праздника Первой годовщины Армии вручает Вам настоящий документ, как свидетельство Вашей самоотверженной работы в рядах 1-й Конной Армии для победы рабоче-крестьянской власти, на благо великого дела мировой пролетарской революции.

Революционный Военный Совет выражает уверенность, что и впредь Вы будете высоко держать знамя рабоче-крестьянской власти и останетесь неутомимым бойцом за полный успех пролетарской революции.

Революционный Военный Совет Армии.

*С. Буденный
К. Ворошилов
С. Соломка.*

Секретарь

Василий Антонович сидел рядом, комментировал документы, отвечал на вопросы.

— Где вы сфотографировались вместе с Тимошенко? — спросил я, разглядывая одну из страниц альбома.

— На Кубани. В ту пору мы оба командовали кавалерийскими полками и нагоняли страх на беляков.

— Если только мне не изменяет память, несколько лет тому назад я видел точно такую же фотографию в Музее обороны в Волгограде.

— Точно! Там экспонируются не только фотографии, но и кое-что из наших личных вещей.

С другого снимка на меня глядел Василий Антонович в буденовке набекрень. Рядом с ним стоял Ворошилов.

— Этот снимок, — объясняет он, — экспонируется в Центральном музее Советской Армии. Фотографирова-

лись в 1918 году в Царицыне. В ту пору я был инспектором кавалерии 10-й армии, которой командовал Климент Ефремович. Кстати, мой пистолет тоже стал музейным экспонатом.

Слушаешь его рассказ, и перед глазами, как историческая кинопанорама, проходят потрясающие сцены.

— Шел 1915 год. Под местечком Берестечки мы попали в окружение и за одни сутки бросались в атаку на немцев шестнадцать раз. Прорвались. Пуля снова не миновала меня. Я получил в награду Георгиевский крест, звание штабс-ротмистра, но помимо почестей меня вновь ждала госпитальная койка. Затем опять фронт.

После нескольких боев в октябре 1916 года нашу часть вывели в резерв. В моем эскадроне уже было несколько большевиков. Вместе с ними я вел разъяснительную работу среди солдат, рассказывал об истинных целях войны, о том, ради чьих интересов она ведется.

Однажды во время учений мы наткнулись в лесу на бунтующих солдат 13-й сибирской стрелковой бригады. Ее командир, генерал Черкасов, приказал мне навести порядок среди бунтующих. Я не подчинился его приказу, отослал эскадрон к месту расположения, а сам вместе с другими большевиками присоединился к мятежникам.

За участие в бунте против царя мне грозил военно-полевой суд. Я переоделся в солдатское обмундирование, выписал себе несколько увольнительных и оставил полк.

В Минске меня задержала полевая жандармерия. Решением военно-полевого суда был разжалован, лишен всех наград и приговорен к расстрелу. Жить оставалось недолго: выведут за город — и получишь последнюю царскую «награду». Но все сложилось по-иному. Когда конвой вел меня из суда в тюрьму, по улице проходили для отправки на фронт десятки маршевых рот.

— Эх вы, сволочи! — кричали солдаты конвойным — Нас гонят умирать, а вы тут над нашим братом измыаетесь... Бей их, ребята!

Завязалась драка. Воспользовавшись суматохой, я нырнул в многотысячную солдатскую толпу и скрылся.

— Держи смертника! — кричали конвойные, открыв пальбу поверх солдатских голов.

Но рабочие и крестьяне, переодетые в шинели, за-

держивать меня не собирались. После побега я пришел на место партийной явки. В Минске был подпольный руководящий партийный центр, возглавляемый товарищем Михайловым (М. В. Фрунзе). Меня переделали в форму артиллерийского подполковника, перебинтовали, снабдили надежными документами и санитарным поездом отправили в Питер...

И начались для Василия Антоновича будни профессионального революционера. Жил нелегально, участвовал в Февральской революции. После амнистии политическим партией направляет его на фронт в свой же полк.

«Под Старой Руссой,— пишет В. А. Сергеев в книге «Против Деникина»,— полковой комитет, в который наряду с другими товарищами был избран и я, решил организовать красногвардейский отряд и послать его в Петроград, где шла подготовка Октябрьского вооруженного восстания. Я был единственным коммунистом в отряде, имевшим за плечами шесть лет службы, командирские навыки и военные знания в объеме младшего офицера. Поэтому мне предложили возглавить красных конников.

24 октября мы прибыли в столицу и к ночи с трудом пробрались к Смольному.

— Иди к Ленину, Василий, и скажи, что мы готовы выполнить любой его приказ,— напутствовали меня боевые друзья после длительного, обстоятельного разговора.

Встречи с Владимиром Ильичем ждали многие товарищи, и я подумал, что приема дождусь не скоро. Но Ленин чрезвычайно быстро решал деловые вопросы, и вскоре я доложил ему:

— Конный отряд в триста сабель прибыл с фронта в ваше распоряжение, Владимир Ильич!

— Очень вовремя, товарищ Сергеев,— поздоровавшись, сказал он и обратился к Подвойскому: — Вашему полку прибыло, Николай Ильич. Распорядитесь, пожалуйста.

Подвойский поставил отряду боевую задачу: со стороны памятника Петру Первому (Медный Всадник) совместно с матросами и рабочими в пешем строю атаковать Зимний дворец.

Вскоре после провозглашения Советской власти я снова пришел в Смольный, к Владимиру Ильичу. В беседе с ним я рассказал о желании бойцов отряда —

уроженцев южных губерний — отправиться ближе к родным местам.

Сталин, находящийся в кабинете Ленина, спросил меня, откуда я родом.

— Из Пятигорска.

— Кого вы знаете из партийцев на Кавказе?

Я назвал имена Сергея Мироновича Кирова, Ащеулова, Касаткина и других коммунистов. Ильич, внимательно слушая наш разговор, попросил меня подробно рассказать об Ащеулове. Я рассказал о нем все, что знал.

— Хороший был товарищ, замечательный трибун, большого ума и несгибаемой силы воли человек. Жалко, умер в ссылке, в Сибири,— с грустью сказал Ленин.

После минутного молчания И. В. Сталин предложил Владимиру Ильичу послать мой отряд на Северный Кавказ.

— На Дон, Кубань и Терек,— заметил он,— съезжается вся верхушка контрреволюции. Там предстоят горячие дела.

Ильич, немного подумав, сказал:

— Ну что ж, Кавказ так Кавказ. Там тоже надо делать Советскую власть. Заготовьте товарищу Сергееву мандат, и пусть едет.

Обратившись ко мне, Ленин добавил:

— Вы теперь знаете, как надо брать власть в свои руки. Главное — объединяйте вокруг себя людей. И чем больше, тем лучше. В добрый час!

Итак, в середине ноября 1917 года с мандатом и добрыми наставлениями Ильича я отправился со своим отрядом на Кавказ.

Расстояние между Петроградом и Пятигорском красные конники преодолели за месяц. Дорога оказалась долгой и утомительной, полной бессонных ночей и напряжения, волнений и боевых схваток. То здесь, то там местные власти пытались их разоружить. И там, где не помогал ленинский мандат, в ход шел клинок. В Ростове их окружили юнкера генерала Потоцкого. Кончилось тем, что осиное гнездо было разорено, а сам генерал предан революционному суду.

Весной 1918 года над Кубанью нависла опасность. Царские генералы Корнилов и Покровский объединили

свои войска и пошли лавиной, огненным смерчем на Екатеринодар, разрушая все на своем пути.

Отряд красных конников Василия Сергеева был брошен на помощь полку под командованием Дмитрия Жлобы. Задача была одна: остановить наступление белых. Революционные войска заняли боевые позиции на подступах к городу.

В ночь на 13 апреля мальчонка, назвавшийся Гришей Малько, прибежал к штабу Д. П. Жлобы и сообщил, что «на той стороне» он видел много генералов и даже «самого главного, который похож на калмыка и кричит на всех».

— А ты запомнил, Гриша, в каком доме этот маленький крикливый генерал?— спросил Жлоба.

— Во-он в том!— привстав на цыпочки, показал мальчик.

— Наверняка это сам Корнилов,— сказал Жлоба.

Вызвав командира батареи Рогачевского, он приказал ему быть готовым к утру открыть огонь.

Утром артиллеристы дали несколько залпов по дому. После атаки стало известно, что Корнилов убит. Командующим Добровольческой армией стал Деникин.

Пожар гражданской войны разгорался все сильнее и сильнее. Отряд Сергеева метался от станции к станции. В мае 1918 года немцы заняли Ростов и стали просачиваться на Кубань. Красные конники дрались то с белогвардейцами, то с немцами. И вдруг неожиданно в станции Суворовской, близ Пятигорска, появилась «волчья стая» Шкуро.

Когда-то Василий Сергеев был с ним знаком, учился в одной школе, и вот революция, гражданская война поставили их друг против друга — они стали непримиримыми врагами.

Преследуя потрепанную «волчью стаю», кто-то из красных конников обнаружил в одном из кустов боярышника записку, нацарапанную наспех самим атаманом. Среди множества непотребств там были и следующие слова: «Васыль, стэрво, поймаю— повишу! Андрий».

«В ходе гражданской войны,— пишет В. А. Сергеев в своих мемуарах,— мы не раз скрещивали с Шкуро клинки. Но особенно памятны две встречи с ним — в 1928 и 1945 годах. О них мне и хочется рассказать.

В 1928 году вместе с группой других инженеров Советское правительтво командировало меня в Америку. Ожидая визы, мы на некоторое время остановились в Берлине. Однажды зашли в цирк и, прочитав афишу, не поверили своим глазам: «Выступает знаменитый русский генерал Шкуро со своими джигитами».

— Вот так «знаменитость»!

— До чего докатился «генерал»: веселит немецких бюргеров.

— Работает на дешевую популярность,— смеялись мои товарищи.

— А ведь у меня с ним старые счеты, друзья,— и я рассказал им о записке, в которой Шкуро обещал меня повесить.

Мы сели в ложу и вскоре увидели предводителя «циркачей».

— О-о, Васыль!— обернувшись, удивленно вытаращил глаза Шкуро.— Як же воно? Живый?!

— Сволочь! Можно подумать — брата встретил,— брезгливо проговорил кто-то из моих спутников...

— Как видишь,— ответил я эмигранту.

— И нэ повисилы?— хохотнул Шкуро, будто речь шла о ком-то другом.

— Нет у тебя и у твоих хозяев такой веревки, чтобы меня повесить,— ответил я.— А вот когда будут вешать твою «генеральскую» светлость, я обязательно сниму чумбур со своего коня и принесу на эшафот.

Шкуро криво ощерился и, багровея, процедил:

— Руки коротки у вас, краснопузиков...

Словесная перепалка могла привести к нежелательному инциденту, и наша делегация покинула цирк.

А в 1945 году мы снова встретились с Шкуро после того, как его поймали на фронте. Я получил разрешение повидать матерого бандита, нашел обещанный чумбур и предстал перед старым врагом. Увидев меня, он остолбенел.

— Ну, Андрей, я исполнил свое обещание, привез чумбур. Прочная вещь, вешать будут — не оборвется.

— Ваша взяла,— хрипло ответил он, словно веревка уже натягивалась на его шее. И отвернулся. Больше разговаривать нам было не о чем.

Но вернемся к событиям гражданской войны.

Когда контрреволюция направила острие своего отравленного меча на Царицын, из станиц и аулов, из гор и сел стали приходиться под алые знамена революции лучшие сыновья и дочери народа. Отряды превращались в полки, полки — в дивизии, дивизии — в армии, и двинулся против врага настоящий железный поток.

Направились к Волге и красные конники Василия Сергеева. В селе Киселевка, близ Царицына, командира срочно вызвали к телефону. Состоялся следующий разговор:

Киселевка: У аппарата командир второго конного полка Сергеев.

Царицын: Говорят члены Реввоенсовета 10-й армии Сталин и Ворошилов. Куда следуете? Где начдив?

Киселевка: Идем в Царицын. Начдив в Заветном.

Царицын: Какова численность ваших войск?

Киселевка: Примерно сорок тысяч. Пехота и конница. Пехота на подводах.

Царицын: Форсируйте поход. Положение тя...

Разговор прервался на полуслове — белоказаки порубили провода в селе Цаца. Сергеев срочно выехал в Заветное и обо всем доложил командованию. Было принято решение действовать, не теряя ни минуты. Около полуночи полк приблизился к боевым позициям противника. После тщательной разведки Сергеев отправляет следующее донесение:

«Достиг с разездом вражеской тыловой охраны. На пути уничтожил сотню казаков. Противник занимает фронт от села Большие Чапурники до станции Червляна. С правого фланга большие непроходимые озера, на левом фланге — бронепоезд с артиллерией.

Состав частей противника: два офицерских полка, артиллерия и пулеметы. Имеется две линии окопов без проволочного заграждения. Примерно в трех километрах к северу — оборона войск 10-й армии.

Выставил авангард, принял меры охранения. Жду приказаний.

Сергеев. 15 октября 1918 года».

И завязался бой. За каких-то сорок-пятьдесят минут войска белого генерала Краснова были смяты и стброшены. Кавалеристы соединились с частями 10-й армии

и продолжали преследовать вставшего в панику противника. А вот и непосредственный свидетель бесстрашия и мужества, проявленного в том бою красным командиром Сергеевым:

«Штаб
первой Стальной дивизии.
Удостоверение
№ 437

Настоящее дано командиру 2-го революционного кавалерийского полка тов. Сергееву о том, что он во время похода 1-й Стальной дивизии Кубань — Царицын-на-Волге, идя в авангарде, получил сведения от своей разведки, что путь нашего следования у села Большие Чапурники Царицынской губернии отрезан хорошо вооруженными офицерскими частями противника, против которого дивизия не могла сражаться, имея по 5 штук патронов на бойца. Тогда тов. Сергеев взял на себя ответственность со вверенным ему полком разбить врага и очистить путь к Царицыну.

Отлично продуманным маневром тов. Сергеев врубился в ряды противника и начал самоотверженно уничтожать его. Во время боя тов. Сергеев был ранен двумя пулями, не вышел из строя, чем и воодушевил дрогнувших своих бойцов, которые после вели больше часа рукопашный бой, в результате чего было изрублено до семисот человек противника и была незначительная потеря своих. Благодаря этому дивизия имела возможность вовремя подойти к осажденному Царицыну и спасти положение 10-й Красной армии и города Царицына.

Оценив заслуги тов. Сергеева перед РСФСР, находим необходимым наградить тов. Сергеева орденом Красного Знамени.

Командир 1-й Стальной дивизии
Гореленко
Политический комиссар
Васильев

5 ноября 1918 г.»

Еще бушевал пожар гражданской войны, а партия поставила вопрос о наращивании экономического потенциала страны. Среди тысячи инженерно-технических работников, отозванных с фронтов в Москву, был и Васи-

лий Антонович Сергеев. На Красной площади, в здании теперешнего ГУМа, он вместе с другими товарищами проектировал первый в стране тракторный завод. Эта ответственная, требующая огромных знаний и недюжинной энергии работа продлилась несколько лет. А когда чертежи были готовы, Василий Антонович поехал на три года в Америку постигать премудрость фордовских тракторостроителей. Потом десять лет работал в должности главного механика Сталинградского тракторного завода, построил первый советский трактор. Находился на этом посту до того дня, когда линия фронта прошла по территории завода. И тогда снова стал бойцом, солдатом, закованным в броню. В составе 7-го механизированного корпуса громил фашистов на фронтах Великой Отечественной войны.

«Механизированный корпус, помпотех командира которого мне довелось быть,— пишет В. А. Сергеев в книге «Бойцы огненных лет»,— принимал активное участие в боях за освобождение Молдавии. Два танка этого корпуса остались памятниками на территории республики — в Тирасполе и Леушенах».

Бывший редактор корпусной газеты «Родина зовет», ныне кандидат исторических наук из Ленинграда Павел Иванович Елищев вспоминает:

«Весной 1944 года после жарких кровопролитных боев левобережную часть Молдавии освободили советские войска, в составе которых был и 7-й механизированный корпус. Он находился в резерве Верховного Главнокомандования и его по мере надобности перебрасывали с одного фронта на другой, придавали тем или другим армиям как довольно мощное подвижное соединение».

Корпус имел одну танковую бригаду трехбатальонного состава и три механизированных, в которых было по три мотострелковых батальона и по одному танковому полку. Кроме того, в корпус входили три отдельных самоходных артиллерийских, минометный, зенитный и истребительно-противотанковый полки, отдельный гвардейский дивизион «катюши», отдельные ремонтно-восстановительный, мотоциклетный, связи, саперный, медико-санитарный батальоны, а также отдельные роты химической защиты и горюче-смазочных материалов, полевой автохлебзавод.

Командиром корпуса был способный, смелый, мужественный генерал-майор, позже генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза Ф. Г. Катков.

11 апреля 1944 года корпусные части и, главным образом, 41-я гвардейская танковая бригада, захватили на правом берегу Днестра плацдарм в районе Пугачеп и до 5 мая вели упорные бои за его удержание и расширение. Потом наши войска перешли к жестокой обороне.

А 7-й механизированный корпус был скрыто переброшен, через Резину и Шолданешты, в предгорья Олишканы — Добруша — Распоены. Сюда стало прибывать пополнение, которое надо было готовить к новым боям. Началась усиленная боевая и политическая подготовка. Во всех частях корпуса политработники говорили об истории многострадального молдавского народа, о зверствах оккупантов на территории республики, о задачах воинов в предстоящих боях.

В начале августа представитель Ставки для координации действий 2-го и 3-го Украинских фронтов, Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко прибыл в село Добрушу, где размещался штаб 7-го механизированного корпуса. Он присутствовал на тактических учениях, ночных маневрах, давал им оценку при подведении итогов, выступил на собрании офицерского состава корпуса, сфотографировался с нами».

Корпусная газета «Родина зовет» издавала и распространяла среди бойцов специальную листовку под заголовком «Земной поклон доблестным воинам!», в которой звучали голоса набата:

«Много горя, мук и страданий извещал наш народ. Немецкие и румынские захватчики, вероломно вторгшиеся в пределы Советской Молдавии, залили ее землю потоками крови и слез, вытоптали наши цветущие сады и виноградники, выжгли наши плодородные нивы, превратили в развалины города и села».

Но молдавский народ не стал на колени перед ненавистным врагом. Он вместе со всеми братскими народами Советского Союза поднялся на священную борьбу за свою Отчизну, за ее свободу и независимость».

Унаследовав боевые традиции нашего народа, его лучших сыновей — легендарного Котовского, Лазо и других, патриоты Молдавии проявили и проявляют на фрон-

тах отвагу и мужество в борьбе с врагом. Офицер Красной Армии молдаванин Урсул только в одном бою истребил со своей батареей свыше 500 гитлеровцев и разгромил 17 огневых точек противника. Свыше 150 истребленных фашистов имеет на своем боевом счету воин Нордтий. 130 гитлеровцев убил комсомолец Царан, сотни солдат и офицеров противника уничтожил участник героической переправы через Днепр Балунэ. Прославились боевыми делами Мария Лесовая, Вера Лыса, Марта Савчук, Елена Бачул и многие другие.

Сегодня победоносные красные знамена развеваются над городами и селами освобождаемой Молдавии. Земной поклон Красной Армии, возвращающей трудящимся Молдавии свободную и счастливую жизнь.

Слава нашим воинам!

Слава нашему брату — великому русскому народу!

Да здравствует организатор и вдохновитель побед советского народа Ленинский ЦК ВКП (б)!

Н. Сологор,
секретарь ЦК КП(б) Молдавии.
Т. Константинов,
Председатель Совнаркома Молдавской ССР.
Ф. Бровка,
Председатель Президиума Верховного
Совета Молдавской ССР.

Эту красочную листовку, эту страничку летописи всенародной славы ветераны войны бережно хранят в своих личных архивах и поныне.

Накануне Яско-Кишиневской операции 7-й механизированный корпус, согласно приказу Ставки Верховного Главнокомандования, был передан из состава 2-го Украинского фронта 3-му Украинскому фронту и наступал в полосе действия 37-й армии с Кицканского плацдарма. За период операции корпус уничтожил 2360 машин, 180 орудий, 44 танка и самоходных орудия, 1840 повозок с имуществом, 21 бронетранспортер, 16 450 солдат и офицеров противника. Захвачено 1259 автомашин, 16 танков и орудий, 17 различных складов, 1 миллион патронов, большое количество другой военной техники и вооружения, 12 600 пленных.

Танк, установленный над братской могилой в Тирасполе, победоносно прошел по земле Украины и Советской Молдавии, освобождал Румынию, Болгарию, дошел

до Венгрии. Командиром этого танка был Борис Сергеев, сын Василия Антоновича.

У озера Балатон, где фашисты сконцентрировали отборные части, велись тяжелые, кровопролитные бои.

Около венгерской деревушки наши танкисты попали в окружение. Положение было критическим: корпус располагал каким-то десятком танков. Борис Сергеев получил приказ прорвать окружение и выйти на соединение со спешащим на помощь корпусом. Он первым ринулся на мост. Со всех сторон летели бомбы и снаряды. Мост не выдержал, и стальная громадина рухнула в воду. Фашисты решили, что экипаж станет их легкой добычей. Но погруженный в воду танк превратился в крепость. Схватка продолжалась несколько часов. Много врагов положили мужественные танкисты. И погибли, сражаясь до последнего патрона.

«В эти роковые часы,— пишет Василий Антонович автору этой книги,— я находился недалеко от трагического места, где погибал мой сын. Я ничего не знал, но сердце чувствовало эту страшную беду. Еще перед выходом Бориса на прорыв я не находил себе места от страшного предчувствия.

Когда мне доложили о гибели сына, я поехал к месту трагедии. Там увидел пять трупов и среди них труп Бориса. Мое сердце готово было разорваться от боли. Подняв танк Бориса своим танком, я взял его тело в свою машину и несколько суток возил с собой.

А бой кипел. Мы находились в огненном котле, враг неистовствовал. Сколько надо было иметь человеческих сил, чтобы перенести все это, совмещая в своем сердце чувства отца и командира в тяжелой боевой обстановке... Это невозможно описать.

Борис был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Через неделю был убит майор Гапоненко. Выйдя из боя, я не хотел оставлять сына на чужой земле и решил похоронить обоих в братской могиле в Тирасполе, где было уже захоронено 13 офицеров нашего корпуса. Я отправил два гроба с двумя Борисами в Тирасполь и испросил разрешение высшего командования списать танк Т-34 № 2944, командиром которого был мой сын, и установить его на братской могиле. Мне разрешили».

Пятнадцать офицеров, пятнадцать боевых товарищей уснули навеки в Тирасполе под массивными каменными плитами, которые охраняет «бронированная крепость»:

Божко Пантелеймон Ефимович, полковник
Шутов Алексей Тимофеевич, полковник
Зыков Константин Андреевич, полковник
Климачов Григорий Степанович, полковник
Лысенко Евгений Павлович, подполковник
Романенко Александр Петрович, подполковник
Гапоненко Борис Алексеевич, майор
Глушков Хуан Яковлевич, майор
Никифоров Влас Николаевич, майор
Гладкий Петр Данилович, капитан
Котловец Михаил Павлович, капитан
Тимошенко Степан Андреевич, капитан
Вавиленко Иван Борисович, старший лейтенант
Васин Федор Акимович, старший лейтенант
Сергеев Борис Васильевич, лейтенант

Своим мужеством и отвагой, проявленными в боях с фашистами, они вписали свои имена в гранитную книгу вечности. По праздникам и в час досуга, когда тропы сходятся у легендарного танка над Днестром, люди утирают набежавшую слезу. Это слезы признательности, любви и восхищения!

Закончилась война. Василий Антонович и его супруга постоянно приносят цветы к могиле сына, вместе с жителями приднестровского города чтят священную память героев.

Тираспольский поэт Борис Крапчан в стихотворении «Отец и сын» посвящает В. А. Сергееву возвышенные строки:

Лежит танкист, не видя ничего.
А танк уйти не может от него:
Взнесенный на гранитный пьедестал,
Он командиру памятником стал.

Скупые слезы война-отца
На грудь стекают каплями свинца.
Отцы Земли! В горячке наших дней
Не потеряйте

будущность
детей.

(Из сборника стихов «Весенняя песня»)

В стеклянном шкафу, что установлен в гостиной, Василий Антонович бережно хранит парадную форму. На

кителе сверкают 23 ордена и медали. Родина высоко оценила его мужество и труд.

Вчитываюсь в слова адреса Советского комитета ветеранов войны, направленного Василию Антоновичу по случаю 80-летия со дня рождения, подписанного Маршалом Советского Союза С. Тимошенко.

Неугасимо горит в Тирасполе вечный огонь. Во славу тех, кто зажег зори новой жизни и защитил грудью завоевания Октября. Он горит, как вечная память о сыне и как воспоминание о мужестве отца. Во славу богатырей стального войска зажжен этот священный огонь.

„Путник, остановись!“

Куда только ни забрасывает журналиста его беспокойная профессия, куда ни приводят вечно зовущие пути-дороги! Однажды мне довелось побывать у сесенских виноградарей. Переполненный впечатлениями, исписав блокнот, я вновь отправился в путь.

Узкая извилистая тропинка, прячась от жгучего солнца в тени ветвистых деревьев, карабкалась вверх по крутосклону. Был жаркий летний день, безоблачное небо дышало зноем. Я подымался в гору, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух и полюбоваться на открывавшийся отсюда чарующий кодрянский пейзаж.

На опушке леса, вырываясь из-под каменной плиты, весело журчал родник. Я зачерпнул пригоршней прохладную воду и утолил жажду. И вдруг на стволе старого дуба заметил прикрепленную к нему табличку, на которой еле-еле проступали слова:

«ПУТНИК, ОСТАНОВИСЬ!»

Из этого родника народные мстители брали воду весной 1944 года. Почти минутным молчанием память сесенцев, расстрелянных фашистами за помощь, оказанную партизанам...»

Далее следовал длинный список имен и фамилий. Я обнажил голову. У подножья дуба лежал кем-то принесенный большой букет полевых цветов.

Совсем рядом послышались шаги. Я очнулся. Вниз по тропинке неторопливо шел старик с узорчатым бурлуем в руке.

— На этой доске есть имена и моих сыновей,— тихо промолвил старик, когда мы разговорились.

Я узнал от него также, что многие парашютисты, воевавшие в этих местах, захоронены немного поодаль, в лесу. О них ходят легенды. Это в память о тех смелых

людях здесь бытуют названия: «Партизанские землянки», «Колодец комиссара», «Пик героев».

Все это заставило меня вернуться в село. В сельсовете мне рассказали потрясающие вещи о подвигах народных мстителей. Но как звали бесстрашных парашютистов? Откуда они родом? Остался ли кто-нибудь из них в живых? А если да, то где они сейчас? Чем занимаются? Вопросы роились в голове, а ответы...

— Мы жили с ними, как братья,— рассказывали сесенцы,— но знали их только по именам — Олег, Валя, Ефим... Одни пали в боях, другие перешли линию фронта...

Вернувшись в Кишинев, я обратился к архивам. Очень хотелось разузнать подлинную историю здешних партизан, их имена. Но мои старания долгое время оставались тщетными.

И вот как-то в редакцию газеты «Молдова Социалистэ», где я работал, прибыло письмо из Херсона от журналиста Д. Файнштейна. Автор письма сообщал, что в лесах под селами Бравичи и Сесены весной 1944 года действовал партизанский отряд «Журналист» под руководством Жоры Смилевского. Газета на основании письма подготовила и опубликовала корреспонденцию, проиллюстрировав ее фотографией, присланной тем же автором. Затем последовали отклики из самых разных мест.

«Мы сразу узнали людей на снимке,— с большой радостью заявили нам несколько сесенских жителей.— Ведь мы, как говорится, ели с ними из одной миски. А то, что фамилия командира — Смилевский, нам стало известно только теперь».

Ценные сведения дали нам бывшая партизанка Клава Крикуненко из Ростовской области, сын Смилевского, проживающий в Ленинграде, мать разведчика Анатолия Володина из Новосибирска. При содействии Александра Коренева, ныне директора Института истории партии при ЦК КП Молдавии, мы получили из Киева полный список партизан этого отряда, краткие характеристики каждого из них, тексты телеграмм, переданных по партизанским рациям из вражеского тыла.

Пожелтевшие от времени архивные документы заговорили.

Письмо из Москвы:

«Среди награжденных орденом Красной Звезды Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1945 года за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, имеется Смилевский. Орден ему значится неврученным».

(Из списка награжденных).

Письмо из Киева:

«... 17.3.1944 года Смилевский на самолете выброшен в район леса западнее г. Оргеева Молдавской ССР в должности командира партизанского отряда. После приземления вел бой с отрядом полиции в течение шести часов, уничтожив до 20 солдат и полицейских. Воспользовавшись темнотой, прорвал кольцо окружения и без потерь ушел от преследования. Поддерживает регулярно радиосвязь со штабом ПД, сообщая ценные разведывательные данные о концентрации войск противника, строительстве оборонительных рубежей и переправ на реках в районе действия отряда.

Проведением боевых операций руководит лично. 27.3.1944 года в районе села Бравичи в результате налета на колонну убито 13 немцев, остальные рассеяны. 28.3.1944 года там же разгромлено имение местного помещика, имущество роздано местному населению. С 18 по 28 марта отряд вырос с 11 до 88 человек». (Архивный материал).

Письмо из села Куйбышево Ростовской области:

«...В Молдавию нас вылетело 11 человек. Все те, кто были в Херсоне, а также братья коммунисты Исайкины (Ефим—комиссар, Федор—начпрод), Анатолий Коваленко, Илья Михайличенко и Василий Хорольский. У переводчика молдаванина Кости не раскрылся парашют, и он погиб. Здесь у нас был боевой партизанский отряд. В первый же день нам пришлось принять бой с полицией... Мы быстро познакомились с лесником Кирикэ и его сыном. Они привели к нам молодых парней, которые влились в наш отряд. Никто, кроме Василия Кирилловича,

не был журналистом, но все считали за честь драться под его началом. Мы устраивали засады на немецкие колонны, с боем отбивали советских военнопленных, минировали дороги. В одной из засад погиб наш комиссар Ефим Исайкин... Со штабом имели связь каждый день, слушали известия с Большой земли и радовались успехам наших войск. Вскоре к нам был выброшен еще один отряд, и мы с ним соединились...»

(Из воспоминаний Клары Крикуненко, партизанки отряда «Журналист»).

Письмо из партизанского отряда:

«Я названный брат Вашей сестры Валентины и ее командир. При встрече она Вам расскажет, как трудно и вместе с тем интересно воюют на нашем фронте. Ваша сестра — хороший, отважный солдат. За свои подвиги Валя представлена к правительственной награде».

(Из письма командира партизанского отряда «Журналист», адресованного сестре радистки Вали Максимовой).

Письмо из партизанского отряда:

«Долго не писала, не было возможности. Дело наше солдатское. Не всегда все можно. Живу пока ничего. Скоро иду на задание. Опять писать не буду. Ну, а ты пиши по старому адресу. Мне передадут. Если буду жива-здорова, отвечу. Я твое фото вожу с собой. Ты даже не можешь себе представить, где путешествует твой портрет».

(Из фронтового письма от 21 февраля 1944 года радистки Вали Максимовой, адресованного старшей сестре Марии в город Бийск Алтайского края).

И вот опять я поехал в Сесены. Образы народных мстителей, их бессмертные подвиги, словно контур проявляющегося на фотобумаге изображения, стали вырисовываться до мельчайших подробностей. Передо мной вставали картины, полные героики, славы и трагизма.

„Журналист“ приземляется в кодрах

Смуглый молодой человек, покусывая мундштук трубки, прохаживался перед обугленным зданием вокзала,

«Что же могло случиться, почему нет Василисы?» — думал он. — Ведь ей хорошо известно, что мы пробудем здесь всего несколько дней».

Чуть поодаль, усевшись на груды камней, мирно беседовала группа людей. Одеты в кожаные и овечьи телогрейки, они во многом напоминали молдавских крестьян. Шутили, громко смеялись. Один из «крестьян» обратился к высокому парню со следами оспы на лице:

- А как будет по-молдавски «добрый день»?
- Буна ziua, — последовал ответ.
- А как будет «спасибо»?
- Мулцумеск.

Люди в кожаных хомутами повторяли незнакомые им слова, как на уроке.

Кто же они такие и зачем они здесь? Братья Ефим и Федор Исайкины, оба коммунисты, приехали сюда с берегов Волги. Анатолий Володин — сибиряк из-под Новосибирска. Имя румянощекой девушки, которую партизаны в шутку называли «Пампушкой», — Клава Крикуненко. Тоненькая, как тростинка, девушка с коротко стриженными волосами — радистка Валя Максимова. Первая выросла в Донских степях, вторая — у подножья Алтайских гор. Олег Ненахов и Анатолий Коваленко — ростовчане, Василий Хорольский и Илья Михайличенко родом из Запорожья. А переводчика, черноглазого молдаванина, зовут Николаем, фамилия его — Костя.

Опасность, нависшая над Родиной, заставила их взяться за оружие.

И вот немногочисленный партизанский отряд, руководимый коммунистом Смилевским, отправляется на очередную сложную операцию в тыл врага. Эта третья по счету «командировка». Первая была в район Запорожья, вторая — в Приднестровье, недалеко от Херсона. А эта намечается в молдавские кодры.

Партизаны получили соответствующий инструктаж, приготовили снаряжение, боеприпасы. До отлета оставалось немного времени, и они решили отдохнуть. Клава, расправив на прикладе автомата листочек бумаги, принялась писать письмо — последнее с Большой земли.

Послышался гул мотора, и на изрытой снарядами площади перед вокзалом остановился грузовик. Из кабины вышла женщина с ребенком.

— Ася! — воскликнул мужчина с трубкой и побежал к машине.

Жора Смилевский обнял жену и сына.

— Мост через реку разрушен, и нам пришлось добираться в объезд, — говорила Василиса. Потом с тревогой спросила:

— Опять уезжаешь?

Жора кивнул головой. Подняв сына на руки, он долго не сводил с него глаз. Кто знает, суждено ли будет ему еще увидеть его? Не будь войны, он вечерами гулял бы с сыном по парку родного Николаева, поливал бы цветы под окнами своего дома. И каждое утро, как это бывало до войны, спешил бы в редакцию молодежной газеты «Більшовицке племя», где работал заместителем редактора. Прямо из блокнота диктовал бы машинистке репортаж или корреспонденцию, и в них делился бы с читателями своими думами, переживаниями, радостями. Так хорошо было сидеть в поле у комбайна с блокнотом в руках, бывать в кругу рабочих или выходить с рыбаками в море, беседовать с участниками художественной самодельности...

А сейчас ему натирает плечо ремень автомата. Пришлось отказаться даже от записной книжки. Ведь он командир группы разведчиков, бойцов «невидимого фронта», и любая лишняя бумажка может погубить его и многих других.

Товарищам по оружию была известна профессия их командира до войны. Они питали к Жоре Смилевскому как представителю советской печати особое уважение. Возможно, поэтому, когда встал вопрос о том, как назвать свой отряд, все сразу сошлись на одном: «Журналист».

...В ночь с 16 на 17 марта 1944 года с аэродрома поднялся самолет и взял курс на запад.

— Значит, договорились? — Смилевский старался перекричать шум моторов. — Отныне я снова — Василий Кириллович, а все остальные будут называть друг друга только по имени.

В небе над Сесенским и Бравичским лесами одиннадцать смельчаков бросились в черную, расстилавшуюся под крылом самолета бездну. Парашют Николая Кости не раскрылся, парень разбился. Сильной воздушной волной Хорольского унесло за дальние холмы, он потерял

связь с товарищами. А Клавин парашют опустился, как огромная шляпа, на верхушки деревьев. Девушка повисла, маятником закачалась в воздухе, прыгнуть на землю долго не удавалось. Тем временем над лесом уже занималась утренняя заря, и оставаться дальше в этом положении было опасно. Наконец ветер, словно угадав отчаяние девушки, подставил ей ветку. Клава с большим усилием уцепилась за нее рукой, подтянулась, приникла к стволу дерева. Теперь она смогла, достав нож, перерезать стропы и распутать парашют. Через некоторое время Клава уже была среди благополучно приземлившихся товарищей.

Все девять, применяя различные условные сигналы и знаки, пустились в поиски исчезнувших. Искали долго, но безуспешно. Подавленные, раздосадованные, ушли в глубь леса.

— Что будем делать без переводчика?— задумчиво спросил комиссар Ефим.

— Жаль парня,— с огорчением сказал Василий Кириллович,— теперь будет труднее, чем можно было предположить... И Хорольского не стало... Что могло случиться с ним...

И вдруг, неожиданно-негаданно, точно из-под земли, появились три женщины, закутанные в шали. Это были, по-видимому, богомолки. Они направлялись в монастырь, стены которого белели сквозь деревья на противоположном склоне и откуда доносился перезвон колоколов.

— Кто вы будете? Что за село поблизости?— спросил командир, подходя к женщинам.

Крестьянки недоуменно переглянулись:

— Че ынтрабэ, фа?*

Не сумев ничего выяснить даже при помощи жестикующий, партизаны пошли своей дорогой. Богомолки вернулись в село, не на шутку перепуганные.

А над селом уже разносилась дробь барабана. Это означало, что всем надо немедленно собраться на площади перед зданием примарии. Люди с тревогой спрашивали друг друга: «Что случилось?» Никто толком ничего не знал.

Шеф жандармского поста встал на стул среди толпы.

— Господа!— крикнул плутоньер* пискливым голосом.— В нашем поселке найден парашют, а рядом с ним труп партизана. Разбился о землю. Но это один. А где остальные? Не один же он прыгал с самолета. Теперь они будут грабить, убивать, сжигать ваши дома. Так вот, если хотите спокойно спать и спокойно жить, вы должны их поймать сегодня же, немедленно, ибо завтра будет поздно!

Толпа зашевелилась, загудела. Но на лицах у большинства собравшихся жандарм отнюдь не увидел тревоги. «Они рады большевикам,— посннев от злости, подумал про себя плутоньер.— Болваны! Я заставлю уничтожить партизан вашими же руками».

Сельские богачи пытались убедить крестьян ринуться в лес на поиски парашютистов. Но люди молча разошлись по домам.

Взбешенным жандармам удалось собрать лишь жалкую кучку из кулаков и молодых новобранцев. Впереди, пыхтя, бежали примарь и шеф поста. Первый подбадривал и подгонял собранную ораву, высоко над головой поднимая толстую сучковатую палку, а второй держал в руке пистолет. Дойдя до опушки леса, толпа приостановилась.

— В шеренгу на расстояние друг от друга в десять шагов, разомкнись!— скомандовал шеф поста.— Очистим лес от большевиков!

Часам к двум-трем пополудни один из жандармов натолкнулся на партизан. Те открыли огонь из автоматов. Жандарм, сраженный пулями, скатился в овраг. Толпа преследователей бросилась врассыпную наутек. Плутоньер заорал, пытаясь вернуть их обратно.

— Остановитесь! Канальи, стрелять буду!

Но тем было не до плутоньера. Они продолжали бежать, гонимые страхом.

Примарь, несмотря на свою неповоротливость и грузную фигуру, первым добежал до деревни. В срочном порядке он стал вызывать подкрепление из Оргеевского и Каларашского полков. Вскоре в село прибыл взвод солдат, и со стороны леса послышалась перестрелка, не утихавшая до позднего вечера. Федора, брата комиссара, ранило в голову. Человек двадцать жандармов и солдат

* Что он спрашивает?

* Плутоньер — чин в румынской армии.

нашли в тот день свою смерть на лесных тропах. Остальные отступили в село. За ночь ветер стих. Село лежало, окутанное кладбищенской тишиной.

На погруженные в безмолвие деревья плавно падали крупные пушистые снежинки. Девять партизан молча шагали друг за другом, удаляясь в самую глубь леса, и свежий снег засыпал их следы.

Пройдут недели, месяцы, и секретные архивы оккупационных войск засвидетельствуют факты героической борьбы партизан. В «Специальном информационном бюллетене» № 192 Кишиневского областного инспектора жандармерии прочтем скупые сообщения о первых столкновениях фашистов с партизанским отрядом «Журналист» в кодрах Молдавии:

«В ночь с 17 на 18 марта 1944 г. были заброшены парашютисты в район леса Фрумоаса Оргеевского уезда. Обнаружены 4 парашютиста и один грузовой мешок со взрывчаткой (18 марта 1944 г.)».

«Оргеевский жандармский легион докладывает, что в лесу Иванча Оргеевского уезда были замечены 8 парашютистов, а в лесу Фрумоаса 10—11 парашютистов. (19 марта 1944 г.)».

«В дополнение к нашему рапорту № 2670/944:

Бравическое жандармское отделение столкнулось с парашютистами в лесу монастыря Фрумоаса. В Фрумоасу прибыло и каларашское жандармское отделение Лапушнянского уезда. Мы распорядились о мобилизации в монастырь Фрумоаса и отделения Кобылки. (Майор Соломон. 19 марта 1944 г.)»*

Так появление народных мстителей ввергло оккупантов в панику. Надрывались телефонные аппараты, лихорадочно выстукивала свои бесконечные точки-тире морзянка, запыленные, пропахшие копотью мотоциклисты не успевали разносить сверхсрочные штабные депеши...

Шла народная война, и лучшие представители народа выполняли свой священный долг перед Родиной.

...Утром мош Александр Кирикэ вышел на порог своей хаты. Отсюда, с высоты пригорка на лесной опушке,

* Сборник документов и материалов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза», том 2, стр. 410—411. (Изд-во «Штинца», Кишинев, 1976 г.).

где стояла хата, село было видно как на ладони. Улица, тянувшаяся вдоль села, оживала. У ворот чернели кучки людей. «Вчерашнее обсуждают», — подумал дед. Впрочем, мысль о том, что где-то рядом находятся партизаны, всю ночь не давала и ему покоя.

На глаза то и дело попадались огромные листы сероватой, оберточной бумаги, которые жандармы еще с неделю назад расклеили на стенах примарии, жандармского поста, на дверях лавок и даже на церковных воротах. На них типографским шрифтом было набрано визгливо-истерическое распоряжение оккупационных властей:

«Противник забросил при помощи авиации определенное число парашютистов на нашу территорию и, так как это может повториться, то доводится до сведения населения следующее:

1. Любой житель, заметивший полет самолета над нашей территорией, обязан в кратчайшее время известить об этом ближайший жандармский пост.

2. Любой житель, заметивший выброску парашютистов, обязан известить об этом ближайший жандармский пост.

3. Любой житель, заметивший в лесах или укрытых местах посторонних вооруженных лиц, которые тайком интересуются о населенных пунктах, властях, войсках и т. д., обязан известить ближайший жандармский пост и повести отряды карателей туда, где он их видел.

4. Любой житель, нашедший в поле или в лесу сброшенный из самолета противника материал, как: парашюты, мешки с боеприпасами и взрывчаткой и т. д. — обязан известить об этом ближайший жандармский пост.

5. Любой житель, в дом которого вошло даже ненадолго постороннее или подозрительное лицо, чтобы просить приюта, пищи или оставить оружие, боеприпасы, различные материалы, обязан немедленно и незаметно послать кого-либо из членов семьи оповестить ближайший жандармский пост и предоставить все сведения для их поимки.

6. Любой житель, вызванный жандармскими властями для участия в преследовании парашютистов, обязан подчиниться немедленно и оказать помощь в их поимке.

7. Кто не подчинится вышеизложенным распоряже-

ниям, будет считаться пособником врага и будет предан суду в соответствии с действующими законами и приказами.

Настоящее объявление должно быть вывешено во всех волостях и селах Бессарабии и доведено до сведения населения полицейскими властями.

Губернатор дивизионный генерал
Олимпиу Ставрат
Инспектор кишиневской
жандармерии
полковник
Теодор Мекилеску*

Еще раз мысленно прочитав «наставления» блюстителей порядка, мош Александр взялся было за топорик, долго рассматривал, пробовал пальцем его лезвие, затем присел на пенек и начал стругать тычки для виноградника. Но работа не клеилась. «Если я, человек, всю жизнь проживший в нищете, обманутый богачами, обиженный примарем и жандармами,— говорил сам себе старик,— если я не помогу партизанам, кто же тогда? И кто лучше меня знает все тропинки в лесу?»

Долго не сводил глаз со стрехи, под которой лежало спрятанное ружье. «Взять его или не брать?» В конце концов решил: «А будь что будет!» Достал ружье, вошел в дом и принялся чистить ствол.

— Куда, старый, собрался?— сердито проворчала жена.

— На охоту. Как раз пора...

Сердце не ошибается

Целую неделю не возвращался с «охоты» Александр Кирикэ. А вернувшись, не стал засиживаться дома. С утра до вечера— все в селе, среди людей. Послушает, что говорят, сам в беседу встрянет, расспросит, совет подаст.

Однажды к деду Кирикэ обратились братья Ион и Григоре Захария:

— Мош Александру, вам уже пришлось пережить не одну войну... Посоветуйте, что делать?..

* Центральный госархив МССР, ф. 706, оп. 2, д. 27, ч. 2, л. 437. Перевод с румынского.

— Верю я только своим глазам и ушам,— ответил старик.— Так вот что я вам скажу. Раз уж начал немец без разбора всех хватать и гнать под ружье, значит, плохи у него дела. А гляньте на дороги, разве не ясно, что фронт приближается. И еще как приближается!

Покрутив седые усы, поучительно растолковал:

— А почему немец бежит? Очень все и без слов понятно. Потому что русские сильнее и правда на стороне советских. А теперь смекайте сами, что делать. Выбирайте: или лесная тропа, или дорога за Прут. Третьего пути, сынки мои, нет! Прислушайтесь к сердцу своему. Оно-то никогда не подведет...

Мош Александр, кряхтя, вырвал торчавшую из пестыла соломинку, затем выпрямился и, опираясь на суковатую палку, побрел к центру села. А братья Захария остались, как на распутье, и молча смотрели ему вслед.

— Старый не из тех, кто бросает слова на ветер,— сказал наконец Григоре.— О лесе упомянул. Это, видно, не зря...

Подгоняемая жандармскими штыками из ворот примарии вылилась на улицу большая толпа людей. За толпой бежали женщины. До самой околицы, где дорога сворачивает на Бравичи, они жалобно голосили, прижимая к себе детей, надеясь разжалобить конвоиров. Арестованные сесенцы шагали, понуриив головы.

А молодой весенний ветер, не замечая человеческого горя, весело дул над землей. Быстро просыхали холодные лужи на дороге. Яркое солнце ласкало поля. Не сегодня-завтра там можно начать работы. Но тех, кого вели под конвоем, это не радовало.

— Шире шаг, чертово отродье!— подгоняли прикладами жандармы.

В Бравичах людей загнали на школьный двор, огороженный колючей проволокой. Одних выводили отсюда рыть окопы в долине Кулы, а других выстраивали в колонны и гнали насильно дальше— к Пруту.

Однажды незаметно для стражи во двор школы пробралась девушка. Она примостилась под деревом рядом с молодым человеком и о чем-то тихо беседовала с ним. Но ее заметил офицер.

— Ты как сюда попала?— гаркнул он, подходя к ней.— Ведь это строго запрещено!

— Это моя жена, господин лейтенант,— ответил па-

рень, став по стойке «смирно». — Мы недавно поженились.

— Вот оно что! Нежная любовь! — с издевкой сказал тот. — А она недурно сложена!

Парень почернел от гнева. Кровь бросилась в лицо молодой женщине. Лейтенант повернулся к сопровождавшим его двум солдатам и приказал:

— А ну-ка, вы, разденьте ее, посмотрим на красоту.

Девушка бросилась бежать. Но солдаты догнали ее, приволокли к лейтенанту и стали срывать с нее одежду. Отчаянный крик разнесся вокруг. Парень не стерпел такого надругательства. Сжав тяжелые кулаки, он набросился на офицера. И тогда случилось страшное: фашист выхватил пистолет и выстрелил в парня в упор. Бедняга рухнул наземь как подкошенный. С душераздирающим криком девушка вырвалась из рук солдат. Раздалось еще два выстрела. Крик оборвался...

Все это произошло на виду у арестованных. Лагерь не засыпал всю ночь.

В стороне от всех шепталась группа парней.

— Нечего нам больше оставаться в этом аду, — твердил Владимир Годорожа, известный среди сесенцев смельчак.

— Бежать? — спросил Павел Бежан. — Поймают — расстрел на месте.

— Как хотите, — стоял на своем Владимир. — Риск есть риск. Жизнь одна у человека.

Под прикрытием ночной мглы они, как тени просочились сквозь ограду колючей проволоки, выбрались из села и пошли наугад через поля. Перед рассветом беглецы были уже в лесу. Остановились на поляне возле Чофульского колодца.

— А если не найдем партизан? — с тревогой в голосе спросил один из них.

— Тогда сами станем партизанами, — отпарировал Владимир Годорожа.

Владимир знал, что у Чофульского колодца изредка появляются лесные люди с автоматами. Он аукнул несколько раз в надежде, что кто-нибудь услышит. Эхо, прокатившись по деревьям, заглохло, и лес вновь погрузился в таинственное и жуткое безмолвие.

Парни двинулись по тропинке, ведущей вверх по кру-

тосклону. И вдруг на пути им встали трое с автоматами.

— Что за люди?

— Добрые! — ответил Годорожа, говоривший немного по-русски.

Незнакомцы предложили парням присесть на сваленное ветром дерево. Один из автоматчиков, куривший трубку, учинил подробный распрос: откуда идут, куда направились, сколько фашистов охраняет бравичский лагерь, в каком именно месте они роют окопы.

Парни отвечали обстоятельно.

Человек с трубкой продолжал спрашивать:

— Вы, наверное, знаете, где живет Петр Кожокарь из Сесен.

— Еще бы! Конечно, знаем! Ведь мы односельчане.

— Так вот, слушайте внимательно. У него живет румынский капрал, гад из гадов. Нужно доставить его к нам...

— Притащим! — решительно ответил Владимир Годорожа, поняв, что это будет их проверкой.

Дорогу к дому Петра Кожокаря знали все. Пробирались огородами. Притаились в тени высокого заросшего тамариском забора. Окно слабо светилось. Капрал был в комнате один. Но вот погас свет. Выждали еще немного и тогда по команде Владимира приступили к делу. Капрал оказался пьяным. Его быстро связали, Павел Бежан заткнул ему рот тряпкой. Сунули в мешок, подняли на плечи и — айда.

Ношу доставили в условленное место, к колодцу на лесной поляне. Сложив ладони рупором, Владимир трижды гикнул: «Ку-ху! Ку-ху! Ку-ху!». Из-за деревьев появился человек с автоматом и подал знак следовать за ним. Партизанская база находилась еще далеко отсюда. Нужно было преодолеть овраг, поросший кустарником, и выйти к Ватчинскому лесу. На тропинке за поворотом стояла вооруженная девушка. Партизаны обменялись с ней паролями. Прошли еще немного и вдруг — что такое? — смотрят парни и глазам своим не верят — на пне сидят с автоматами братья Ион и Григоре Захария. Не успели выразить свое удивление, как появились и другие сесенцы — Михаил Василян, Александр Буду, Василий Пую, Георгий Чиботару, Ион Даницэ, Семиан Ага.

— Мы-то думали, что будем первыми, — воскликнул Владимир.

А первым из сесенцев установил связь с партизанами дед Александр Кирикэ. Это он приносил им продукты, помог отыскать удобное место для размещения базы отряда, был и переводчиком, и проводником. Кто-то из парашютистов, острый на язык, прозвал деда хозяином кодр. И в самом деле, дед умел слушать и понимать говор леса, знал все нехоженые тропы и самые укромные уголки, знал, как зайти в лес и как выйти из него незамеченным. Он был глазами и ушами отряда. Его дом на опушке леса превратился в своего рода промежуточную базу между селом и партизанами. Именно через эту хату местные жители находили путь в отряд. Командир всегда советовался с дедом. Так было и на этот раз, когда Василий Кириллович рассказал ему о вчерашней встрече с беглецами из бравичского лагеря.

— Парни что надо!— был ответ старика.

Дед Александр привел в отряд и своего старшего сына Георгия. Это был смелый, решительный девятнадцатилетний парень, с лирической стрункой в душе. Вот и сейчас он вышел из чащи с охапкой хвороста. Бросил его у костра, над которым в ведре кипела похлебка, вынул из-за пазухи букетик подснежников и преподнес розовощекой девушке. Тронутая таким вниманием, Клава смутилась и спрятала лицо в цветы.

— Фармосе! Форте фармосе!— восторженно воскликнула она, истощив наполовину запас знакомых ей молдавских слов.

После полуночи, когда все партизаны, кроме патрулей, спали, радистка и командир отряда установили связь с Большой землей. «Местные жители,— сообщил в эфир человек с трубкой,— оказывают нам всякую поддержку. Пришлите оружие, мины».

В следующую ночь над лесом уже кружил самолет. Комиссар Ефим и сын деда Александра выбежали на поляну и подожгли заранее приготовленные кучи хвороста. Вскоре над головой послышался необычный шорох — в кусты падали привязанные к парашютам ящики.

На утро командир вручил каждому сесенцу по новенькому автомату.

А между тем, тайный агент кишиневской сигуранцы № 0084 доносил своему командованию:

* Фрумосе! Фортэ фрумосе!— Красивые! Очень красивые!

«Докладаваю, что в связи с раскрытием партизанских банд установлено, что большинство членов этих банд составляют бессарабцы, уклонившиеся от мобилизации, и дезертиры из армии.

Считаем, что следует приказать подведомственным полицейским органам, обнаруживающим при проведении облав людей, скрывающихся в домах, виноградниках, садах и т. д. группами по 3—4 и более, в особенности уклоняющихся от мобилизации, подвергать их очень серьезному допросу в связи с партизанскими организациями, ибо раз они не явились по призыву и скрываются, то не может быть, чтобы они не установили контакта с лицами, которым поручена организация партизанских банд.

Это наглядно выступает из приказов и инструкций, найденных у партизанской группы, руководимой Забловским Алексеем, раскрытой на днях в Кишиневе, в которых рекомендуется группироваться и быть готовыми к выступлению только тогда, когда получат приказ от главного руководителя сектора. Так что партизанские банды рассеяны маленькими группами, чтобы не вызывать подозрения властей и не давать повода к арестам.»*

«Первые группы организаторов под командованием А. И. Макаренко, И. Ф. Четчина со средствами радиосвязи были заброшены в районы северо-западнее Кишинева 15—16 января 1944 года,— вспоминает бывший участник партизанского движения в Молдавии Д. Елин.— 25 января 1944 года в район села Плоское в 18 километрах от Тирасполя высадилась группа под командованием уроженца села Строенцы Рыбницкого района С. Д. Автеньева. Вскоре группа за счет местных жителей выросла в партизанский отряд имени Котовского численностью в 70 человек и было создано 9 партизанских групп. В начале 1944 года ЦК КП (б) Молдавии и Украинский штаб партизанского движения подготовили к переброске на территорию Молдавии отряды под командованием Г. М. Володина, А. А. Варфоломеева, А. И. Лисицина, И. И. Лысова, Т. Ф. Прокина, Г. А. Посадова, Е. И. Петрова, М. В. Смилевского и других.

В это же время на территорию Молдавии с Украины перешло несколько партизанских отрядов. В феврале в

* ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4765, л. 207. Подлинник. Перевод с румынского.

Оргееский район вышел отряд «Смерть фашистским захватчикам», в марте на территорию республики вышли отряды М. Тугушева, П. Критопуло и М. Струкачева. В Ниспоренском районе действовал местный партизанский отряд из 22 человек, а в Новоаненском районе вела боевую деятельность партизанская группа М. М. Чернолуцкого. К середине марта 1944 года на территории Молдавии в сложной обстановке сражалось более 20 партизанских отрядов и групп, большинство из которых имело устойчивую связь с Большой землей.»*

В годы войны на захваченной оккупантами советской территории — от Ледовитого океана до самого устья Дуная, в белорусских и брянских, карельских и карпатских лесах, в молдавских кодрах — всюду сражались днем и ночью около 6200 партизанских отрядов и групп, которые объединяли в своих рядах 1 миллион 300 тысяч народных мстителей.

В тылу врага к осени 1943 года плодотворно действовали 24 обкома, свыше 370 окружкомов, горкомов, райкомов, 735 подпольных партийных организаций.

На боевом счету народных мстителей около миллиона убитых, раненых и захваченных в плен фашистов, свыше четырех тысяч уничтоженных танков и бронемашин, более двух тысяч орудий, около 800 самолетов. Этот был громадный, постоянный, непримиримый фронт.

Встреча

— Слышала, кума, новость?— засуетились женщины в селе.— Говорят, пришли партизаны и раздают людям помещичье добро.

Крестьяне не скрывали своей радости. Лишь немногие, которым при оккупантах жилось не так уж плохо, ходили хмурыми. Боярин, поп, примарь, шеф жандармского поста еще накануне исчезли вместе со своими семьями, побросав все свое добро.

Сесенцы хлынули через холм к усадьбе боярина Руссо, расположенной на опушке. Люди столпились у амбаров, складов, у загонов для скота, и началась шумная дележка всего, что можно было поделить,— ведь все это

* Сборник «В боях за Молдавию» (книга четвертая), изд-во «Карта Молдовеняскэ», Кишинев, 1976, стр. 118.

было накоплено боярином ценою их же пота и крови. Комиссар Ефим со своим братом Федором, разведчик Олег и вооруженные сельские парни Георге Кирикэ, Александр Буду и Михаил Василияну расхаживали в толпе, следя за порядком.

— Товарищ,— обратился к партизанскому комиссару крестьянин в высокой кушме, указывая рукой на подвод, запряженную двумя волами,— вот там приготовили для вас кое-что из продуктов. Куда прикажете везти?

Комиссар поблагодарил. Пополнить партизанские запасы было более чем кстати.

Когда последние подводы, груженные всяким добром, покинули боярскую усадьбу, по дороге со стороны реки Кулы появился немецкий солдат верхом на коне. Он направился прямо к усадьбе. Партизаны притаились в засаде. Ничего не подозревая, всадник въехал в ворота — и тут же его стянули крепкие руки партизан, быстро связали и заперли в погребе. А вслед за всадником тянулся по долине военный обоз.

Спустя полчаса завязалась жестокая схватка. Перепуганные лошади вставали на дыбы, бешено ржали и метались, топча и давя копытами припавших к земле фашистов. Пули свистели над долиной, косили непрошенных гостей.

Но фашистов было много, и они теснили партизан. Несколько немцев пробрались к воротам. У Федора кончились патроны, и он перешел к гранатам, то и дело выхватывая их из-за пояса. Он пустил в ход «карманную артиллерию». Олег наскоро перевязал окровавленный локоть и опять кинулся в бой. Гитлеровский офицер выскочил из канавы и побежал к боярскому дому с поднятым над головой пистолетом. Ефим взял его на мушку, спустил курок. Фашист повалился навзничь. Оставшись без патронов, комиссар бросился к нему, чтобы взять пистолет. Но фашист был еще жив, он успел выстрелить...

Партизаны вернулись на базу с одним пленным, с подводой трофейного оружия и... без комиссара. Первая победа принесла и первую утрату.

Тело Ефима завернули в парашютное полотно и схоронили у Чофульского колодца. Партизаны стояли у могилы товарища в глубоком молчании, склонив головы. Никто не плакал. Только лица их были мрачны, только ненависть и жажда мести еще больше разгорались в их

душах. Могильный холмик тщательно разровняли, присыпали сухими листьями, чтобы враг не обнаружил места захоронения комиссара. Федор посадил у изголовья брата молодой дубок. С тех пор Чофульский колодец в память об отважном волжанине называют «Колодцем комиссара».

Федор Исайкин, помимо функций начпрода, стал исполнять теперь и обязанности комиссара.

Партизаны все чаще проводили смелые операции. Смерть подстерегала фашистов в самых неожиданных для них местах. Радистка Валя передавала одно за другим сообщение о новых успешных действиях партизан: «Взорвали два моста на дороге, по которой отступает неприятель», «Отбили у фашистов большую группу пленных, которых гнали в сторону Прута. Раздали им оружие, и сейчас они сражаются вместе с нами», «На сегодняшний день уничтожили более шестидесяти гитлеровцев», «Многие бессарабцы бегут из армии Антонеску и переходят с оружием на нашу сторону», «Молдавские партизаны поймали двух немецких офицеров, у которых удалось узнать, что в долине реки Кулы фашисты копают противотанковый ров длиной в десятки километров». Кстати, следы этого оборонительного сооружения сохранились и поныне. Ров тянулся от Оргеева до Корнешт.

В Кишиневе поднялся переполох. Встревоженные опасностью, нависшей над столь важным стратегическим участком, генералы настойчиво требовали от офицеров дислоцированных в районе Бравичей частей «покончить раз и навсегда с партизанами». «Этого только нам не хватало,— с беспокойством думали они.— Каким образом могли узнать большевики, что именно в долине Кулы будет проходить наша линия обороны? Ведь только поэтому, наверное, и присланы сюда их диверсионные группы...»

И в самом деле, народные мстители превратили лес в настоящую крепость, наводящую ужас на врагов. Кодры стали фронтом без передовой. Вернее, передовая была в каждом овраге, у каждого куста, на каждом повороте. У фашистов, путь которых лежал через эти леса, кровь леденела от страха. Знали они, что многим из них не сдобровать.

На перекрестках столбовых дорог и на пересечении уединенных, уходящих в глубь кодр, троп все чаще и

чаще стали появляться черные таблицы, зловеще возвещающие на чужом языке: «Achtung! Partisanengefahr!»*

Немцы готовились оказать на этом участке ожесточенное сопротивление наступавшим советским частям. Именно здесь позже была сосредоточена группа фашистских войск под названием «Южная Украина», чтобы закрыть ворота на Балканы. Однако, благодаря вовремя полученным разведывательным данным, советское командование разгадало планы противника, и в период Яско-Кишиневской операции основные удары по врагу были нанесены совсем на других направлениях — ниже Бендер и в районе Ясс.

...Василий Кириллович вызвал как-то к себе в землянку сибиряка Анатолия Володина, запорожца Илью Михайличенко и сесенцев Владимира Годорожу и Павла Бежана и сказал:

— Ребята, в последнее время единственная артерия, которая связывает фронт с вражеским тылом, это железная дорога Кишинев — Яссы. Было бы неплохо организовать диверсию на станции Калараш. Но там большое скопление фрицев. Поэтому есть смысл взорвать железнодорожный мост у Быковца. Восемнадцать километров туда и восемнадцать обратно. Все надо проделать за одну ночь. Сумеете?

— Будет сделано, товарищ командир! — решительно ответил за всех сибиряк.

Еще засветло четверо парней вышли из леса и направились в долину реки Икель. Весенний паводок затопил всю низменность от края до края. Идти надо было напрямик, чтобы избежать неприятных встреч на дороге. Холодный ветер хлестал по лицу. Тонкая ледяная корка ломалась под ногами. На другой берег парни пробрались озябшие, мокрые до пояса. У Владимира зуб на зуб не попадал, как в лихорадке. Анатолий снял с себя полушубок и набросил на плечи товарищу.

Шли к станции Быковец через пролески и виноградники. Осторожно, стороной миновали переполненное фашистами село. В темноте принялись минировать мост.

— Быстрее, быстрее! — торопил Анатолий, а сам прижался ухом к рельсу. — Слышен гул, идет поезд!

Партизаны поспешно удалились от моста. Они уже

* «Внимание! Опасность — партизаны!» (нем.).

были за холмом, когда раздались оглушительные взрывы, и долина озарилась языками пламени от пылающих вагонов с боеприпасами.

Рассвет застал их в лесу, неподалеку от села Фрумоаса. Измученные ходьбой и бессонной ночью, они устало опустились на кучу хвороста. Говорить ни о чем не хотелось. Только Илья, облегченно вздыхая, несколько раз повторил:

— Да, фрицы, поди, беснуются сейчас.

И вдруг рядом, точно гром среди ясного неба, раздалось:

— Руки вверх!

От неожиданности партизаны вскочили. На них смотрели дула автоматов. Минута была критической. И вот тут-то среди неизвестных, напавших на них, Анатолий заметил знакомое лицо. Он вскрикнул:

— Иван Иванович!

— Толя!— последовало в ответ.

Бородатый мужчина бросился с распростертыми объятиями навстречу Володину. Они крепко обнялись. Партизаны и те, что напали на них, плотным кругом обступили приятелей.

— Наши из штаба сообщили,— заговорил Анатолий взволнованно,— что вы полетели сюда во главе группы парашютистов из шести человек... Вот уже несколько дней ищем вас в окрестных лесах и не можем найти.

— Вы нас, а мы вас,— сказал Иван Иванович, доставая кисет и скручивая «козью ножку».

Теперь, конечно, все прояснилось. Оказалось, что партизанская группа отряда имени Фрунзе под началом командира Ивана Лысова и комиссара Николая Тетьянка была заброшена дней на десять позже. Она предназначалась для поддержки отряда «Журналист», но, не сумев установить связи с ним, перешла к самостоятельным операциям. Группа численно выросла: в нее вступили многие жители Бравичей. Получился настоящий отряд. Базой ему служила сторожка лесника Хари. Сам мош Антон также принимал активное участие в действиях отряда. И еще одна хорошая новость: с Большой земли прислали для «Журналиста» нового переводчика вместо погибшего Кости.

Иван Иванович тут же представил его. Парня звали Николаем.

— Передайте Василию Кирилловичу,— сказал на прощание Иван Иванович,— чтобы он назначил время и место слияния наших отрядов.

..Василий Кириллович заметил подрывников еще на подходе к базе и вышел им навстречу.

— Чем обрадуете?

— Можете считать мост списанным... К тому же вам привет от Ивана Ивановича.

— Ну-у?! Это здорово! Где же он?

— Совсем рядом, у лесничества.

Все собралось у костра, и только Валя не разлучалась со своими наушниками. Она внимательно слушала и что-то быстро записывала. В ее далекую партизанскую землянку проникал любимый голос Левитана. Но вот, сняв наушники, радистка подбежала к командиру:

— Интересное сообщение!

Василий Кириллович взял у нее листок бумаги, пробежал глазами, а потом прочел вслух для всех. Это была очередная сводка Совинформбюро:

«В течение 26 марта... войска 2-го Украинского фронта, продолжая стремительное наступление, несколько дней назад форсировали реку Днестр на участке протяжением 175 километров, овладели городом и важным железнодорожным узлом Бельцы, с боями заняли районные центры Молдавской ССР город Фалешты, Глодяны, Болотино и, развивая наступление, вышли на нашу государственную границу— реку Прут— на фронте протяжением 85 километров».

Известие это переполнило радостью партизанские сердца.

«Вот она,— писала газета «Правда»,— долгожданная, трижды желанная Государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад погранная врагом».

В честь этой исторической даты 26 марта, в девять часов вечера, столица нашей Родины Москва от имени всей страны салютовала доблестным войскам 2-го Украинского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Лес в огне

Жена моша Антона Хари, сторбленная невзгодами старушка, суетилась у печи, пекла хлеб. Лесник еще накануне вечером ушел с партизанами и пока не возвращался. В задней комнатухе остались только радистка Нина* и переводчик отряда Фрунзе — Андрей. Они возились с рацией, старались наладить ее.

Женщина заметно волновалась. Она то и дело подходила к окну, поглядывая на тропинку, бежавшую через поляну вниз к колодцу. «Что там могло стрястись? — думала она. — Где он столько пропадает?»

Мальчик уже больше часа как отправился за водой, а его все нет да нет. Наконец мальчик показался на тропинке. Но шел он не один — за ним следовало двое неизвестных. Женщина всмотрелась внимательнее и побледнела: то были немцы. Не раздумывая, тут же бросилась в заднюю комнатуху и крикнула: «Немцы». Нина быстро взяла пистолет и встала за дверью. Андрей же, схватив автомат, выпрыгнул в окно, выходящее во дворик, и притаился за штабелем дров.

Дойдя до порога, фашисты толкнули мальчика, показывая ему знаки, чтобы открыл дверь.

— Хенде хох!** — раздался за их спиной резкий голос Андрея.

Немцы замерли с поднятыми руками. Вышла из засады Нина, обыскала гитлеровцев. В кармане одного из них обнаружила разговорник с аккуратными записями на русском языке: «Ты есть плен», «Какой деревня?», «Сколько километр до Москау?» У другого, кроме оружия и документов, отобрала медаль за участие в боях за Крым и несколько снимков повешенных советских людей.

— Вот каковы ваши боевые «подвиги», бандиты! — скрипя зубами, с ненавистью проговорил Андрей и прицелился из автомата.

* По-видимому — это кличка. Настоящее имя радистки партизанского отряда им. Фрунзе, как было позже установлено из архивных документов, Балабердина Мария Терептьевна. Кем же был на самом деле переводчик Андрей до сих пор остается одной из тайн грозных военных лет.

** Руки вверх!

— Нет, Андрей, постой, — остановила Нина. — Подождем командира, может, эти еще пригодятся, как-никак — «языки».

Фашистов связали, заткнули им рты и бросили в погреб...

А на другой день Андрей с группой товарищей ушел в разведку и у стен Циганештского монастыря наткнулся на фашистскую засаду. Завязалась схватка. Петра Харю, сына лесника, разведчики отправили в сторожку, чтобы дать знать о случившемся. Партизаны тотчас же помчались на выручку товарищей. Захваченные врасплох фашисты бросились кто куда, оставив на месте схватки трупы восемнадцати солдат и одного офицера. Но и партизаны понесли потери: погиб переводчик Андрей и смелый бравичский парень Василий Фролов. С горькой болью в душе боевые друзья перенесли погибших товарищей поближе к сторожке и похоронили здесь под яблоней.

Однажды группа немецких солдат прокладывала телефонный кабель из Речулы в Курки. Немцы шли на расстоянии двадцати шагов друг от друга. У колодца, что возле сторожки, они остановились попить и передохнуть. Один из них решил заглянуть в сторожку и стал подыматься вверх по тропинке. Каждый два-три шага он останавливался, чтоб осмотреться вокруг, снова шагал и снова настороженно прислушивался. То ли предчувствовал опасность, то ли солдаты были предупреждены, что в этих лесах надо быть начеку. Кто знает?

Дойдя до калитки, немец вдруг заметил притаившихся за плетнем партизан и дал стрелкача. В тот же момент заговорили автоматы, поливая фашистов свинцовым дождем. Некоторые из них, не успев даже взять оружие с подвода, бросились врассыпную, а другие попадали на месте, скошенные меткими пулями.

Немецкие подводы партизаны вкатили во двор сторожки, катушки с телефонным проводом подожгли. К вечеру отряд имени Фрунзе ушел в глубь леса, на высоту, откуда открывался вид на гряды отдаленных холмов. В ту же ночь перебазировался сюда и отряд «Журналист». Партизаны заняли удобную позицию, с которой хорошо просматривалось все вокруг.

Лесник мош Антон отправил семью к родственникам в село Онешты.

На следующее утро глухой рокот моторов нарушил тишину кодр.

— Со стороны Речулы по долине идут два танка, а за ними тьма немецких солдат!— доложил наблюдатель, сидевший с биноклем на верхушке дерева.

Командиры отрядов «Журналист» и имени Фрунзе сделали необходимые распоряжения, раздали бойцам патроны и гранаты. Рокот моторов становился все сильнее. Напряжение росло с каждой минутой. Гитлеровцы подошли к сторожке, окружили двор, кинулись в хату, но не найдя никого, озлобленные сорвали со стен ковры, рассыпали по лужам муку из мешков, подожгли дом. Закончив разгром, они удалились той же дорогой, что и пришли.

— Они на этом не успокоятся,— сказал командир отряда «Журналист».— Нужно готовиться к бою.

В субботу партизаны целый день рыли окопы. Василий Кириллович и Иван Иванович были все время с бойцами, давали указания, как лучше устраивать окопы, подбадривали новичков. Работа продвигалась быстро.

И как часто бывало в такие часы затишья, чувство близкой опасности у молодых притуплялось, и неумная жажда к беззаботным шуткам и веселью овладевала ими. Только закончил Владимир Годорожа рыть свой окоп, вылез из ямы и хотел вытереть шапкой пот со лба, как вдруг, цок!— кто-то кинул в него сухим комком земли. Обернулся, а там радистка Валя: стоит на дне окопа и кокетливо смеется.

— Молодой человек, может, подсобишь и мне выкопать?

Парень широко улыбнулся.

— Чего я только для тебя ни сделал бы, Валюша!— сказал он.— А хочешь, я и поцелую тебя?..— И тут же спохватился:— Эх, скорей бы кончилась война!

Проходивший мимо Василий Кириллович был невольным свидетелем этой сцены. «Война, война»,— повторил машинально он вслух за Владимиром. В глубокой задумчивости присел на пенек, закурил трубку и долго сидел так, окутанный табачным дымом. О чем он думал? Может быть, слова Владимира заставили его вновь почувствовать всю горечь страшно трудных военных лет, и перед ним встали картины разоренной, поруганной врагом земли, его друзья, которых унес из жизни неумолимый

огненный ураган. А может, глядя на роющих окопы людей, горевал о том, что они лишены возможности трудиться на своих виноградниках и в садах, что предстоит им жестокий бой и неизвестно, кому придется сложить в нем голову, кто останется в живых и увидит светлый час победы.

Вполне вероятно, что подумал он и о себе, о своей партизанской доле, и неотступно, как всегда, в таких раздумьях, он спрашивал себя: «Суждено ли мне дожидаться конца войны и вместо автомата снова взять в руки перо? Смогу ли я передать на бумаге все, что видел и пережил за эти годы?»

Тревожные думы не покидали Василия Кирилловича весь день. Ни на минуту не уснул он и ночью, сон не шёл к нему. Он часто выходил из землянки. На небе мерцали звезды. Вокруг стояла глубокая тишина. Однажды ему послышались чьи-то отдаленные шаги. Он сжал автомат крепче и пошел проверить вдоль окопов, не заснули ли люди на посту. Все было в порядке. Только лес шумел глухо и таинственно.

Наутро, в воскресенье, 16 апреля, мош Александр Кирикэ взял с собой трех парней и направился в Сесены за съестными припасами. Но вскоре все четверо вернулись.

— Мы окружены! На нас идут немцы!— принесли они тревожную весть.

Партизаны быстро попрыгали в окопы и заняли свои места, согласно вчерашней расстановке. Мош Александр зарядил охотничье ружье и спрятался за толстый раздвоенный ствол дерева. Снял и положил рядом с собой кушму, достал из всех карманов патроны и сложил в нее.

— Ребята, подпускайте фрицев поближе. Огонь открывать только по команде!— приказал Василий Кириллович.

Цепи немцев приближались. Бруствер окопов оцетинился дулами автоматов и винтовок. Старик приспособил ружье на сучке дерева и взял на мушку одного из солдат.

— Огонь!— раздалась команда.

Рой пуль полетел в сторону гитлеровцев. Сыпанул по врагу и мош Александр свинцовой дробью, которую припасал на случай охоты на волков.

Завязалась перестрелка. Немецкое командование бросило в Ральском лесу против горсточки партизан в семьдесят бойцов более пятисот до зубов вооруженных солдат. Но народные мстители дрались, как герои. Им удалось отбить одну атаку, вторую, третью. Фашисты продолжали наседавать.

— Выносите раненых подальше в овраг, — приказал Василий Кириллович девушкам, а сам по-пластунски пополз к окопам на правом фланге.

— Что случилось, почему замолк пулемет?

— Заклинился... — ответил Анатолий.

Командир присел, повозился немного у пулемета и вновь заставил его заговорить.

— Давай, Толя, жми! Не подпускай немцев к оврагу.

Василий Кириллович приподнялся и торопливо направился к центру линии обороны, туда, где противник особенно наседавал. Сраженный пулей сесенец Александр Буду тихо сполз в окоп.

Наспех перевязанные раненые партизаны возвращались в строй.

Убедившись, что фронтальными атаками не сломить партизан, фашисты немного отошли и начали обстреливать их позиции минометным огнем. Огненный шквал метался над окопами. Бойцы чем попало — руками, шапками — гасили горевшую на них одежду. Потери росли неумолимо: три, шесть, восемь, одиннадцать... Пала Валия Максимова, погибли Олег Ненахов, Федор Исайкин, Анатолий Коваленко.

Василий Кириллович занял место пулеметчика. Его очереди были беспощадными. Он видел, как падают один за другим гитлеровцы на опаленную минами землю. А силуэты казались чудовищами, затеявшими дикую пляску.

Жора Смилевский припал к пулемету еще сильнее. И вдруг глухой удар в голову. Потекла по лицу теплая струя крови. В ушах раздался оглушительный звон. Земля стала уходить из-под ног, будто проваливалась в бездну. Деревья закружились.

Командир опустил окровавленную голову и упал. Сделал было попытку подняться, но свинцовая тяжесть придавила к земле.

— Василий Кириллович! — бросился к нему комиссар Тетьяanko.

Но он уже не подавал признаков жизни...

А рядом не утихло пламя, горел лес, громыхали взрывы, свистели пули, с треском падали наземь охваченные огнем ветви деревьев.

Четыре часа пламя и мины прорезывали лес. Четыре долгих часа длилась схватка. Когда партизаны выпустили последние патроны, комиссар отряда имени Фрунзе Николай Тетьяanko выхватил из-за пояса две гранаты и крикнул товарищам:

— Отходите поодиночке по оврагу! Я прегражу фашистам пути!..

...Из отряда «Журналист» в живых остались считанные бойцы: ростовчанка Клава Крикуненко, переводчик молдаванин Николай, запорожец Илья Михайличенко и тяжелораненый сибиряк Анатолий Володин.

Несколько дней бродили партизаны по лесу, голодные, оборванные.

Изнуряла жажда. Если попадалась кое-где лужица в лунке, оставленной конским копытом, воду осторожно черпали листочком и подносили к губам метавшегося в лихорадке Анатолия.

В один из вечеров они набрали на то место, где недавно бушевал бой. Перед ними открылось ужасающее зрелище. Истерзанные взрывами деревья, усыпанная пеплом земля. Кучи стреляных гильз и трупы. Трупы кругом. Здесь нашли и черное, обугленное тело Вали. Голову комиссара Николая Тетьяanko изверги искололи штыками.

Партизаны сложили тела товарищей в один окоп и наскоро засыпали землей. И снова ушли в лес, петляя меж деревьями...

Фронт уже был совсем близко — на холмах по ту сторону Кулы находились советские части. Всего несколько километров отделяли партизан от своих. Но эти километры казались бесконечным расстоянием, казалось, их разделяла пропасть.

— Удастся ли нам преодолеть ее? — думал каждый про себя.

Летом 1944 года слово «Кула» часто мелькало в сводках Совинформбюро. «Сегодня в районе реки Кулы происходили бои местного значения...». Люди раскрывали карты и искали эту реку. Но на обычных картах ее

не было. С ветвистыми вербами по берегам она бежит лазурной ленточкой по широкой долине, которая делит надвое молдавские кодры. В иные засушливые годы пастухи легко перепрыгивали через Кулу с шестом. А в то время, когда здесь шли бои, ее широкая пойма стала труднопреодолимым препятствием.

Лицом и лицу со смертью

Скрипнула калитка, в темноте раздались чьи-то шаги. Постучали в дверь.

— Кто там,— спросила мэтуша Лисавета, ища рукой засов.

— Свои...

В дом вошли двое мужчин со звездочками на пилотках.

— Добрый вечер, мамаша!

— Бунэ сара! Добрый вечер!— гостеприимно ответила хозяйка.

— Мы — советские солдаты.

Лицо старой женщины озарилось светлой улыбкой.

— Присаживайтесь, дорогие гости.

Быстро постелила на стол самую красивую скатерть, принесла вина, поставила угощение. Солдаты заговорили о партизанах.

— И у меня есть сын там, в кодрах,— с гордостью сказала мэтуша Лисавета.

Она еще не знала, что ее сын Александр Буду погиб в Ральском лесу.

— Мы глубоко признательны тем, кто помогает нам бить врага!— и человек со шрамом на лице поднял стакан.

— Давайте выпьем за их здоровье. Небось, не только ваш сын у партизан?

— Конечно, нет,— сказала доверчивая женщина.

И мэтуша Лисавета назвала еще несколько односельчан, которые активно помогали партизанам. Она не преминула упомянуть среди остальных и деда Александра Кирикэ.

Солдаты остались ночевать и ушли только на расвете. Когда мэтуша Лисавета вышла во двор накормить птицу, то увидела, что в селе полно фашистов. «Проклятие,— подумала она,— видно, отбили наших опять...

Не дай бог, попали в лапы немцев советские, которые ночевали у меня».

А в полдень двое вооруженных фашистов вывели тетушку Лисавету из дома и потащили в комендатуру. Сердце больно укололо подозрение.

В комендатуре ее затолкнули в темноватую комнату. За столом в кресле сидел эсэсовец. Подняв глаза, тетушка Лисавета обомлела.

Рядом с офицером стояли, заложив руки за спину, ее вчерашние «советские»*.

Тот, что со шрамом на лице, пристально посмотрел на нее со злобной улыбкой. Второй оскалится, как хищный зверь, завидевший свою жертву.

Обнаружив среди мертвых партизан в Ральском лесу тело сесенского парня, фашисты переодели двух власовцев в советскую форму и послали их к матери убитого Александра Буду.

— Это семья партизана Кирикэ?— спросил офицер, показывая кивком головы в дальний угол комнаты.

В углу, сбившись в кучу около матери, сидели перепуганные девушка и двое мальчиков с окровавленными лицами. Тетушка Лисавета узнала их. «Господи, что я натворила?!» — подумала она, кусая губы. Вскипая от гнева, старая женщина подошла к тому, со шрамом, и плюнула прямо в лицо.

* Для борьбы с советскими патриотами, с целью скомпрометировать их подвиги и посеять страх среди местных жителей, фашисты создавали из палачей и изменников Родины лжепартизанские отряды, врывались в хутора, села, деревни и, выдавая себя за «народных мстителей», истязали детей и стариков, насиловали женщин, грабили и поджигали дома, нападали на отдельные группы парашютистов. «9 июля 1944 года нашим партизанским отрядом (читай лжепартизанским), — отмечается в журнале боевых действий 6-й немецкой армии, — в лесу южнее дороги Лапушна — Ганчешты в плен взято 5 партизан, один партизан убит». Только одна тайная полевая полиция фельдпоста 39423 создала 13 лжепартизанских групп по 10—12 человек в каждой.

Но и это оказалось малоэффективно. И тогда враг применил другой не менее коварный метод: во время карательных операций часто прибегал к созданию для своих солдат «живого щита», т. е. впереди вооруженных до зубов гитлеровских шеренг гнали безоружное мирное население. «Партизанам трудно вести бои с противником, — сообщалось по радио из партизанского отряда имени Котовского, — когда он впереди своих цепей гонит беззащитное население. Отряд вынужден уклоняться от боя, сохраняя жизнь советских людей».

— Собаки! Выродки!

Фашисты кинулись на нее. Били до тех пор, пока она без чувств не свалилась на пол. Затем подвергли пыткам детей Александра Кирикэ. Схватили за грудь Павла, швырнули об стенку, хлестанули железным прутом по лицу, голове, по спине.

— Говори, скотина!—орали палачи.— Где твой отец? Где твой старший брат Георге?

— Не бейте его, что вы делаете, мальчик немой!— пыталась оградить его мать.

— Вы все немые, все, когда вас спрашивают о партизанах!— крикнул взбешенный эсэсовец.

Затем всех погрузили в закрытую машину, вывезли из села. Больше их никто не видел.

Часть сесенцев, помогавших партизанам и потерявших связь с ними после битвы в Ральском лесу, пытались, каждый на свой страх и риск, перейти линию фронта. Но лишь немногим удалось пробиться к нашим.

А в селе начались повальные аресты. Через церковную площадь избитых и связанных одной веревкой провели под штыками Владимира Годорожу, братьев Иона и Григория Захария, Павла Рэйляну, Иона Даницэ и Семена Ага. Их гнали, как гонят скот. В селе Табора бросили в погреб и заперли. Потом сюда же понал Александр Кирикэ, Павел Ботнар, Дорофтей и Александр Кобыркэ из Сесен, лесник Антон Харя из Бравичей, Ион Казаку и Георге Антира из Онешт и другие.

На допрос вызывали по одному.

— А ну-ка подойди поближе, господин партизан!— приказал полковник мошу Александру Кирикэ, появившемуся в дверях босиком, в разорванных на коленях штанах.— Как же это ты, старая свинья, не подумал, что за связь с большевиками тебе придется отвечать перед нами? Ну да ладно, вижу старый и дурак. Хочешь жить? Говори прямо и сразу, где скрываются партизаны,— отпущу. Будешь молчать, прикажу самой смерти тебя поцеловать. Понятно? Три минуты на размышление.

Старик стоял перед врагом, опустив руки, беспомощный. Одно слово, только одно, и конец мукам. Но скольких жизней будет стоить это слово? «Неужели я запятнаю свою совесть,— думал он про себя,— пойду на позор, на предательство? Нет, уж лучше смерть...»

Полковник посмотрел на часы:

— Ну говори, старый, говори. Время истекло.

Мош Александр молчал.

— Говори же ты, развалина! Где прячутся партизаны?!—повысил голос офицер.

И снова молчание. Полковник разъяренно крикнул:

— Сквородку!

Вбежал солдат и принес сквородку с раскаленными углями. Двое верзил схватили старика и поставили босыми ногами на угли. В комнате резко запахло горящим человеческим мясом.

— Говори, черт бы тебя побрал, свинья!—орал полковник.

Мош Александр Кирикэ только крепче стиснул зубы. Его сын Павел от роду был немым и не мог говорить на допросе, если бы даже захотел. А старик мог говорить, но не хотел. Он не хотел умереть предателем.

Мы не знаем подробных обстоятельств допроса других шестнадцати арестованных крестьян. Но судя по тому, что все были согнаны к стенам Куркского монастыря и расстреляны вместе с мошем Александром Кирикэ, они вели себя достойно.

То, что нам известно, собрано по крупицам от очевидцев, в частности, от сесенцев Павла Бежана, Иона Рэйляну, Георгия Чиботару, Михаила Василияну, Петра Мушету, братьев Иона и Вани Ага. Все они тоже были арестованы карателями, жестоко избиты и подвергнуты пыткам, но им удалось бежать из-под охраны и скрыться в кодрах.

Между тем в лесу командование взял на себя Иван Лысов. Он сказал партизанам:

— Товарищи, мы с честью исполнили свой долг. Теперь уже нет никакого смысла оставаться здесь, почти рядом с передовой. Можно было бы отойти к отрядам в Каприянский лес. Но мы не сможем попасть туда. Все подходы к Каприянам забиты вражескими частями. Остается одно, с боем прорваться через линию фронта.

Начались приготовления. В последнюю апрельскую ночь партизаны вышли из лесу и спустились в долину Кулы. Шел проливной дождь. Промокшие до ниточки, люди пробирались сквозь ивовые заросли. Клава Крикуненко и переводчик Николай вели под руки Толю Володина. Поначалу все шло, как задумали. Отряд, разбившись на группы по два-три человека, достиг полосы

расположения оборонных позиций немцев, как вдруг кто-то из идущих впереди набрел на минное поле. Раздалась взрывы. Вспыхнули ракеты, немцы открыли стрельбу. Партизаны продолжали пробираться ползком по грязи и лужам. Над их головами жужжали пули, сея смерть. Не мог ползти Анатолий. Илья Михайличенко пришел на помощь, приподнял раненого друга и продолжал пробираться дальше, волоча его сквозь камыши.

К утру едва добрались до овчарни на Бахской горе. Здесь они и встретились наконец со своими. Крепкие солдатские рукопожатия, дружеские улыбки и объятия. Двадцать три человека. Это все, что осталось от отрядов «Журналист» и имени Фрунзе.

Тяжело было пережить, смириться с потерей боевых товарищей. Но боль утраты не сломила тех, кто остался в живых. Борьба продолжалась. И они были готовы повторить все сначала во имя победы над врагом.

Один из партизан стащил с себя мокрый пиджачок, выкрутил, отжимая воду, и снова надел его. Затем развязал вещевой мешок, достал из него пару автоматных дисков. Диски оказались пробитыми пулями. Партизан горько усмехнулся, — эти пули летели в него. Значит, круглые металлические коробки спасли ему жизнь. Несколько секунд он рассматривал изрешеченные диски. Автомат ими уже не зарядишь. Бесплезный металлолом. Отбросил их в сторону и шутливо сказал, показывая на голову:

— Ничего, лишь бы эта была цела. Выходит, еще повоюем...

Люди из легенды

Прошли годы. Обсыпались, поросли травой окопы. Встали из руин города. Отстроились села. Вот только раны в душах людей остались незалеченными. Кто вернет семьям отцов, мужей и сыновей, чью кровь, пролитую в боях, впитали в себя безмолвные кодры? Их имена навеки остались в нашей памяти. Они отстояли Родину, защитили честь своего народа. Легендарные подвиги их служат для нас и будут служить для грядущих поколений мерилom мужества, самоотверженности, небедности нашего правого дела...

Как же сложилась судьба партизан, перешедших тогда линию фронта в долине реки Кулы, названной «Долиной смерти»? Где находятся сегодня отважные воины — русский Иван Лысов, украинец Илья Михайличенко, переводчик отряда молдаванин Николай, остальные?

Об Анатолии Володине известно, что он приехал домой в родную Сибирь и умер там от тяжелых ран вскоре после войны. Комсомолку Клаву Крикуненко штаб партизанского движения демобилизовал по состоянию здоровья. Георге Кирикэ, сын моша Александра, трудится на Кишиневском заводе железобетонных изделий. Петря Харя, сын лесника, — киномеханик в селе Бравичи. Павел Бежан, Ион Рэйляну, Михаил Василяну, Георге Чиботару работают в сесенском совхозе-заводе.

...Жители села Сесены, узнав несколько лет тому назад, что одна из бывших партизанских парашютисток жива, разыскали ее и пригласили к себе в гости. Вот как проходила эта волнующая встреча.

Из Кишинева мы выехали четвергом: Клавдия Романовна Крикуненко-Овчаренко, ныне работница отделения «Союзпечать» в селе Куйбышево Ростовской области, пенсионер Леонтий Георгиевич Коваленко из Ростова — отец отважного разведчика Анатолия Коваленко, павшего в одном из сражений в Бравичском лесу, Георгий Александрович Кирикэ и я.

Машина мчалась по гладкой ленте асфальта. Перед нами развевалась чарующая панорама молдавской весны. Холмы, одетые в кудрявые виноградники, сменялись зелеными долинами и цветущими садами.

— В те времена я не могла представить себе, что Молдавия так красива, — говорит Клавдия Романовна, не отрывая глаз от окна автомашины. — Тогда, весной сорок четвертого года, мне и в голову не могло прийти, что я вновь увижу эти края в мирные дни... Ведь смерть подстерегала нас на каждом шагу...

Война застала Клаву Крикуненко ученицей средней школы. Осенью 1941 года она поступила в Таганрогский педагогический институт. Но не успела переступить порог институтской аудитории, как в город ворвались полчища захватчиков. Клава вернулась в родное село, где установила впоследствии связь с подпольной комсомольской группой. После освобождения села пошла добро-

вольцем в оперативную группу при штабе партизанского движения.

Здесь Клава познакомилась со своими будущими товарищами по оружию Жорой Смилевским, Валей Максимовой, Федором и Ефимом Исайкиными, Анатолием Володиным, Олегом Ненаховым, Анатолием Коваленко и другими. Первый же прыжок с парашютом был боевым прыжком во вражеский тыл.

...Вот и Калараш. Машина останавливается у здания райкома партии. Гостей сердечно приветствуют работники райкома. А затем — встречи, встречи: в средней школе, на консервном заводе, на винкомбинате.

Я был свидетелем многих волнующих сцен. Об одной из них не могу не рассказать, потому что она тронула всех до глубины души.

Когда мы выходили в окружении рабочих со двора винкомбината, у проходной нас ожидала старушка. Это была мэтуша Ольга Даницэ из Сесен. Услышав о том, кто придет в село, пожилая женщина, сгорая от нетерпения, решила выйти навстречу бывшей партизанке, проделав пешком около тридцати километров. Увидела Клавдию Крикуненко, узнала ее, слезы радости потекли по морщинистому лицу, обняла гостью, как родную дочь. Да, это была та самая мэтуша Ольга Даницэ из Сесен, о которой мне уже рассказывали.

...Промокшие до костей, изнуренные партизаны вышли в ночь под 1 мая из леса и под покровом темноты двинулись к речушке, журчащей в долине. Было так темно, что в двух шагах ничего нельзя было различить. Дул сильный ветер, лил, казалось, нескончаемый холодный дождь. По оврагам шумно катили вниз потоки воды. Впереди шеренги партизан, петлявших по склону между кустами терновника, шагал Александр Даницэ, сын Ольги Даницэ. Когда фронт надолго остановился у села и партизаны решили с боем пробиться к нашим, Александр взял себя быть их проводником. Парень знал тут каждый холмик, каждую тропинку. Отряд обошел незаметно посты противника, пробрался по глухому оврагу к долине и вышел к мосту.

Миновали линию первых немецких траншей, до наших оставалось что называется рукой подать. И вот тут-то Александр набрел на заминированный участок. Взорвалась мина. Противник переполошился. В небо взмет-

нулись осветительные ракеты. Лихорадочно застрекотали пулеметы.

Но фашисты слохватились поздно. Двадцать три партизана перешли линию фронта. И дорогу им открыл Александр Даницэ. Ценою собственной жизни.

На следующее утро, обнаружив безжизненное тело парня и распознав его с помощью предателя, жандармы приволокли мэтушу Ольгу в комендатуру. Ей сказали с издевкой:

— Твое отродье хотело сбежать к русским. Убирайся и ты к ним. Только пройдешь через... то же самое минное поле!

Вывели в долину Кулы.

— Ну что же, валяй, старая ведьма! — заорали фашисты, подталкивая несчастную женщину прикладами.

Мэтуша Ольга высоко подняла голову, вытерла слезы и пошла по следам сына навстречу верной смерти. Шаг, второй, третий... Шуршит под ногами трава. Все дальше и дальше уходит мать партизана от своих мучителей. Казалось, смерть отступилась от нее. И вдруг оглушительный взрыв. Земля и небо смешались во что-то одно черное и непонятное.

Очнулась мэтуша Ольга в чистой, светлой палатке. Лицо, руки, голова были перевязаны чистой марлей. Светловолосая, худощавая девушка в белом халате сидела у ее изголовья. В глазах раненой сверкнули искорки страха.

— Не бойся, мамаша. Мы — свои! — добродушно улыбнулась девушка.

Откуда-то со стороны доносились мужские голоса. Говорили по-русски. Сердце старой молдаванки наполнилось радостью.

...На второй день в сопровождении работников Каларашского райкома партии мы выехали в Бравичи. Здесь нас встретил кинемеханик Петря Харя, сын убитого фашистами лесника Антона Хари. Из Сесен приехали бывшие партизаны Павел Бежан и Ион Рэйляну. Все вместе мы пошли в лес, к местам, где когда-то шли ожесточенные бои. Над осыпавшимися от времени окопами мирно шелестела листва.

— Петя, — спросила Клавдия Романовна, обращаясь к Харе, — а помнишь, был у нас такой смелый парень

Федор, кажется, из Онешт. Он остался в живых? Где он сейчас?

— О Котеле спрашиваете? Жив-здоров. Работает учителем в родном селе*.

И вновь начались воспоминания...

Побывали мы в Бравичской школе. Во дворе выстроились на торжественную линейку все восемнадцать пионерских отрядов.

Клавдию Романовну Крикуненко-Овчаренко приняли в почетные пионеры. Всем гостям повязали галстуки, вручили букеты ландышей. Цветы растрогали всех. Ведь их собрали на том самом поле, где когда-то кипели бои.

Тут же на линейке двум отрядам были присвоены имена Жоры Смилевского и Анатолия Коваленко.

Из школы мы направились в Дом культуры. У парадного входа дорогих гостей встречали хлебом-солью.

— Добро пожаловать, товарищи, в нашу Молдову!— сердечно приветствовали местные жители.— Мы принимаем вас с радостью, как посланцев русского народа, который принес нам свободу и счастье.

Большой зал Дома культуры не мог вместить в тот вечер и половины всех собравшихся. Уж очень велико было желание бравичан увидеть тех, кто в грозные дни войны с оружием в руках подстерегал фашистов на дорогах и в лесных засадах, кто приближал светлый День Победы.

Необыкновенно торжественной была встреча с бывшими партизанами в Сесенах. Сюда собралось более десяти тысяч человек из всех соседних сел. Состоялся митинг. Минутой глубокого молчания почтили память партизан, отдавших жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками. Сесенцы вырыли останки героев, перенесли в центр села и захоронили со всеми почестями в парке.

* В сборнике документов и материалов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» (2-й том), на стр. 595—596, отмечается: «Большую помощь оказали отряду «Журналист» местные жители А. И. Бусук, Э. П. Згуряну, А. И. Котеля, Ф. И. Котеля, К. В. Прегуза, Ф. В. Прегуза (ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 750, лл. 37—39). Они снабжали партизан продовольствием, укрывали их от карателей. Ф. И. Котеля и К. В. Прегуза, укрыв бежавших из лагерей советских военнопленных, помогли им уйти в партизанский отряд «Журналист». А. И. Бусук укрыв и охранял в своем сарае 12 лошадей, принадлежавших партизанам».

Я смотрел на нахмуренные лица людей и думал: через двадцать с лишним лет отец — Леонтий Коваленко — приехал хоронить своего сына, а сын — Георгий Кирикэ — отца.

— Спи спокойно, сын мой, под этим деревом,— с болью в голосе сказал на траурном митинге Леонтий Георгиевич.— Своей борьбой, своей смертью ты добился того, чтобы миллионы людей жили сегодня свободно и счастливо. Знай, твоя борьба не была напрасной.

На могиле тогда поставили временный деревянный обелиск. К его подножью участники митинга возложили десятки венков и гору букетов живых цветов.

Письмо ходит по городу

Весть о событиях в молдавском селе разнеслась повсюду, долетела до самых отдаленных городов и сел, вышла за пределы республики.

Спустя год приехали поклониться Сесенской братской могиле Аркадий Смилевский, сын командира партизанского отряда «Журналист», работающий ныне инженером в Ленинграде, и Мария Кирилловна Тетьянка, супруга комиссара отряда имени Фрунзе, пенсионерка из города Харькова.

Комсомольцы, молодежь и старшекласники школ Каларашского района решили воздвигнуть в Сесенах большой памятник. Начался сбор средств. Пионеры совершали туристские походы по местам сражений, организовывали встречи с бывшими партизанами, собирали материалы о партизанском движении. Юные патриоты с помощью старших товарищей и учителей оборудовали в сесенской старой церкви, в Бравичской средней школе, а также в Оргеевском Доме пионеров музей боевой славы. Благодаря усердию красных следопытов собраны ценные документы, фотографии, письма и другие реликвии. Все это помогает расширить наши познания о партизанах кодр, восстановить многие подробности борьбы народных мстителей.

Тем не менее многое и поныне еще остается неизвестным. В самом деле, что мы знаем, например, о командире отряда имени Фрунзе?

«Партизанский отряд имени Фрунзе под командованием И. И. Лысова, — сообщили нам из Института истории партии при ЦК КП Украины, — был направлен в тыл противника 26 марта 1944 года в район леса южнее села Бравичи и действовал во вражеском тылу до 30 апреля 1944 года. За время боевой деятельности отряд вырос с 6 до 23 человек. В боях с карателями было убито 209 солдат и офицеров противника, уничтожены две автомашины, один мост, 11 повозок.

Командир отряда Лысов Иван Иванович, 1894 года рождения, уроженец города Николаева, член ВКП(б) с 1925 года».

И это все. Как скуп все же язык документов! Был человек, жил, трудился и боролся, затем бесследно исчез. По сей день нам так и не удалось установить, где и кем работал он до войны, как сложилась его судьба дальше, после того как перешел линию фронта в долине реки Кулы. Мы видим отчетливо лишь его деяния, поступки в течение 37 дней, проведенных им в кодрах. Это были огненные дни, напряженные, полные борьбы и мужества. Но тридцати семи дней, со всем их величием и героикой, все же недостаточно, чтобы восстановить историю долгой человеческой жизни.

Мало мы знаем о Лысове. Очень мало. А что известно нам о других отважных партизанах? И того меньше. Откуда они родом? Как их фамилии? Остались ли они в живых? Сколько вопросов ждут своего ответа, сколько событий остается еще выявить, раскрыть?

Ведь в настоящее время в распоряжении исследователя партизанского движения в Молдавии находятся лишь отрывочные сведения о деятельности народных мстителей и только совсем недавно в Киевских архивах была найдена сводная справка от 10 мая 1944 года о боевых подвигах в тылу врага отряда им. Фрунзе:

«1. Диверсионно-организаторская группа им. Фрунзе сформирована в марте 1944 г. штабом партизанского движения 4-го Украинского фронта в составе 6 человек: командир Лысов И. И., комиссар Тетьянка Н. И., радистка Балабердина.

2. 26.III.44 г. группа выброшена в тыл противника на самолете с парашютами в район леса 5 км южнее Бравича (28 км юго-западнее Оргеева Молдавской ССР) на

базу организованной группы «Журналист» с задачей организации партизанского отряда и ведения боевых партизанских действий...

27.III.44 г. командир отряда Лысов радировал о благополучном прибытии людей и грузов на базу отряда «Журналист».

В дальнейшем с отрядом им. Фрунзе поддерживалась постоянная двусторонняя радиосвязь ШПД 4-го Украинского фронта.

3. С 27.III. 44 г. по 15.IV.44 г. отряд действовал самостоятельно, за это время отряд вырос до 20 чел. за счет местных жителей, бывших военнопленных и 4 чел. парашютистов, заброшенных в тыл противника ШПД 2-го Украинского фронта.

15.IV.44 г. отряд им. Фрунзе соединился с отрядом «Журналист» (командир Смилевский) и вел совместные боевые операции.

30.IV.44 г. в районе с. Бравича и Сесены отряд под командованием т. Лысова в составе 23 чел. соединился с частями Красной Армии.

4. За время пребывания в тылу противника отряд им. Фрунзе провел следующие боевые операции:

1. С 28.III. 44 г. по 2.IV.44 г. путем устройства засад на дорогах в районе с. Бравича (45 км северо-западнее Кишинева) отряд уничтожил 12 немецких солдат и офицеров.

2. 4.IV.44 г. на дороге Циганешты — Онешты (оба пункта 35 км северо-западнее Кишинева) отряд разгромил обоз противника, уничтожено 18 солдат, 1 офицер и 6 повозок, ранено до 30 солдат противника.

Захвачено в качестве трофеев 3 повозки с продовольствием. В этой операции п/отряд потерял убитыми 2 чел. (т.т. Бончук и Фролов).

3. 5.IV.44 г. в районе Фрумоаса (45 км северо-западнее Кишинева) группа партизан отряда взорвала мост и уничтожила автомашину с боеприпасами и 3 немецких солдата.

4. С 6.IV.44 г. по 15.IV. 44 г. отряд путем устройства засад на дорогах в районе Бравича, Фрумоаса уничтожил 16 солдат противника, 4 изменников Родины, 3 лошади и имущество команды связи противника.

5. 16.IV.44 г. в Бравичском лесу отряд Фрунзе совместно с партизанским отрядом «Журналист» вел бои с

окружавшим лес карательным отрядом противника в количестве до 500 чел. с 24 пулеметами и 1 минометом (106-я немецкая дивизия).

В результате боя партизаны уничтожили до 40 солдат и ранили 65 солдат и офицеров противника. Операцией руководили Смилевский и Лысов. Потери партизан убитыми — 13 человек.

Справка составлена на основании учетного дела партизанского отряда им. Фрунзе и отчета командира отряда т. Лысова.

Член Военного совета и начальник штаба партизанского движения 3-го УФ
полковник *Асмолов*.
Начальник оперативного отдела
майор *Шамис*.»

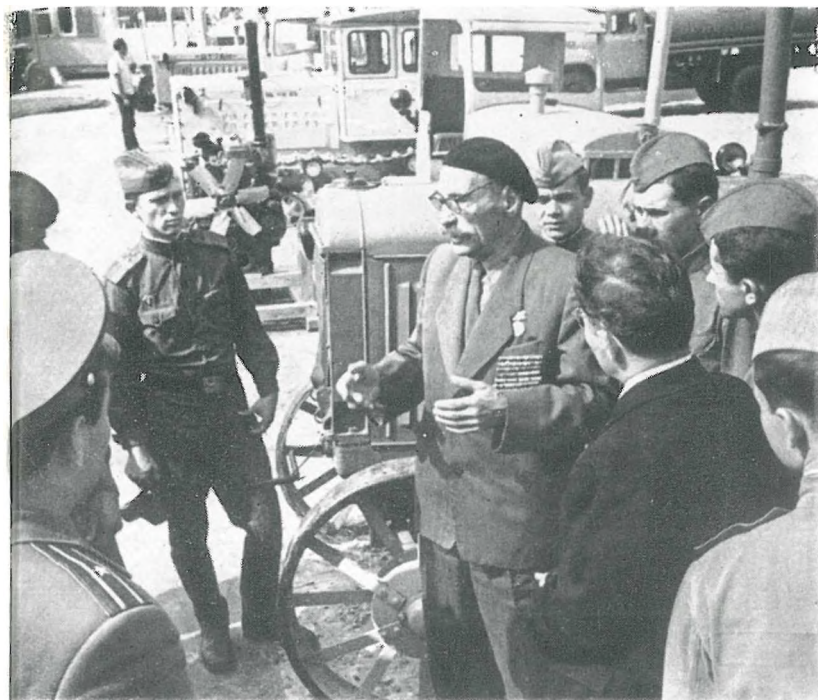
Но искать нужно. Долго, настойчиво, невзирая на временные неудачи. В битву за нашу свободу шли не безымянные бойцы. Их непременно кто-нибудь да знал, видел, слышал о них. У них были дом, семья, родные, близкие, знакомые. Разыскать их надо во что бы то ни стало.

Война страшно запутала клубок человеческих судеб. Но как бы он ни был запутан, в нем можно, несмотря на все трудности, найти ту нужную ниточку, ухватившись за которую нам удастся проследить весь ход событий, рассеять туман неведения, многое сохранить для себя и для потомства из безмолвно уходящей реки времени.

В недавно найденных документах проливается свет на до сих пор не известные подвиги и имена отдельных партизан. Начальником штаба отряда им. Фрунзе был И. Ф. Скоробогатов, бывший рабочий Сталинградского тракторного завода. Активно участвовал в боевых операциях сын молдавского народа, комсомолец Г. Чобан. Среди народных мстителей в Бравичском лесу воевали также тт. Радченко, Ассанов, Татарченко, Ильин, Бирюков и другие*.

Долгое время не удавалось разыскать родственников комиссаров Ефима и Федора Исайкиных. Справочные бюро, архивы, музеи, военкоматы и другие учреждения, в которые приходилось обращаться десятки раз, неизменно давали отрицательные ответы. Тогда красные сле-

* ПА ИИП при ЦК КП Украины, ф. 62, оп. 2, д. 620, лл. 6—10.

Создатель первого советского трактора В. А. Сергеев среди экскурсантов на музейной площадке родного завода.

Подполковник Алексей Шутов.

Старший лейтенант Влас Никифоров.

Майор Евгений Лысенко.

Полковник Григорий Климачов.

Подполковник Константин Зыков.

Подполковник Пантелеймон Божко.

Старшина Степан Тимошенко.

Майор Борис Гапоненко.

Радистка Валя Максимова (слева), командир отряда «Журналист» Жора Смилевский и разведчица Клава Крикуенко.

Группа народных мстителей партизанского отряда «Журналист»: крайний справа молдаванин Николай Костя.

«

Костяк партизанского отряда «Журналист»: сидят (слева направо) комиссар Ефим Исайкин и командир отряда Жора Смилевский; стоят Анатолий Володин, Анатолий Коваленко и Олег Ненахов.

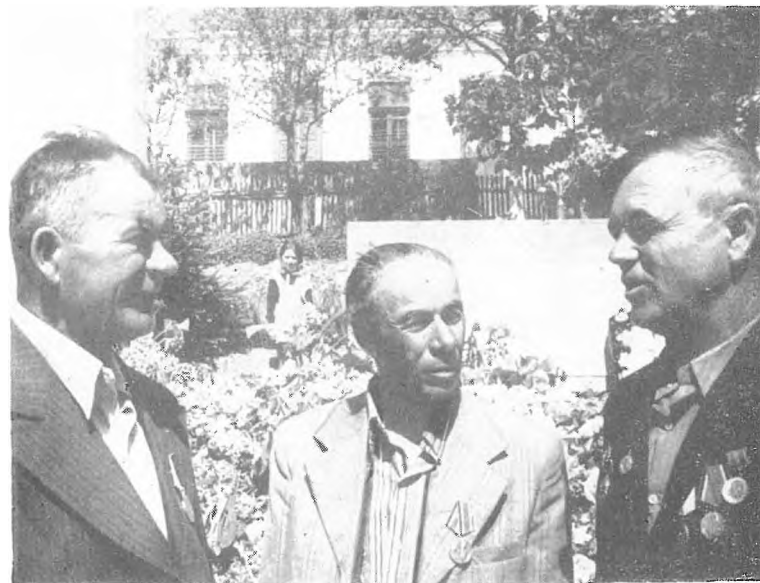
Комиссар партизанского отряда им. Фрунзе
Николай Тетьяноко.

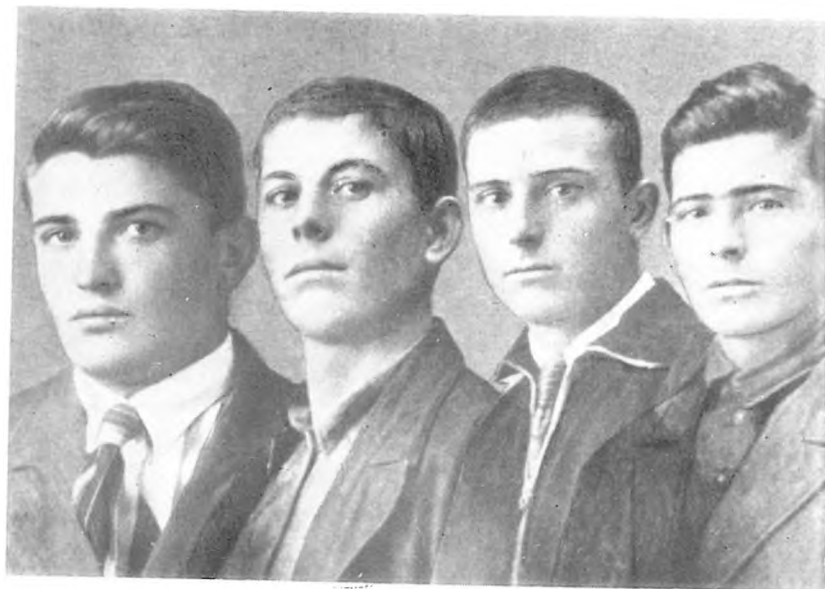
Комиссар партизанского отряда «Журналист» Федор Исайкин.

Александр Кирикэ.

Бывшие народные мстители (слева направо): Георгий Чиботару, Ион Рэйляну и Петря Харя.

Братья Исайкины (слева направо): Ефим, Михаил, Василий и Федор. Ефим и Федор захоронены в братской могиле в Сесеках.

допыты Оргеевского дома пионеров решили прибегнуть к помощи своих сверстников из легендарного города на Волге. Они написали письмо в волгоградский Дворец пионеров с призывом к тамошним юным следопытам включиться в розыск. «Нам известно лишь то, что Ефим и Федор Исайкины работали до войны в вашем городе», — сообщали молдавские пионеры.

Юные ленинцы Волгограда откликнулись. Они принялись за работу: спрашивали, искали, но все их старания были безуспешными.

— Что же делать? — недоумевали красные следопыты.

— Да ничего не поделаешь. Ответим, что не нашли и все, — предлагали иные.

— Нет, мы напишем так лишь тогда, когда во всем городе не останется непроверенным ни один дом, ни одна квартира.

На том и порешили.

И вот послание молдавских пионеров отправилось в путь: целых четыре месяца путешествовало оно по Волгограду, передавалось из школы в школу, из класса в класс, из рук в руки. Конверт истрепался до того, что надпись на нем была еле видна. На приложенной к конверту бумажке появлялись все новые и новые номера обойденных школ: 1, 13, 24, 49, 79...

В Оргееве забеспокоились: столько времени прошло, а ответа нет и нет. Между тем пионеры из города на Волге усиленно продолжали поиск. Письмо обошло более половины школ Волгограда. Наконец, оно прибыло в школу № 90, что в районе Тракторного завода.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался старый педагог. — У нас, помнится, учились до войны несколько братьев Исайкиных. Одного из них я позже встречал. Кажется, работал на Тракторном...

В тот же день трое ребятшек с красными галстуками прибежали в отдел кадров завода, а оттуда направились к дому № 129 по проспекту имени Ленина. Шумно поднялись по ступенькам лестницы и нажали на кнопку звонка. Дверь открыл мужчина высокого роста.

— Дядя, скажите, пожалуйста, тут живет Исайкин Василий Петрович?

— Так точно! Я за него, — с деланно серьезным видом ответил хозяин дома, удивленно глядя на неожиданных гостей.

— У вас были братья?— последовал вопрос, который оказался еще более неожиданным для Василия Петровича и заставил его принять действительно серьезный вид.

— Заходите, ребята, в комнату... Садитесь. Да. Нас было четверо... Четверо братьев,— сказал хозяин.

— А где Федор и Ефим?

Взволнованный Василий Петрович тихо произнес:

— Пропали без вести на войне...

— Без вести, говорите?— и ребята положили перед ним конверт с письмом молдавских пионеров.

Несколько дней спустя в Оргеев прибыло письмо Василия Петровича.

И вот перед нами открылась еще одна страничка истории, прояснились подробности из жизни семьи волжан Исайкиных. Стала на место небольшая деталь в неохватной панораме жизни народа, вынесшего на своих плечах грозные испытания минувшей войны. Четверо братьев Исайкиных росли в простой рабочей семье. Учились в одной школе, увлекались спортом, походами, любили мечтать...

Когда окончили школу, каждый избрал свою дорогу в жизни. Ефиму пришлось по душе профессия слесаря. Федор стал рабочим на Тракторном заводе. Михаил поднялся на леса новостроек. А Василий научился держать штурвал самолета. Как бурлило счастье в родительском доме, когда все братья собирались вместе!

Грянула война. Вся страна грудью встала на защиту своей свободы и независимости. Вместе с народом были и братья Исайкины. Василий Петрович воевал в небе и последний бой дал над самым логовом фашистов — над Берлином. Михаил пал смертью храбрых при защите родного Сталинграда. К этому времени Ефим и Федор работали вместе на Тракторном заводе. Они не отходили от станков даже в часы бомбежек, когда враг осыпал смертоносным грузом заводские корпуса. Трудились за семерых, днем и ночью, ради того, чтобы поставить для фронта как можно больше оружия. Передовая линия приблизилась вплотную к заводской ограде. Станки остановились. Тогда братья Ефим и Федор взяли за винтовки, вступили в дружины народного ополчения. Отсюда, от стен родного завода, они погнали врага на запад.

В семье Исайкиных и поныне хранится коротенькое,

наспех написанное письмо, сложенное обычным в то время треугольником. На нем штемпель 1944 года.

«Дошли с боями до Днепра. Мы живы, здоровы, находимся оба вместе. Готовимся в новую «командировку». Целуем всех родных — Ваши Фима и Федя».

Это была последняя весточка от них.

Долгие годы ничего не было известно о Ефиме и Федоре. И вот письмо пионеров принесло в семью Исайкиных весть о том, что братья и теперь вместе — спят вечным сном в Сесенах, далеко от родных мест.

Увешивание

Август в Молдавии — золотая пора. Гнутся под тяжестью плодов ветви в садах, увесистые гроздья свисают с виноградных лоз. Смотришь и дивишься — как только могут деревья и кусты выдерживать на своих «плечах» такой груз! Поистине, безмерна здесь щедрость земли и солнца.

С полей уже убраны хлеба, на огородах пламенеют всеми цветами радуги овощи. В бочках бродит первый хмельной муст.

В это золотое время молдавский народ и празднует свое освобождение от ига фашистских захватчиков. Это августовское воскресенье было ослепительным от солнца, полным цветов и флагов. Со всех сторон люди держали путь в сторону Сесен.

Людское море бурлило в центре села. Ребятишки гроздьями висели на деревьях, окружающих площадь. Духовой оркестр играл марш.

К полудню у ворот парка остановились три автобуса, доставившие дорогих гостей. Прибыли Клавдия Романовна Крикуненко-Овчаренко с супругом, одиннадцать человек из славного города на Волге — близкие и родственники комиссаров Ефима и Федора Исайкиных, родители разведчиков Олега Ненахова и Анатолия Коваленко из Ростова-на-Дону, Мария Тетьянка из Харькова, Аркадий Смилевский из Ленинграда и другие.

Собравшихся на площади радовало также и то, что вместе с ними в торжестве принимает участие группа офицеров во главе с бывшим командиром 80-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майором запаса Васи-

лием Ивановичем Чижевым, с боями освобождавшей территорию Каларашского района.

Радостные возгласы, улыбки, объятия, знакомства. Волнующая встреча бывших воинов и партизан. Когда-то они были тут же, рядом, на этой земле, их отделяла лишь долина реки Кулы. Одни гнали фашистов на запад, другие действовали во вражеском тылу. Много лет минуло с тех пор. Теперь их свело вместе чувство долга перед памятью павших товарищей. В тот день в Сесенах открывали памятник тем, кто отдал свою жизнь за нашу победу.

Иван Петрович Калинин, в те годы первый секретарь Каларашского райкома партии, предоставляет Клавдии Романовне Крикуненко-Овчаренко и генерал-майору запаса Василию Ивановичу Чижеву высокую честь совершить церемонию открытия памятника. Лента перерезана. Белое полотно падает, открывая величие и красоту монумента, воздвигнутого по проекту архитектора С. Шойхета. На вершине памятника сверкает пятиконечная звезда. На фасаде обелиска инкрустированы перо и штык. Они как бы воплощают в себе знаменитые слова Владимира Маяковского — «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Под звуки торжественной мелодии «Слава героям» бывший партизан Петря Харя, высоко над головой держа факел, подходит к памятнику и зажигает у его подножья вечный огонь. Замерли в почетном карауле бывшие воины. Взметнулись вверх руки пионеров. Звучат залпы салюта. Медленно падающее покрывало открывает остальную часть монумента. Теперь уже все могут прочесть:

«Под этой каменной плитой покоится прах мужественных борцов партизанских отрядов «Журналист» и имени Фрунзе, которые покрыли себя немеркнущей славой в жестокой борьбе с фашистами на тропях кодр весной 1944 года»

Рядом на вертикальной белой мраморной плите высечены имена героев:

Жора Смилевский, коммунист, командир отряда «Журналист» (г. Николаев)

Ефим Исайкин, коммунист, комиссар отряда «Журналист» (г. Волгоград)

Николай Тетьянко, коммунист, комиссар отряда им. Фрунзе (г. Харьков)

Федор Исайкин, коммунист, комиссар отряда «Журналист» (г. Волгоград)

Валя Максимова, комсомолка, радистка с Алтая

Анатолий Коваленко, комсомолец, парашютист из Ростова

Олег Ненахов, комсомолец, парашютист из Ростова

Анатолий Володин, комсомолец, парашютист из Новосибирска

Николае Костя, б/п, парашютист из Запорожской обл.

Александр Кирикэ, житель с. Сесены

Антон Харя, лесник из с. Бравичи

Александр Буду, житель с. Сесены

Василе Фролов, житель с. Сесены

Владимир Годорожа, житель с. Сесены

Григоре Захария, житель с. Бравичи

Ион Захария, житель с. Сесены

Павел Рэйляну, житель с. Сесены

Ион Даницэ, житель с. Сесены

Семион Ага, житель с. Сесены

Ефим Руссу, житель с. Сесены

Александр Коробкэ, житель с. Сесены

Дорофтей Коробкэ, житель с. Сесены

Павел Ботнар, житель с. Сесены

Александр Даницэ, житель с. Сесены

Василе Пую, житель с. Сесены

Ион Казаку, житель с. Онешты

Георге Антир, житель с. Онешты

Торжественная минута молчания в честь героев. Затем секретарь Каларашского райкома комсомола зачитывает текст послания, адресованного в будущее:

«Посвящается партизанам, павшим весной 1944 года в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины.»

Слава вам, храбрые,
Слава, бессмертные,
Вечную славу поет вам народ.

Доблестно жившие,
смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет.

От комсомольской и пионерской организаций Каларашского района. 21 августа 1966 года.

Свернутый в трубку лист бумаги с текстом послания кладут в специально приготовленный футляр. Футляр опускают в глубокую лунку у основания памятника. Отверстие замуровывают цементом. Эстафета-послание к будущим поколениям советских патриотов будет храниться здесь вечно.

Торжественная церемония открытия монумента окончена. Генерал-майор Чижов вручает памятные юбилейные медали — «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» бывшим партизанам Петру Харе, Павлу Бежану, Иону Рэйляну, Георгию Чиботару. Прикрепив к груди награжденных медали, он говорит:

— Спасибо за помощь! Без героизма партизан путь нашего солдата к победе был бы намного труднее.

Тут же у монумента группа юношей и девушек из рук Клавдии Романовны получают комсомольские билеты.

— Берегите их как зеницу ока. Храните и приумножайте славу ваших отцов! — напутствует она новых бойцов великого Ленинского Союза Молодежи.

«Их сбросили ночью на парашютах в самые труднопроходимые чащи молдавских кодр, — писала в те дни газета «Известия». — А через несколько дней вокруг начались взрываться железнодорожные мосты, лететь под откос гитлеровские эшелоны, гореть колонны автомашин.

Партизанский отряд «Журналист», возглавляемый молодым коммунистом Г. Смилевским — бывшим заместителем редактора николаевской областной комсомольской газеты, действовал дерзко и решительно. Вскоре к небольшой горстке парашютистов присоединились многие местные жители, а потом и бойцы партизанского отряда имени Фрунзе... Почти сутки длился неравный бой. Многие патриоты, в том числе командир отряда Г. Смилевский, погибли. Их похоронили в соседнем селе Сесены Каларашского района.

Здесь состоялось открытие памятника отважным партизанам.

Почтить память героев приехали сотни трудящихся района, бывшие участники отряда народных мстителей. Над братскими могилами зажжен вечный огонь».

Память о подвигах партизан увековечена не только в монумент. Одновременно комсомольцы привезли с Косоуцкого карьера три огромных каменных блока. Один установили на окраине села Бравичи, в долине Кулы, у перекрестка дорог, обсадили тополями. На камне высечено:

«По этой долине проходила линия фронта. Апрель-август 1944 г.»

Второй камень подняли на опушку кодр, туда, где собираются сесенцы в праздничные дни. Указательная стрела на камне обращена в сторону леса, надпись гласит:

«Партизанские землянки. 1 км».

Третий камень приволокли тракторами в самую гущу кодр, к старым партизанским окопам. Раскорчевали от кустов площадку, камень врыли в землю у подножья старого дуба-великана. Сделали надпись:

«Место битвы 16. IV-44 г.»

Как и могила в центре села, эти каменные страницы партизанской летописи всегда остановят путника и напомним ему о тех, кто ратным подвигом своим отстоял нашу свободу и обессмертил свое имя...

«В годы минувшей войны, — сообщает журнал «Журналист» №5 за 1968 год, — мы хорошо знали, что в рядах народных мстителей немало журналистов. Не только редакторы газет — просто бойцы: минеры, разведчики, штабисты. Названия многих соединений запомнили с той далекой поры. А вот что в глубоком тылу врага действовал партизанский отряд «Журналист», стало известно лишь несколько лет назад».

В краеведческом музее села Сесены бережно сохраняются бесценные реликвии воинской доблести: полушубок комиссара Ефима Исайкина, который в нескольких местах продырявлен вражескими пулями, тронутое ржавчиной оружие и обоймы, найденные на полях былых сра-

жений, письма огненных лет. Все это стало ныне достоянием истории.

Дорога к селу положена на карту республиканских туристских маршрутов. Тысячи юношей и девушек с рюкзаками за плечами шагают затерявшимися среди виноградников тропами к партизанским землянкам.

И давно уже стало доброй традицией: ежегодно, 9 мая, в день всенародной Победы, делегация Союза журналистов отправляется из Кишинева в Сесены, где возлагает венки ярких весенних цветов на братские могилы. А рядом, у подножия величественного памятника, полыхает священное пламя немеркнувшей памяти и всенародной признательности.

Монумент, увенчанный звездой, украшенный пером и штыком, хранит вечный покой героев. Пройдут годы, сменятся поколения, а мрамор, одухотворенный скульптором, будет всегда рассказывать людям о беспримерных подвигах партизан, презревших смерть ради грядущего счастья Родины.

ВОЕВОДА

Лайнер, это комфортабельное «воздушное такси», стрелой оторвался от земли, пронзил плотный слой облаков и вышел в лазурные подсолнечные просторы, держа курс на Москву. Люди, впервые путешествовавшие самолетом, прильнули к круглым иллюминаторам, восхищаясь разверзшейся под ними глубиной. А бывалые пассажиры, заранее вооружившись книгами и журналами, чтобы скоротать время, углубились в чтение.

Трофим Стасьев, бывший председатель исполкома Теленештского районного Совета депутатов трудящихся, слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС, с которым я оказался рядом, достал альбом и стал его рассматривать. Альбом был большим, его листы, пестревшие любовно наклеенными фотографиями, один за другим ложились ко мне на колени. Со страниц глядели на меня все знакомые лица: друзья, родственники, односельчане. Но кто эти, сверкающие боевыми наградами, военные, которые сфотографировались рядом с моими земляками? Когда? Где? По какому случаю? Я не выдержал и поддался искушению:

— Не в обиду будет сказано: куда альбом-то несете?

— В Москву, подарок одному отставному генералу.

— Видать участнику боев за освобождение нашего края?

— Точно! Прошлой осенью пригласили его в Теленешты, на открытие памятника боевым товарищам.

— А как зовут генерала-то?

— Васильев. Васильев Николай Алексеевич.

Это имя часто в годы моего детства повторял дед. Повторял с признательностью и глубоким почтением. Как наяву доносятся его слова: «Это место, внучек, освящено легендой. Той незабвенной осенью, когда только начинал созревать виноград, под грушами в нашем саду восседал знаменитый воевода. А имя ему — Васильев. И было вокруг него великое множество разных генералов

и офицеров. Долго оставались они склоненными над огромными картами с разноцветными стрелками и кружками. Потом, решив свои ратные дела, испробовали душистых сочных груш и разъехались кто куда, по своим войскам. «Спасибо, дедушка, за груши!» — поклонился мне воевода. И тоже ушел. А не долгов час, всполошились солдатики, выстроилось войско и боевым порядком двинулось к кодрам, со стороны которых доносился бой канонады...»

Много позже довелось мне встретить это имя в книгах «От Волги до Праги» и «Полки сражались мужественно», в различных мемуарах и газетных статьях.

— Николай Алексеевич, — продолжал мой собеседник, — прошел славный боевой путь. За проявленное мужество и героизм в годы войны Родина удостоила его 21 ордена и многих медалей. Его грудь украшает Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Услышанное подхлестнуло мой интерес. А альбом был подходящим поводом для встречи с этим легендарным человеком.

По прибытии в Москву я отправился вместе с тов. Стасьевым.

Открыл нам высокий старик с военной выправкой, седыми волосами и голубыми, как небесная лазурь, глазами. Увидев Трофима Яковлевича, хозяин квартиры посветлел и по-братски заключил его в объятия.

— Вот он, — представил Стасьев меня, — наш же, теленештский. Родился и вырос на Реуте, в селе Кицканы.

— Земляки, получается, — и генерал тепло и сильно пожал мне руку.

Поначалу я не понял смысл слов «наш же» и «земляки». Но увидев среди реликвий, хранящихся в доме заслуженного воина, красное полотнище с вышитыми на нем словами: «Товарищу Васильеву Н. А., почетному гражданину Теленештского района», вник в их смысл.

Таким образом, с самого начала беседа приняла сердечный, дружеский характер. Жена генерала, Галина Филипповна, пожилая, веселая, общительная и гостеприимная женщина, провела нас в гостиную, стала потчевать фруктами, печеньем, чаем с вареньем. Николай Алексеевич страстно рассказывал о вихре событий, в центре которых находился всю жизнь. Перед нами во всем ее величии раскрылась героическая эпопея пламен-

ной жизни коммуниста, ветерана ленинской гвардии. Рабочий железнодорожных механических мастерских. Красный конник на фронтах гражданской войны. ЧОН, ликвидация безграмотности. Служба в пограничных войсках. Куда только ни забрасывали его бурные волны житейского моря? И разве полагал он, что ждет его впереди?

Ранним утром 22 июня 1941 года Николай Васильев, к тому времени уже полковник, выехал на автомобиле из Еревана и направился в сторону границы. Он еще не знал, что на западных рубежах его недавние сокурсники по пограничной школе уже отражают натиск ненавистных вражеских орд, падая под лавиной свинца и стали, что сгорают дотла наши города и села.

— Товарищ полковник, — сообщили ему на первой же заставе, — вас срочно вызывают к телефону.

Одновременно с первым известием о войне получил приказ немедленно отбыть в Москву, в распоряжение Генерального штаба.

Домой так и не успел заехать. С женой простился по телефону. Беспокоила дочь, которая отдыхала в пионерском лагере на берегу Черного моря. Прибыв в Москву, с радостью и облегчением узнал, что пионерский лагерь погранвойск эвакуирован в Москву, в гостиницу «Колхозная».

В первый же вечер отец и дочь долго гуляли по аллеям расположенного недалеко от Кремля парка:

— Знаю, отец, что уходишь на фронт, — молвила Генриетта, и голос ее вдруг стал печальным. — О нас заботиться не надо. Завтра уезжаю поездом домой. И снова буду рядом с мамой. Во всем буду ее слушаться. А ты нам пиши. Слышишь? Часто пиши...

Отец разглядывал с любовью загорелое лицо дочери и думал озабоченно: «А вдруг это наша последняя встреча?» И в груди закипала ненависть к тем, которые пришли, чтобы испоганить родную землю.

На второй день отец проводил Генриетту на вокзал, посадил в вагон. Она уехала в Ереван — к маме, а он во Владимир, где ему было поручено сформировать новую пехотную дивизию.

Необходимый офицерский и сержантский состав догнал его уже в пути. Люди днем и ночью брали штурмом военкоматы: все стремились на фронт. Как только

дивизия была сформирована, начались боевые учения. Николай Алексеевич, будучи начальником штаба дивизии, все время отдавал оснащению и обучению бойцов. В конце концов погрузились в шесть эшелонов и отправились навстречу бушующим огненным вихрям.

Первая схватка с врагом состоялась возле города Белого, на речке Меже. В этом жестоком бою пал смертью храбрых командующий дивизией, и вся ответственность за судьбу сражения и личного состава легла на плечи начальника штаба.

Бои продолжались неделями. Обессиленные советские воины мужественно защищали каждую пядь родной земли.

Когда линия фронта подползла к заснеженным пристоличным лесам, Васильев получил приказ сдать дивизию и отправиться в Сибирь, где предстояло укомплектовать дивизию сибиряков. С этой дивизией генерал Васильев громил фашистов у ворот Москвы, под стенами Сталинграда, на огненной Курской дуге, в степях Украины и в Молдавских кодрах, на румынских и чехословацких землях.

Показав примеры невиданного героизма в волжских сражениях, руководимое им соединение удостоилось звания «80-й Гвардейской дивизии». Только за несколько дней января 1943 года этим соединением было пленено около четырех тысяч вражеских солдат и офицеров, среди которых 11 генералов и старших офицеров. Вчерашние чванливые покорители Европы стояли, понуриив головы. В Сталинграде была развеяна слава о непобедимости гитлеровских полчищ. Отсюда огненный вал войны покатился в обратную сторону.

После капитуляции Паулюса и его армии Николай Васильев отправился осмотреть город. Вокруг, на сколько охватывал взгляд, дымилась груды битого кирпича и исковерканных бревен. На центральной площади, на митинге, созванном по случаю победы, генерал М. С. Шумилов по-дружески обнял его:

— Поздравляю, Николай Алексеевич! Читал приказ Главковерха? Тебя назначили заместителем командующего 7-й Гвардейской армии. Будем воевать вместе.

Васильев стал правой рукой Шумилова. Потом ему доверили командование 24-м Гвардейским корпусом, в

состав которого входила и дивизия, сформированная им в Сибири.

Летом 1943 года мужественные бойцы этого корпуса нанесли врагу сокрушающий удар на берегах сегого Днепра, в районе украинского села Бородаевки. За высокие полководческие качества, а также за личное мужество, проявленное во время проведения этой операции, Н. А. Васильев среди других 65 солдат и офицеров, отличившихся в бою, был удостоен звания Героя Советского Союза.

А весной 1944 года освободителей встречали хлебом-солью жители приднестровских сел. Части под командованием генерала Васильева выгнали врага из Рыбницы, Резин, Флорешт, Бельц, Теленешт, Болотина и вышли к западной границе Союза ССР.

Во время Яско-Кишиневской операции два полка 24-го Гвардейского корпуса завоевали право именоваться «Кишиневскими». А Николай Алексеевич продолжал свой победный путь и закончил войну в Праге в звании генерал-лейтенанта.

После войны боевой генерал долгие годы работал в посольствах СССР в Румынии, КНДР, КНР. По выходе на пенсию поселился в Москве.

Осенью 1969 года генерал Васильев зажег вечный огонь людской памяти и вечной признательности у подножья памятника, вознесенного в честь его боевых соратников в центре Теленешт. Тогда же, во время сопутствующих событию торжеств, восемь участников боев за освобождение Молдавии — Н. А. Васильев из Москвы, Е. Я. Райгородецкий из Киева, В. А. Кубанцев из Бобруйска, В. Н. Соколов из Пензы, В. К. Мертин из Херсона, А. Ф. Падалко из Черкасс, В. Р. Дьяченко из Винницы и Н. Н. Табакаев из подмосковного городка Дедовска — стали почетными гражданами Теленешт.

...В гостиной тихо. Ранние московские сумерки скрадывают углы не такого уж и просторного помещения, и только мягкий свет висящей низко над столом лампы падает на лица. Моя рука машинально протягивается к центру стола. Прохладная, шершавая кожа рука оказавшейся на ладони груши — вот та связующая нить времен, которая делает этого заслуженного, поистине легендарного воеводу богатырского войска таким мне близким и родным.

Срабатывает ретроспективная связь памяти. Мягкий электрический свет сменяется ярким, солнечным. Лицо генерала молодеет, становится волевым и суровым. И вдруг, то ли он вырастает в моих глазах, то ли я становлюсь маленьким и устремляюсь в глубь двора, где на траве сгрудились и заворожено смотрят на военных такие же, как я, сорванцы.

Но вот склоненное над картами грядущей операции лицо генерала поднимается и как будто только сейчас их увидев, его глаза заворожено смотрят на груши, а рука в машинальном жесте протягивается к крупному, густо-зеленому, в рыжих подпалинах плоду. И тут слышится голос дедушки Андрея, тоже старого вояки, участника обороны Порт-Артура.

— Ваше высокопревосходительство! Не тот плод берешь. Он зеленый. Оскомину набивает. Пожалуйста, этот — душистый, сладкий, — и захлебываясь от собственной храбрости, от знания языка, от радости общения с генералом, дедушка Андрей, низкого роста, белый как лунь, но бодрый и еще полный сил, протягивает полную шляпу янтарных и сочных груш.

— Спасибо, дедушка! — я отчетливо слышу эти слова генерала.

И, вкусив сочный плод груши, я повторяю:

— Спасибо, дедушка!

Возле вагонов, украшенных цветами, плакатами, красными флажками, собралась уйма народу. На перроне царили гомон и веселье. Кто-то достал баян, и поллилась полная пафоса и темперамента мелодия. Бородатый солдат отделился от толпы и пустился в стремительный пляс. Казалось, земля стонет под его ногами. Присутствующие расступились, хлопая ладошами в такт музыке. Лица выражали возбуждение и радость.

Ну-ка в круг, давай плясать,
Места ведь не занимать!

Мимика, жесты, темп, которыми сопровождал бравый солдат свой танец, очаровывали окружающих. Так и подмывало всех тогда бы притопнуть в такт музыки.

Притоптывай, наяривай,
Под баян выкомаривай!

Фотоаппарат схватил своим волшебным глазом отрывок этой незабываемой сцены и запечатлел ее такой, какой она произошла когда-то на перроне какого-то вокзала...

И вот много лет спустя эта фотография передо мной. Прислал мне ее из Москвы Владимир Гальперин, бывший военный корреспондент, ныне сотрудник «Медицинской газеты». На обороте фотографии написано: «Год 1945. Австрия. Конец войны. Гвардии рядовой Мазур, молдаванин из Каменского района, танцует на перроне вокзала перед отправкой на Родину. Ему 50 лет, но когда глядишь, как он танцует, ни за что не дашь этого возраста. Человек с честью прошел сквозь горнило сражений и достойно возвращается на Родину».

И, конечно, не случайно возник вопрос: а где же сегодня этот бравый солдат? Как живет, чем занимается? Желая узнать подробности, которые восполнили бы скупой текст, сопровождавший фотографию, я созвонился с Москвой.

— Товарищ Гальперин? Может быть, у вас есть дополнительные сведения о Мазуре? Полное имя или, возможно, место жительства?

— К сожалению, ничем не могу помочь. Я сообщил вам все, что знал.

Что оставалось делать? С чего начинать поиск? В Рыбницком райвоенкомате, к которому в то время относились населенные пункты бывшего Каменского района, мне предоставили гору личных карточек.

— Вот здесь записаны все Мазуры здешних мест,— объяснил мне дежурный офицер.

А через несколько минут, еще раз разглядев фронтовой снимок, добавил:

— Нет, в наших списках вы его не найдете: ведь человеку сейчас под семьдесят, а то и больше. У нас он уже давно не числится.

— Скажите хоть, в каких селах больше всего Мазуров?

Офицер вручил мне целый список населенных пунктов. Что-то около двадцати сел и хуторов.

Решил посетить все села бывшего довоенного Каменского района.

Первым на пути было село Подоймица. Только сойдя с машины, подошел к группе мужчин и, показав фотографию, спросил:

— Будьте добры, может, знает кто из вас этого человека?

— Да кто его не знает?— последовал ответ.— У нас все знают деда Амвросия Мазура!

Председатель сельского Совета, который тоже оказался среди присутствующих, оседлал свой мотоцикл и поехал перед машиной, указывая путь к дому человека, которого я столько искал. Спустились сначала в долину, а затем поднялись на холмистую, другую половину села. Председатель затормозил около колодца с глубоким каменным корытом. Узкая тропа, извиваясь между тенистыми деревьями, вела к притаившемуся в глубине сада домику. Председатель вошел во двор, подошел к домику и постучал в окно. В дверях появился низенький старичок. Этаким крепкий и даже молодцеватый, хотя волосы и были густо убелены сединой. Конечно, он! Гвардии рядовой Мазур, который в первый День Победы танцевал на перроне далекой австрийской станции. Познакоми-

лись, и дед постелил на завалинке коврик. Мы расселись, и завязался разговор:

— Сколько лет вам, дедушка Амвросий?

— Как сказать. Говорят, что я не старше самого себя.

Казалось, что он вообще не говорит, а сыплет шуточками-прибаутками. Таков уж его характер. Односельчане знают это и утверждают, что шутка сестрой ему приходится, а смех — братом.

— Где уж это видано: гостей за порогом держать?— спохватился дед.— Проходите, гости дорогие, в хату. За доброй чаркой и разговор, глядишь, добреет.

Приподнявшись с завалинки, дед Амвросий протянул руку к дверям, и пальцы заскользили вдоль доски, словно впотьмах выскивая дверную скобу. Перехватив мой взгляд, председатель сельского Совета шепнул:

— Былые раны сказываются. Слаб зрением стал после войны дед Амвросий, а наемдни и вовсе ослеп.

Острый, тренированный слух бывалого солдата схватил обороненную фразу:

— Ишь ты, мол, глухой услышал, как немой ему наврал, будто слепой увидел, как безногий убежал. Хорош лясы точить. Проходи давай.

Когда началась война, Амвросий находился со своим звеном на току. Прямо оттуда и прибыл на мобилизационный пункт. Да разве мог он размышлять, когда страна находилась в опасности и фашистские орды топтали священную землю Родины.

И куда только ни бросали его неласковые пути-дороги военного времени! Но всегда его попутчиками были оптимизм, вера в победу, задорная улыбка.

После продолжительных и трудных переходов, когда усталые бойцы останавливались на привалах, Амвросий, который успел создать в части небольшой ансамбль, умел развеселить товарищей песней и пляской, а то и солоноватой солдатской шуткой, побасенкой. Он развлекал, вселял уверенность, согревал сердца. Ну, чем же не настоящий Теркин?

Амвросий Мазур участвовал в кровопролитных боях Яско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии, Венгрии, Югославии и встретил День Победы у подножия Альп.

Вернувшись в родное село, brave солдат засучил рукава и со всей присущей ему энергией взялся за восста-

новление родного колхоза. Был рядовым колхозником, звеньевым, бригадиром. Неоднократно избирался членом правления колхоза. И всегда оставался тем же весельчаком и балагуром или, как его прозвали, «Василием Теркиным».

— Что, дедушка Амвросий,— не утерпел я напоследок,— небось порастерял с годами бывшее молодечество, не получается, поди, шутками, как горохом, сыпать.

— Оно, конечно, дело наше стариковское. Куда уж до вас, молодых да удалых. Да ты не спеши срамить, дай вот чарочку допить да цыгарочку свернуть и в бывшее заглянуть. Авось и припомнится что. Как махру-табак курили, пока фрицев выкурили. Ведь фашистам поначалу было «гут», а потом пришел «капут». Все разбежались по домам — «битте, дрите, фрау-мадам!». Это, стало быть, из наших фронтовых шуток-прибауток. А насчет моей некондиционной зречности ты, председатель, не шибко распространяйся. Немцы таких вот самыми что ни на есть надежными считали. Заваливается, значит ихний обер-лейтенант в штаб, и как понесет его: «Герр полковник, зачем так меня конфузить? Я попросил надежное пополнение, а получил дюжину слепых и хромых». Ну полковник, стало быть, успокоил его: «Так это и есть самые надежные: никуда не побегут».

Свои «Амвросии Мазуры» — жизнерадостные, веселые, исполненные непоколебимой веры в победу, были в каждом взводе, в каждой роте, в каждом подразделении. Все вместе, слившись воедино, они и создали бессмертного Теркина.

Сначала эхо канонады раздавалось приглушенно, с перерывами, словно доносилось с дальних полей. Потом взрывы усилились, слившись в сплошной гул. А когда утихли жерла пушек, наступила тягостная тишина. Перепуганные апрельские дни пытались спрятаться за пелену обильных снежных хлопьев, перемешанных с тяжелыми каплями дождя. Разлились вешние воды. Расквасились проселочные дороги и превратились в бесконечное черноземное месиво. Обессилевший от бездорожья фронт завяз у «Каменных врат» Реута. Слободка, этот заречный пригород Оргеева, превратилась в адский тир, снесаемый огнем и смертью.

Беда всполошила Марию Ботнару и Теодору Сорочкович. Женщины засели в погребе. Восемь ребятишек испуганно жались к ним. Чудовищной силы взрывы, мириады свинцовых пчел не давали шагу ступить: нельзя было даже по воду сходить. Голод и жажду утоляли соленьями. Мария нянчила месячного ребенка, а Теодора собиралась стать матерью. Обе остались не вдовами и не мужними женами: погнало оккупанты мужиков в чужие края.

Вскоре после того как стрельба поутихла, в проеме дверей появился советский солдат:

— Фронт у крыльца проходит. Не дело бабам с малютами при фронте находиться. Эвакуироваться надо. Так что собирайтесь.

Пробирались меж низких каменных заборов, по узеньким петляющим улочкам. Миновали дымящиеся, отдающие гарью развалины мельницы и вышли к раkitам, что растут на берегу Реута. Солдат переправил детишек и женщин на тот берег и, указав на узенькую, неглубокую траншейку, сказал:

— Вот самая что ни на есть короткая тропа в город. Только не сворачивайте, а то на минное поле напоретесь.

И, пошарив по карманам, оделил ребятишек сахаром.

Мальчишке в островерхой кушме и в постолах, из которых выглядывала солома, протянул целых два куска:

— Бери, сынок, чего робеешь?— и с нежностью прикоснулся к его щеке.

Потом исчез в зарослях.

Мария Ботнару и Теодора Сорокович, окруженные ребятами мал мала меньше, отыскиали на городской окраине дом давней знакомой. Заночевали. Наутро двинулись снова в путь: нужно было добраться до села Степь-Сочь.

Посреди поля Теодора опустилась на межу — острая боль пронизала все тело. Испуганные ребята жались к оголенному, исхлестанному ветром кустам.

— Что с тобой, Дора?

— И не спрашивай, цакэ*. Сама видишь...

Мария передала завернутого в коврик младенца своему старшему сыну, а сама приготовилась принять роды. И кто знает, чем бы все кончилось, не появившись из-за поворота военный обоз. Женщин и детей посадили на подводу и привезли в Оргеев. С восемью детьми вышли они час назад, а приехали с девятью.

— Ну, кто родился?— спрашивали проезжие солдаты возницу.

— Девочка!

— Давайте, братцы, назовем Катюшей. На добрую память о «королеве» нашей артиллерии!

В медсанбате Теодоре оказали первую помощь.

— Как там наша Катюша?— то и дело спрашивали солдаты, принося кашу, чай, медикаменты.

— Голосистая! Счастливая, видать, выпала ей звезда!..

— Опасно было оставаться с малыши детьми в прифронтовой полосе,— вспоминает Мария Георгиевна Ботнару.— Когда Дора поокрепла, отправились в путь. Приютили нас люди добрые в Игнацеях. Думалось, что через пару дней вернемся домой, да не сбылась думка. Четыре месяца маялись. Ох, трудно было с девятью голодными ртами. Да спасибо людям. Незнакомые делились с нами и куском хлеба, и теплом.

В конце августа вернулись домой. Огневая лавина

* Тетя.

громыхала уже где-то за Прутом. На месте бывших домов одни развалины.

— Ну, что ты, золовка! Хватит плакать,— пытался унять Марию Думитру Мирон.— У нас поживете.

Его покосившаяся, крытая камышом мазанка чудом уцелела...

Прошло с тех пор свыше тридцати лет. Много воды утекло. И перемен произошло много. Катюша окончила Оргеевское медучилище и работает медсестрой в Курках. Вышла замуж. Имеет двух детей. Награждена Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

— Весной,— говорит,— именины справить хочу. Приглашу тех, кто нарек меня Катюшей.

А вот весточка издалека:

«На днях я с большим волнением прочитал в газете «Красная звезда» корреспонденцию «И назвали девочку Катюшей»,— пишет ветеран войны офицер Н. Семеник.— Помню этот случай хорошо. О Катюше вся наша часть говорила. Командир полка, Герой Советского Союза З. Г. Исхаков, отметил в приказе благородный поступок обозников, которые доставляли на линию огня снаряды и помогли роженице.

Я продолжаю служить в Советской Армии. В нашей части служат оргеевские ребята. Храбрые, любознательные. Словом, дельные парни. Гордись, Катюша, своими земляками...»

Сегодняшняя Слободка стала неузнаваемой. Красивые, нарядные здания. В новых домах живут Мария Ботнару и Теодора Сорокович. Лишь дом старого колхозника Думитру Мирона остался на месте. Стоит скособоченный, неприглядный среди новых строений.

— Что так, мош Митруцэ? Так и не удосужились поставить себе хоромы?

— Своя гордость у мазанки деда Митру,— отвечает он.

В военном 1944 году рука неизвестного солдата нацвела коричневой краской на стене дома: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе...»

Свыше трех десятков лет хранится на стене домика моша Думитру этот призыв Николая Островского. Когда-

то перед домом были траншеи, топорщились ряды колючей проволоки. Много жестоких схваток довелось увидеть дому своими подслеповатыми окнами. В Оргееве, в братской могиле, спят вечным сном 1946 советских солдат и офицеров, павших в боях за освобождение города. На крытом камышом домике, что на улице Федько, 50, висит мемориальная доска:

«Здесь проходила линия фронта. Апрель—август 1944».

Он нанесен на туристскую карту. Ведь это не просто старый домишко, а страница истории!

...С нетерпением ожидала медицинская сестра Куркинской больницы Оргеевского района Екатерина Сорокович встречи с Николаем Федотовичем Семенюком. И такая счастливая встреча состоялась через 28 лет. Сбылась мечта бывшего фронтовика вновь побывать в Оргееве.

Екатерина ласково, приветливо встретила дорогого гостя из Белоруссии. Его глубоко взволновали слова молодой женщины:

— Разрешите, я вас тоже буду называть отцом...

Оба, и он, и она, живут в одном и том же селе потомственных виноградарей на берегу речки Кулы. Обоим преклонные годы всучили в руки посох. Но невзирая на возраст, они продолжают трудиться. Он работает сторожем, она — в виноградарской бригаде.

Их никогда не приглашали в президиум многолюдных собраний, на вечера и встречи, по праздникам им не вручали пышных букетов, о них не писали газеты, они не появлялись на голубом экране. Жаль, что так получилось. Ведь совершенное ими в тяжелые годы войны вызывает и сейчас восхищение. Из подобных «незначительных» событий и складывается то, что мы привыкли называть «боевым товариществом», «массовым героизмом».

Федор Негруци

В конце марта 1944 года, когда началось весеннее половодье и расквасились бесконечные проселочные дороги, фронт застрял на все лето в долине речки Кулы. Нижняя часть села Гульбоака оказалась меж двух огней: между окопами отступающего противника и наших наступающих соединений.

Населенный пункт превратился в арену ожесточенных схваток. Особенно тяжелые бои завязались в низине у моста, около мельницы, и на высоте, у межи, разделявшей села Гульбоака и Гетлово.

В конце концов противник, подтянув свежие силы, сумел вернуть утерянные позиции на правобережье Кулы. Немцы заложили перед своими окопами мины и держали под обстрелом всю долину.

А когда враг уверовал, что закрепился основательно, рота советских солдат, незаметно обошла по дну оврага укрепления, пробралась в село и ударила с тыла. Застигнутые врасплох, фашисты бежали, объятые паникой, падали под градом свинца. Бой длился примерно пол-

часа. Трусами захватчиков были усеяны сады, дворы, дороги. Придя в себя, командование противника бросило против советской роты сотни вооруженных до зубов гитлеровцев. Наши солдаты под прикрытием артиллерии мужественно сопротивлялись. Но в сумерках были вынуждены отойти за Кулу.

— Как могли большевики пробраться в наш тыл, минуя минные поля?— бесновались фашистские офицеры.— Очевидно, им помогал кто-то из местных.

Началась спешная эвакуация жителей нижней части села. Захватчики ругались, разбивали окна, выгоняли мирное население из погребов, избивали селян прикладами.

Видя все это, Федор Негруци прокрался мимо стогов соломы, миновал известный только ему лаз в заборе и очутился во дворе своего дружка Филиппа Фиастру.

— Как быть с ранеными?— спросил озабоченно.

Во время атаки два советских воина отстали от роты, и Филипп вместе с Федором спрятали их в надежном месте, перевязали, накормили.

— Эвакуировать их невозможно,— продолжал Федор,— а оставить здесь — еще опаснее.

Помолчал, о чем-то раздумывая, потом решительно заявил:

— Будь, что будет! Я рискну провести раненых через линию фронта к нашим.

Дни, в течение которых раненые скрывались в тайнике, тянулись мучительно долго. Село кишело фашистами, и любой необдуманный шаг грозил оборвать сразу три жизни. Федор дождался нужного момента и темной ночью, когда дождь лил как из ведра, вывел солдат из тайника. Они пробрались окраинной улочкой, прошли под мостом, миновали растущие в долине камышовые заросли и близ Германештского холма вышли на противоположный берег.

Лица спасенных воинов излучали неописуемую радость: ведь они вновь оказались в родной роте. Советский офицер крепко жал и долго тряс Федору руку, благодарил за то, что, рискуя собственной жизнью, вырвал из когтей неминуемой смерти другие две жизни.

В настоящее время мош Тоадер, низенький, смуглый старичок с буденовскими усами, живет в новом доме, что вырос посреди окруженного добротным плетнем са-

да, дом его — полная чаша, а он сам пользуется уважением односельчан.

— Как сейчас их вижу,— говорил нам Федор Спиридонович.— Встретить бы, из тысячи узнал. Интересно, куда забросил их потом водоворот войны? Знаю лишь, что один был сталинградцем, другой — киевлянин, первый — русский, а второй — украинец.

Кто знает, может, представится еще Федору Спиридоновичу случай повидаться с кем-нибудь из них. Ведь в жизни и не такое случается.

Анастасия Морарь

Ее усадьба, окруженная старыми ореховыми деревьями, примостилась на самом гребне холма, откуда просматривались как на ладони село, долина речки Кулы и теряющиеся за горизонтом виноградники. Отступающие фашистские полчища мобилизовали ее мужа и отправили на рытье окопов неизвестно куда. Оставшись одна, Анастасия поселилась у своего родственника Афанасия Мельника, который жил в самом центре села.

— Леле Насте,— открылся он как-то вечером.— Знаешь, у тебя в доме гость.

— Кто же это?— удивилась женщина.

— Советский разведчик.

При помощи Иона Чиботару и Афанасия Мельника советский разведчик нашел себе приют в пустующем доме.

— Может, ему надо в чем-то помочь?— поинтересовалась Анастасия.

— Во-первых, держи, что узнала, в секрете. А во-вторых...

Афанасий некоторое время колебался: говорить или не говорить? Начал издали.

— Одеть бы его в крестьянское платье.

— Вот ключи от сундука,— догадалась Анастасия, куда клонит родич.— Заховала я его в кладовке под грудой кукурузных початков. Откройте и выберите что-нибудь из мужней одежды.

Иногда разведчик в сопровождении Иона и Афанасия пробирался по тайным тропам в лес и исчезал на три-четыре дня. А порой доставал карту, уточнял месторасположение вражеских огневых точек, мосты и дороги,

склады и линии телефонной связи. Анастасия готовила, снабжала его продовольствием.

Однажды Александр (именно так представился советский разведчик) очень обрадовался, когда Афанасий сообщил ему, что через дорогу от его дома расположилась прибывшая из соседнего села немецкая комендатура.

— По этому случаю приду к вам в гости,— заявил он.

Позже при помощи Александра через линию фронта перешли еще двое разведчиков. Невидимая рука обрывала и пугала провода вражеских линий связи, минировала склады, похищала офицеров. А снаряды советской артиллерии рвались на позициях врага с поразительной точностью.

Только через пару месяцев фашисты разузнали в чем дело. Арестовали жителей той части села, где по их предположениям прятались «русские лазутчики».

Александр пал, сраженный пулей, в неравной схватке. Афанасия Мельника, Иона Чиботару и остальных двух разведчиков препроводили под охраной в Курки, где располагался штаб вражеской дивизии. Через несколько дней их, избитых, окровавленных, привезли обратно в село и, согнав жителей, всех четверых расстреляли под забором помещичьего виноградника. Анастасию Морарь жестоко избили, и еще долгое время она не могла прийти в себя.

— После войны,— рассказывает Ион Корня, первый в селе коммунист и первый председатель Гульбоакского сельского Совета Оргеевского района,— мы перенесли прах воинов, павших на территории нашего села, в братскую могилу в Бравичах.

В парке, что раскинулся в центре села Бравичи, возвышается большой и красивый памятник. К его постаменту прикреплены мраморные плиты, на которых высечено 287 имен советских воинов, павших в боях в пойме реке Кулы.

— Но это не все,— объясняет председатель Бравичского Совета народных депутатов Каларашского района.— Списки уточняются. В настоящее время в них занесены имена 358 героев.

Среди них, среди этих отважных воинов, что отдали свои жизни во имя свершения возмездия над врагом и обессмертили себя, числятся и имена двух виноградарей,

двух «воинов в гражданском платье». Это Афанасий Мельник и Ион Чиботару из села Гульбоака.

* * *

Федор Негруци и Анастасия Морарь ни разу не были приглашены на вечера и встречи, по праздникам им не вручали букетов цветов, о них не писали газеты. Но узнав о их подвигах, совершенных в годы войны, мы решили, что не рассказать о них нельзя.

Примите же эти строки, как дань признательности за ваш подвиг!

БРОНИРОВАННАЯ КРЕПОСТЬ

Асфальтное полотно шоссе расстилается меж виноградников, поднимается на холмы и сбегает с них. На окраине Леушен, у источника, где воздвигнут величественный мемориальный комплекс, выходим из машины. Шагаем по квадратным цементным плитам к могиле Неизвестного солдата, у изголовья которого застыли широколистые платаны, своим шелестом зазывающие любого, даже случайного путника. На черном граните под пятиконечной звездой слова:

«Здесь обрел вечный покой Неизвестный солдат 161-го молдавского пехотного полка, павший на поле брани в июне 1941 года».

Заботливая, признательная рука убрала могилу скромными полевыми цветами.

Выше, у самого хребта склона, где степной ковыль роднится с ветром, проступают дзоты и укрепленные бревнами окопы. Их восстановили, и теперь они такие, какими были в июне 1941 года. На этой безымянной высоте горстка героев вступила в единоборство с озверевшими ордами оккупантов. Это было в первые дни войны. Через три года здесь успешно завершилась одна из самых блистательных операций в истории Великой Отечественной войны.

Склонив головы, стоим у массивной, имеющей форму знамени, бетонной стены, на которой огненными клещами проступают красные стрелы Яско-Кишиневской операции, и взволнованно охватываем взглядом высеченные в граните слова:

«24 августа 1944 года, в ходе Яско-Кишиневской операции, здесь, на участке Леушены—Леово, соединились войска 2-го Украинского и 3-го Украинского фронтов, окружив и уничтожив в жестоких боях, продолжавшихся три дня, 18 вражеских дивизий. В результате этой

победы было завершено освобождение Молдавской ССР из-под ига фашистских захватчиков.

Слава героям Советской Армии!»

«Яско-Кишиневская операция по окружению немецких войск,— писала в сентябре 1944 года газета «Правда»,— одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне»...

Узкая, обрамленная цветами лесенка поднимается на самый гребень горы к танку, возвышающемуся на бетонном постаменте. Неизвестный поэт посвятил ему эти строки:

Круша врага дорогами войны,
Входя в легенду подвигом сыновним,
Достиг он первым рубежей страны
И здесь навечно установлен.

25 лет оставалась эта «стальная крепость» под холодными волнами Прута. Осенью 1969 года, когда молдавский народ отмечал четверть века со дня своего освобождения из-под ига фашистских захватчиков, танк взошел на пьедестал.

Кто же они, герои «стальной крепости», первыми дошедшие до западной границы Родины? В чем заключался их подвиг? Жив ли кто-нибудь из них?

На торжественной церемонии открытия памятника не присутствовал ни один из членов экипажа. Предполагалось, что пали все, сраженные вражескими пулями.

— В танке нашли следы останков?— спросил я Григория Исидоровича Еремея, работавшего в те годы первым секретарем Котовского райкома партии и являющегося инициатором создания этого величественного мемориального комплекса.

— Нет. При вскрытии боевой машины обнаружили только ржавые гранаты, автоматы, гильзы...

— Выходит, люди не погибли? Если хоть кто-то из членов экипажа остался жив, я его найду. Непременно найду!

Поиск оказался непростым. Но зато — какая радость! Через восемь месяцев узнаю — командир танка живет и работает в Москве. Связались по телефону, договорились о встрече.

И вот он передо мной. Николай Дмитриевич Ольшанников, бывший командир танка, высокий, элегантный, поседевший. Рассказывает плавно, выразительно.

Последний школьный год стал для него первым годом войны. Окончив десятилетку, комсомолец Николай Ольшанников, коренной москвич, попросился на фронт: бить врага штыком, гранатами сметать его с родной земли.

— Хотим предложить тебе более мощное оружие,— сказали ему в военкомате.

И отправили осваивать искусство танковых боев.

Весной 1944 года, когда наши доблестные воины, гремя врага, достигли Днестра, младший лейтенант Николай Ольшанников прибыл в 7-й механизированный корпус, который уже две недели вел ожесточенные бои в районе Пугачен.

Когда остальные рода войск надежно укрепились на Шерпенском плацдарме, наши танки отступили за реку по направлению к селу Ташлык и исчезли бесследно. Фашистские генералы ломали головы над планами советского командования. Снять с позиций танки, к чему бы это? В августе на немецких трофейных картах в квадрате, в котором располагался когда-то 7-й механизированный корпус, стоял вопросительный знак. Так и не смогли узнать враги, с какой стороны поджидает их удар.

А между тем советское танковое соединение перешло Днестр близ Резины и замаскировалось в Шолданештских лесах.

— До сих пор мы воевали в степных условиях,— объяснил полковник Копиенко личному составу своего подразделения.— А теперь впереди пересеченная местность, покрытая лесами, испещренная оврагами, много крутых спусков...

И начались усиленные учения, такие, что не выдавалось ни одной свободной минуты, хотя многие танкисты располагали богатым опытом, накопленным в битвах под Сталинградом, Курском, Корсунь-Шевченковым. Воины четко и быстро выполняли все приказы и распоряжения. Не отставал от товарищей по оружию и Николай Ольшанников. Как командир танка, он обучал и тренировал свой экипаж, готовясь к грядущим напряженным

боям. Три месяца день за днем проходили танкисты эту школу мужества.

Накануне Яско-Кишиневской операции «стальные крепости» были незаметно переброшены в лес на Кицканском плацдарме.

Перед боем комиссары зачитали в частях и подразделениях пламенный призыв, Обращение Военного совета к красноармейцам:

«Боевые товарищи!

Перед нами родная Советская Молдавия. Вперед — на Кишинев! Вырвем из фашистской неволи столицу Молдавии. Мы идем по пути наших великих предков. Не раз в прошлом видели эти места славных русских солдат и полководцев. Бывали здесь Петр Первый и Румянцев, Суворов и Кутузов. Теперь мощной поступью здесь идет Красная Армия по пути к полному разгрому ненавистного врага...»

«...Ровно в 8 часов утра 20 августа земля содрогнулась от залпа тысяч орудий,— пишет в своих мемуарах бывший командарм 37-й армии, генерал-полковник, Герой Советского Союза М. Н. Шарохин.— Одновременно с артиллерией на передний край гитлеровцев обрушила удары наша авиация. Рев самолетов, грохот орудий, разрывы снарядов и бомб — все это слилось в один неумолчный, нарастающий гул. Черная стена разрывов поднялась над вражескими окопами. Через 55 минут после начала артподготовки мы перенесли огонь в глубину обороны. Но это был обманный маневр...

Наши пехотинцы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь, который обычно предшествует атаке, и подняли над окопами искусно сделанные чучела, на которые для убедительности были надеты каски. Дружно прогремело «ура!». Уцелевшие после артобстрела гитлеровцы вылезли из блиндажей и нор, изготовились к отражению атаки.

Тогда командующий артиллерией фронта генерал М. И. Неделлин вновь изменил направление огня, и вражеские траншеи вторично накрыл уничтожающий шквал. Как потом показывали пленные, в эти минуты гитлеровцы понесли наибольшие потери.

В 9 часов 45 минут наша пехота поднялась в атаку. Вместе с нею пошли танки сопровождения, а вскоре на

командный пункт армии поступили первые донесения: «Линия вражеской обороны прорвана!»*

Поздно вечером командир корпуса генерал Ф. Г. Катков радировал в штаб армии: «Пройдено 50 километров. Нахожусь севернее Чимишлии. Продвигаюсь с боем к реке Прут».

Танк Николая Ольшанникова громил врага под Каушанами и Чимишлией. А через сутки он спускался с пологого холма, усыпанного садами и виноградниками, к Леушенам, молниеносно пересек село, разбрасывая подводы и машины врага, запрудившие шоссе. Охваченные паникой, фашисты разбегались в разные стороны, прятались на огородах, залезали в болота и топи на берегу Прута. Появление советских танков было для захватчиков столь неожиданным, что они с перепугу потеряли даже способность мыслить.

На противоположной стороне села стальной богатырь смял вражескую пушку и с разбегу наехал на телеграфный столб, который, падая, задел верхний люк и сорвал его с петли. Люк сразу же запрыгал и застучал. Механик Владимир Болотов резко затормозил.

— Проволокой прикрутить, что ли?— спросил он раздраженно.

— Да ну его!— ответил Николай Ольшанников.— Времени в обрез. Так можем потерять инициативу.

Заметив, однако, протянутые у дороги линии связи, командир сделал знак остановиться. Захватил плоскогубцы, выскользнул через нижний люк, добрался попластунски до кабеля и искромсал его.

— Побеседуйте с преисподней!— проговорил Николай и добавил для ясности еще пару весомых солдатских эпитетов.

Экипаж получил приказ не задерживаться. «Спешите завладеть переправой через реку!» Набирая скорость, Т-34 устремился вперед. Соскочивший с петли люк производил невообразимый шум.

По обе стороны шоссе, ведущего к мосту, рос густой ивняк — прекрасное укрытие для метателей противотанковых гранат. Страхуя машину, танкисты открыли огонь по кустарникам. Уничтожили два вражеских пулемета

* Сборник «В боях за Молдавию» (книга четвертая), изд. «Карта Молдовеняскэ». Кишинев, 1976, стр. 4—5.

Василий Исайкин в Сесенах.

Митинг, посвященный открытию памятника в селе Сесены. Выступает бывшая парашютистка партизанского отряда «Журналист» К. Р. Крикуненко-Овчаренко.

Родственники и бывшие партизаны у братской могилы в Сесенах.

Пионеры чтят имена и подвиги погибших героев.

Уголок боевой славы в Сесенской сельской школе.

Каларашский район. Село Сесены. По местам бывших сражений.

Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Н. А. Васильев выступает на торжестве по случаю открытия мемориального комплекса в Теленештах.

Амвросий Мазур — «Теркин» из Подоймцы — в первый день мира.

Амвросий Иванович Мазур среди односельчан.

Молдавское село Добруша Флорештского района. Август 1944 года. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (в центре) среди офицеров 7-го механизированного корпуса.

Екатерина Сорокович и ее спаситель Н. Ф. Семенюк.

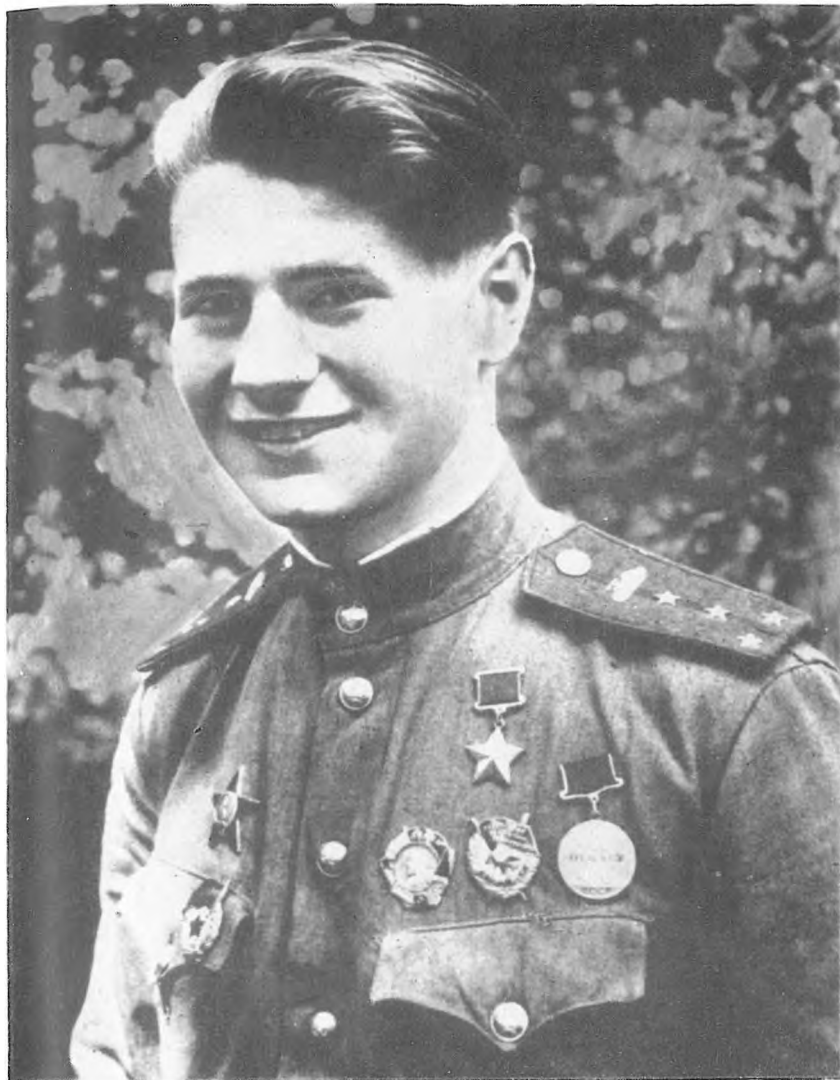
Поселок Слободзея. Август 1944 года. Командир 7-го механизированного корпуса, генерал-майор Ф. Г. Катков (на переднем плане, в центре) со своим штабом перед началом Яско-Кишиневской операции.

Экипаж «Леушенского танка» во время посещения Котовского района.

Бывший узник Бухенвальда Семен Шафир.

Владимир Бочковский. Снимок военных лет.

Герой Советского Союза В. А. Бочковский.

Монумент советским танкистам у села Яковлево на Курской дуге. Здесь подразделение В. Бочковского уничтожило 23 фашистских танка.

Владимир Бочковский (второй справа) среди фронтовых товарищей.

и наконец выскочили к мосту. Заминированная машина из железа и бетона взлетела в воздух, а танк с грохотом врезался в волны реки.

Придя в себя, Николай увидел, что вода сочится через все щели, проникает в танк через верхний люк... Он попытался приподняться. Когда вода дошла до рта, механик наполнил грудь воздухом и выскользнул через люк. Николай последовал его примеру. Выпрыгнув, они заметили, что нет заряжающего, которого в шутку называли «чижигом». Командир, вспомнив, что тот не умеет плавать, нырнул и вытащил его на поверхность.

Течением всех троих отнесло к опорам обрушившегося моста. Высоко над головой раздавались выстрелы, было видно, как снуют вооруженные автоматами враги. «Вот и пришел конец», — подумали танкисты. Но вдруг фашисты исчезли. Некоторые из них, сраженные пулями, упали с дикими воплями в воды Прута. Потом на мосту появился советский солдат.

— Эге-гей-й! — раздался над рекой его бас. — Остался кто в живых? Отвечайте!

В село вернулись на танке майора Бурменко, который подоспел на помощь. Жители села встретили их цветами, фруктами и виноградом.

Благодаря тому, что был разрушен мост, и умелому маневру танкистов враг попал в западню. В Леушенах были захвачены в плен тысячи фашистов, было взято в качестве трофеев большое количество техники и вооружения.

Вечером, когда опустилась мгла, несколько танков и автоматчиков из десантных соединений замаскировались у дороги. Они отвечали за село, трофеи и пленных. Остальные танки направились в сторону виноградников навстречу отступающим вражеским полчищам, которые рассчитывали перейти Прут, минуя Леушены. Притаившись в виноградниках, танкисты заняли боевую позицию. Но тут произошло непредвиденное. Отступающие под покровом ночи фашисты нарвались на наши танки, взобрались на них и стали стучать прикладами по броне. Лейтенант Николай Чухров связался по радиации в срочном порядке с командиром батальона Алексеем Бурменко, который остался в селе, чтобы допросить группу фашистских офицеров.

— Как нам быть, товарищ майор? Положение прямо-

таки критическое. Не можем избавиться от фашистов. — Откройте перекрестный огонь из автоматов и пулеметов! — последовал приказ. — Держитесь, пока подоспеет помощь.

Таким образом танки стали обстреливать друг друга. Пораженные пулями фашисты прыгивали как ошпаренные. «Стальные богатыри» умело маневрировали, крутились на месте, описывали невероятные виражи. Немцев охватил животный страх. Сотни из них уже не встретили следующее августовское утро. Остальные спаслись бегством.

А из Лапушнянского леса все шли и шли колонны отступающих врагов. Танки металась с одного участка на другой, закрывая им дорогу на территорию Румынии.

Геройски сражались Николай Ольшанников и Владимир Болотов, заменяя раненых в сражениях танкистов. На развилке у села Бужоры вражеским снарядом разбило гусеницу одного из наших танков. На экипаж, вышедший отремонтировать машину, набросилась целая стая врагов. Николай, который находился поблизости, превратил свою машину в настоящий «щит» и прикрыл танк товарищей.

— Я буду держать фашистов под огнем, — сказал он механику, — а ты помоги ребятам восстановить гусеницу.

Вскоре обе машины вновь устремились вперед, уничтожая врагов, загоняя их в лес.

Через день в Карпиненах разгорелась еще одна схватка. Около пятнадцати танков с черными крестами на броне в сопровождении броневиков, самоходных пушек, мотоциклистов, подвод и пехоты пытались во что бы то ни стало прорвать кольцо окружения. Долина реки Лапушна превратилась в арену ожесточеннейшего боя.

Николай Ольшанников, притаившись в кукурузном поле, взял на прицел «пантеру», которая возглавляла колонну. Когда она дошла до поворота, грянул выстрел. Стальное чудовище вздрогнуло и осталось гореть в клубах черного дыма. В целях маскировки Николай отошел за пригорок. А через минуту появился на другом участке. И снова выстрел. Еще один фашистский танк закружился, как скорпион, пытающийся сам себя ужалить.

Полдня продолжался диалог между нашими и вражескими пушками и пулеметами. Земля стонала от воя

канонады. Шальной снаряд срезал дуло пушки нашего танка. Но экипаж не покинул поле боя. Под прикрытием ив пробравшись по дну долины, танк смял вражескую батарею противотанковой артиллерии.

Между тем в Карпинены прибыли основные силы наступающих советских войск, артиллерия. Ни один оккупант не сумел выйти из окружения.

Когда бой уже утихал, вражеский снаряд пробил броню танка Николая Чухрова и взорвался внутри. Машина запылала. Механик Егоров остался без ног. Лейтенант попытался спасти товарища. Задыхаясь от дыма, Чухров вытащил друга из танка. Но не успел он его уложить на нежно зеленеющую траву, как в него самого угодила осколка.

Подосел Николай Ольшанников. Он увидел Чухрова мертвым, а около Егорова все увеличивалась кровавая лужа.

— Пристрели меня, Коля! Зачем всю жизнь мучиться, — простонал механик, изнемогая от боли.

Николай сорвал с себя рубаху и пытался помочь другу.

— Терпи, брат, — приободрял он его, — сейчас подоспеют санитары, и все будет в порядке. Вот посмотришь, мы с тобой еще доживем до дня Победы.

Но Егорову не посчастливилось увидеть Знамя Победы, водруженное над Берлином. Он скончался на руках у санитаров. Вместе с другими танкистами, погибшими в этом трудном бою, он был похоронен под развесистыми черешневыми деревьями. Боевые друзья сплели венок, почтили память автоматным залпом и поклялись отомстить заклятому врагу.

Своим мужеством, бесстрашием, любовью к социалистической Отчизне советские солдаты заслужили священное право войти в летопись легендарных подвигов и побед. Рядом с русскими, украинцами, белорусами, латышами, грузинами, узбеками, рядом со ста национальностями нашей необъятной Родины за свободу и независимость родной земли, за родную хату, за мать и красавицу невесту храбро сражались и наши земляки. Только в составе 2-го Украинского фронта летом 1944 года воевало около 10 тысяч сынов молдавского народа.

Участь горе-завоевателей и в этом седьмом уничтожающем ударе Советской Армии была предreshена. Убе-

дившись в неизбежности катастрофы крупной группировки фашистских войск, начальник германского генерального штаба Гудериан, битый еще в сорок первом под Тулой, в ночь на 22 августа приказал 6-й немецкой армии отходить с боями и занять линию обороны за рекой Прут. Но было уже поздно. В огненном котле советских войск оказались почти триста тысяч гитлеровских вояк. За несколько дней боев было взято в плен 208.600 солдат и офицеров, в том числе 24 генерала, огромное количество вооружения и техники. Позже гитлеровский генерал Ганс Фриснер в своей книге «Програнные сражения» будет вынужден признать, что «советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично».

Калейдоскоп событий сменялся с невероятной быстротой. Лаконичные, но объемные строки приказов, фронтовых донесений, газетных информаций и репортажей с боевых позиций, а также о первых наступивших мирных буднях сохранили для истории напряженность и стремительность этих дней.

«Сегодня, 23 августа, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами Бендеры и Белгород-Днестровский, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин
«Правда», 1944, 24 августа.»

«Сегодня, 24 августа, в 22 часа Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го и 2-го Украинских фронтов, овладевшим г. Кишинев, двадцатью четвертьями артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин
«Правда», 1944, 25 августа.»

«Доношу, что 27 августа 1944 г. для гражданского населения с. София Котовского района силами кружка красноармейской художественной самодеятельности полка дан концерт, на котором присутствовало до шестисот человек гражданского населения и военных. Концерт прошел успешно.

Зам. командира полка по политчасти
подполковник *Кулешов.*»

«В освобожденном городе приступили к работе партийные и советские организации. Уже на другой день после освобождения начала работать почта. Первые письма отправлены в родную Москву, Ростов-на-Дону и другие города. Открылось несколько киосков. 25 августа получены первые газеты «Правда», «Известия», а также журналы и политическая литература. После трех лет оккупации трудящиеся молдавской столицы с неописуемой радостью услышали радиопередачи из родной Москвы.

С каждым днем в освобожденном Кишиневе налаживается нормальная трудовая жизнь.

А. Смольнов (спец. корр.).
«Советская Молдавия», 1944,
2 сентября.»

«Работы по разминированию территории Молдавской ССР проведены досрочно и сданы местным органам Советской власти по актам.

Разминировано и проверено площадей на мины — 4 504 кв км, разминировано и проверено дорог на мины — 1 286 км. Снято и подорвано мин разных систем — 237 398 шт. Собрано и подорвано боеприпасов — 31 097 шт. Разминировано минных полей — 919.»

ПА ИИП при ЦК КП Молдавии,
ф. 51, оп. 2, д. 22, л. 11. Подлинник.

«На 20 октября 1944 г. отделами народного образования учтено 3 475 детей, оставшихся без родителей. Из них 1 275 подлежат охвату детскими домами и 1 200 детей патронированию.

В текущем году запланировано открыть 10 детских домов с контингентом детей в 1 200 человек.

Нарком просвещения
Молдавской ССР
(В. Радул.)»

«За август и сентябрь 1944 г. городскими, уездными и районными отделами гособеспечения выдано пособий 4413 семьям 942 222 руб., пенсий — 54 562 руб.

Секретарь ЦК КП(б)
Молдавии
(Н. Сологор)»

«По приказу Народного комиссариата здравоохранения СССР т. Мижерова лечебные учреждения, медицинские и научно-исследовательские институты Москвы выделили 15 медиков — руководителей бригад для поездки в Советскую Молдавию в целях организации медицинского обслуживания населения.

«Молдова Социалистэ»,
30 ноября, 1944.»

«Организовано Республиканское художественное училище в г. Кишиневе с охватом 32 учащихся, музыкальная 10-летка с охватом 115 учащихся. В республике создаются 3 музыкальные семилетки в городах Сороки, Тирасполь, Бендеры.»

Из докладной записки
Управления по делам
искусств Молдавской ССР
5 декабря 1944 г.»

«Восстановлена центральная библиотека с книжным фондом около 20 тыс. книг, из них 6 000 получено из Москвы.

Зам. наркома просвещения
Молдавской ССР
(Губская)»

«С момента освобождения нашей республики от ненавистного врага проделана большая восстановительная работа. Вновь введены в строй около 100 машинно-тракторных станций и МТС. Союзное правительство оказало республике серьезную помощь тракторами, оборудованием, запасными частями, инструментом. Сейчас в колхозах и селах широко развернулась подготовка к весне.

«Советская Молдавия»,
26 декабря, 1944.»

В ходе Ясско-Кишиневской операции около 20 тысяч солдат, сержантов и офицеров, а также 66 частей и соединений были награждены орденами и медалями. Более

150 частей и соединений удостоились почетных наименований, 26 из них — «кишиневских». За мужество и героизм, проявленные в боях за Молдавию, 153 воина — представителя тринадцати национальностей нашей Родины — удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

По окончании Ясско-Кишиневской операции Николай Ольшанников беспощадно громил фашистов под Бухарестом и на просторах Болгарии, у озера Балатон и на узких, извилистых улочках чехословацкого города Брно. Завершил он свой славный боевой путь на берегу Тихого океана, в Порт-Артуре. За мужество, проявленное во время Ясско-Кишиневской операции, Ольшанников был награжден орденом Красной Звезды.

— Жив ли еще кто-нибудь из экипажа танка, установленного на постаменте у Леушен?

— Механик Владимир Болотов живет и работает в Ленинграде, — отвечает на мой вопрос Николай Дмитриевич. — А заряжающий пал в 1945 году во время освобождения Чехословакии.

Узнав, что два члена экипажа остались живы, тут же заказываю из Москвы телефонный разговор с Котовском, спешу сообщить отрядную новость.

— Это же здорово! — в трубке раздается взволнованный голос. — Пригласите их от нашего имени в Молдавию, на праздник 9 мая.

«Я механик-водитель танка, установленного ныне памятником в Леушенах, — писал мне из Ленинграда Владимир Болотов. — Это был не просто линейный танк. Эта машина являлась одновременно танком командира роты старшего лейтенанта Леонида Штарева, родом из города Горького. Командиром машины был младший лейтенант Николай Ольшанников.

В Леушенах завязался жестокий кровавый бой. Мы подбили немецкий танк, который загорелся как факел, подавили много техники и живой силы противника. Вдруг увидели мальчика, лет пяти-шести, в одной ночной рубашке. Плачет, испугался, не знает, куда деваться. Чтобы уберечь его от пуль и осколков, взяли мальчика в танк. Но, подходя к первому мосту, что сразу за селом, увидели, что мост заминирован. Остановили машину. Пока командир танка и заряжающий занялись разминированием моста, я дал мальчику пару кусочков сахара и

отправил домой. Потом я столкнул своим танком горячий немецкий танк в кювет, чтобы освободить подход нашим боевым машинам, которые следовали за нами. Проехали первый мост, второй, а третий, на реке Прут, оказался для нас роковым...

После войны долгое время я работал на Кировском заводе в Ленинграде. Сейчас на пенсии, по болезни.»

Весной 1970 года по приглашению Котовского РК КП Молдавии Николай Ольшанников и Владимир Болотов, члены экипажа танка №377, что возвышается ныне на постаменте, а также Алексей Бурменко, бывший командир танкового батальона, побывали на родине легендарного героя гражданской войны, в местах, где они мужественно сражались. Хлебом-солью, чаркой доброго вина, цветами встретила молдавская земля дорогих гостей.

На этой волнующей встрече не смог присутствовать Василий Антонович Сергеев, ветеран 7-го механизированного корпуса.

Он прислал из Москвы письмо:

«Уважаемые товарищи!

От всей души благодарен вам за внимание и приглашение на праздник. Всем сердцем побывал бы у вас, но как раз сердце меня и подводит. Врачи запретили и дальние поездки, и солнце. 25 лет тому назад я еще бегал по вашей прекрасной земле и вдыхал аромат цветов, да вот теперь стал стар. Мне ведь уже 82 года, и сейчас я только вспоминаю суровые дни уничтожения фашистов на молдавской земле. И еще: с вашей землей я сроднился навеки. Пусть мой сын, чей прах навечно остался в вашей земле, присутствует незримо на празднике, а его танк, установленный в Тирасполе, охраняет ваш мирный труд.

Обнимаю весь ваш народ и благодарю за память обо мне.

28.IV-70 г.

В. Сергеев».

9 мая группа допризывников на открытой машине привезла из Кишинева, с кладбища воинов, павших при освобождении столицы Советской Молдавии, горящий

факел. Совершив круг почета в присутствии многотысячной массы людей, машина остановилась перед дорогами гостями. Николай Ольшанников, Алексей Бурменко и Владимир Болотов, которым торжественно вручили горящий факел, направились к центру площади и зажгли огонь человеческой признательности. На состоявшемся митинге выступали герои минувших сражений.

— 1944 год был особым в Великой Отечественной войне,— сказал Алексей Давыдович Бурменко.— Он ознаменован рядом крупных военных операций. Яско-Кишиневской операции придавалось очень большое значение. С нею было связано решение важных политических и военно-стратегических задач. Победа в этой операции означала для нас прямой путь на Балканы.

Наша танковая гвардейская бригада (звание гвардейской она получила еще под Сталинградом) была введена в прорыв, чтобы, уничтожив врага на этом участке фронта, выйти к государственной границе. Мы три года ждали этого часа. И осуществили эту задачу, хотя потеряли на земле Молдавии много лучших наших товарищей.

Экипаж танка, которым командовал Н. Д. Ольшанников, шел в голове колонны. На него мы возлагали большие надежды. И не ошиблись. Даже под водой танкисты продолжали мужественно сражаться...

В тот же вечер в Котовске состоялось факельное шествие, во время которого молодежь города дала клятву на верность Родине, участвовала в театрализованном представлении «Ратный путь советского солдата».

Бывшие танкисты посетили село Леушены, побывали у памятника-танка и на местах бывших сражений, возложили венки к могиле Неизвестного солдата. А. Д. Бурменко, Н. Д. Ольшанников и В. С. Болотов были растроганы, когда им сообщили, что отныне они являются почетными гражданами Леушен. Долго стоял у подножья монумента Владимир Болотов:

— Вот мы и встретились, дружище!—и рука медленно скользила по прохладной вороненой броне.

«Как хорошо и тепло встретили нас на родине легендарного героя гражданской войны Г. И. Котовского,— писал в те дни на страницах районной газеты «Заря коммунизма» Н. Д. Ольшанников.— Сердечная благо-

дарность вам за эту теплоту. В Москве приходилось не раз встречаться с вашими земляками. Они много рассказывали о том, как преобразилась молдавская земля. Но то были только слова. Сейчас мы воочию убедились в этом: Советская Молдавия процветает в семье братских народов. Во всем ощутимы плоды вашего труда. Мы увидели, как живут и трудятся работники сельского хозяйства. Вот за эту счастливую жизнь и сложили голы многие наши боевые товарищи».

Память о героях, павших в боях, живет в сердце каждого из нас. А это значит, что она бессмертна. Ибо подвиги срока давности не имеют. Красные гвоздики на братских могилах, на постаментах памятников героям — это дань уважения нашей доблестной и славной Советской Армии.

БУХЕНВАЛЬДСКИЙ НАБАТ

Их познакомил случай. Как-то летним жарким днем оба спустились к Днестру — на пляж. Москвич, которого привело в Тирасполь желание позагорать, покупаться, носил темные очки, бумажную треуголку и не расставался с транзисторным приемником. Семен Шафир, из местных, высокий, с вьющимися волосами и лицом, опаленным порохом, принес шахматную доску.

— Товарищ, извините... Может, сыграем партию?

— С удовольствием! — ответил москвич.

Он настроил транзистор, подсел к доске и сделал первый ход. Приемник заиграл. Поначалу мелодия была тихой, но с каждым тактом она крепла, становилась мужественней. Семен поднял пешку, и его рука застыла в воздухе. Лицо его стало печальным и задумчивым.

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.

Песня проникала в душу, бередила уже зажившие раны. Память воскресила кошмары фашистского лагеря: колючую проволоку заграждений, дымящиеся трубы крематориев, горы трупов, зловещие лица палачей, осененных свастикой. В ушах раздавался колокольный звон, леденящие душу крики, стрельба, остервенелый лай собак.

Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги, к ряду в ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.

Заметив возбуждение партнера, москвич выключил приемник.

— Ваш ход!

Семен вздрогнул и, как бы проснувшись от кошмарного сна, переспросил:

— Мой? Извините...

— Пожалуйста, пожалуйста...

Игра продолжалась, и под конец москвич спросил:

— А где вы воевали, вижу, у вас все тело в шрамах?

— В Бухенвальде...

Перед москвичем сидел один из тех, кто закованный и голодный, измученный и униженный, прошел через все круги фашистского ада.

— Спасибо офицеру Бакланову,— молвил Семен Борисович.— Иначе не быть бы мне сегодня на пляже. Он вырвал меня из когтей смерти, и не однажды.

Согнувшись как бы под бременем воспоминаний, он помолчал, затем добавил:

— Мы вместе бежали, вместе сражались в отряде чехословацких партизан. Буквально за несколько дней до соединения с регулярными частями Советской Армии мы потеряли друг друга. И вот столько лет я ищу его и никак не могу найти. Если бы вы только знали, сколько сделал этот человек для меня, для всех узников лагеря смерти!

Москвич придвинул поближе одежду и, достав из кармана блокнот, стал что-то записывать.

— Ваш адрес?— обратился он к тираспольчанину.— В Москве я думаю связаться с Комитетом ветеранов войны и хоть что-то разузнать о Бакланове. Вдруг найдем...

Тронутый вниманием партнера, Семен Борисович подробно описал внешность своего боевого товарища, вплоть до мелочей— словом, рассказал все, что знал о Бакланове.

— Я буду вам очень признателен,— поблагодарил нового знакомого Шафир, хотя в глубине души он не верил, что поиски увенчаются успехом.

Примерно через месяц после отъезда москвича Семен Шафир получил письмо. Читал и не верил глазам своим.

«Бакланов Степан Михайлович, заключенный № 7029, руководитель военного сектора Международного антифашистского комитета концентрационного лагеря в Бухенвальде, в настоящее время является заместителем начальника строительной организации в городе Анзеба Иркутской области».

Обуреваемый чувством неопишуемой радости, Семен Борисович тут же стал строчить письмо другу, товарищу по борьбе и несчастью. «Вспомнит ли Бакланов обо мне,— размышлял он,— о тираспольчанине, которого в лагере называли Шоферовым? Что же ему написать, с чего начать?»

Семен Борисович задумался. Из глубин памяти выплывали страшные картины, оставившие неизгладимые шрамы в сердце.

...Ночь прошла в форсированном марше. Тяжесть амуниции изнуряла. Но маневры близились к концу. Где-то под Минском их ожидал желанный привал. Там были походные кухни, спортивные площадки, манящая гладь озера. Но отдых так и не наступил. Рано утром 22 июня 1941 года пехотный полк, в котором комсомолец Семен Шафир был заместителем политрука роты, повернул на запад и прямо с марша вступил в бой.

Черными тучами обволокли злые времена наши города и села. Советские войска мужественно защищали каждую пядь родной земли. Но враг наступал взбесившимся зверем. Полк, в котором служил Семен Шафир, попал в окружение. Солдаты храбро сражались, пытаясь любой ценой вырваться из огненного котла. Целый месяц штыком и гранатой прокладывали они себе путь на соединение со своими.

В начале августа Семен собрал остатки роты и повел ее в атаку. Неся огромные потери, немцы подались назад. До наших оставалось всего лишь несколько километров. И вдруг взрывная волна швырнула Семена на землю. Он потерял сознание. Открыв отяжелевшие, свинцовые веки (он потерял много крови), Семен увидел рядом двух фашистов с автоматами на груди. Свершилось худшее: он попал в плен. Немцы явно что-то замыслили.

— Кончай на месте, что с ним возиться!— бубнил один.

— Что ты, сначала надо допросить. Не видишь, что ли: он при знаках различия?— запротестовал второй.

Семен протянул руку к кобуре, но она была пустой. «Сволоочи,— подумал,— успели забрать».

— Встать!— один из охранявших направил автомат.

Семен попытался подняться, но осколок в спине не позволил этого сделать.

Фашисты остановили машину, бросили его, как мешок, в кузов и отправили в белорусский город Дзержинск, в лагерь для военнопленных. Какой-то советский офицер заботливо вытащил осколок, и стало легче дышать. Вскоре тираспольчанин бежал, но обессиленный, упал недалеко от лагеря. Фашисты подобрали его и поволокли обратно в лагерь.

Офицер, извлекая осколок, ежедневно делился с Семеном скудным пайком, перевязывал, помогал, как мог. Позже, когда они сошлись поближе, Семен узнал, что юного лейтенанта зовут Степан Бакланов. До войны был учителем, владел несколькими иностранными языками. Имел глубокие знания в самых различных областях. Весной 1941 года Бакланов стал кандидатом в члены партии. Но в день, когда ему вручили билет, лейтенант не полагал, что его кандидатский стаж продлится... 18 лет...

В плену Бакланов вел себя мужественно. Порой он даже что-то тихо напевал. У него не было хорошего голоса, и пел он, чтобы хоть как-то приободрить остальных.

В сентябре фашисты отобрали 1200 военнопленных и вывели их за пределы лагеря. Под усиленной охраной со сторожевыми псами пленники, голодные, мучимые жаждой, с перевязанными ранами, еле волочили ноги по пыльным проселочным дорогам. Было ясно, что их гонят в рабство, в Германию. Дорога казалась бесконечной. Свора палачей шла за колонной. Отстающих пристреливали и бросали в придорожные канавы. Семену казалось, что сейчас он упадет в пыль и больше не встанет. Но Бакланов его поддерживал, не давал отстать.

Из 1200 пленных до Германии, до Мозбурга, дошли около 400. Что их ожидало впереди?!

В Мозбурге Семена определили в санитарную команду. Он не разбирался в медицине, но товарищи подсказывали не подавать виду. Ведь там, в лазарете, были шансы залечить рану.

Ежедневно пленных ждал тяжелый, рабский труд. В день 7 ноября некоторые советские военнопленные отказались выйти на работу. За это им грозила смертная казнь. Чтобы спасти товарищей, Семен обратился к врачу и перевел их в «санитарный барак». Но комен-

дант лагеря догадывался, что это за «болезнь». И вечером явился лично мерить температуру.

— Что делают здесь эти бездельники?!— кричал он.

— Они больны, не могут работать,— попытался Семен убедить его.

— Саботировать,— не унимался комендант.— Всех вон!

Фашисты набросились на узников, избивая их дубинками. Били по рукам, по головам, не разбирая. Семена перевели в барак для смертников, потащили на допрос. Никому еще, кого туда направляли, не удавалось выжить. «Допрос» вели семеро палачей.

— Кто организатор саботажа?— металлическим голосом спросил один.

Семен не проронил ни слова.

— Кто?!— взорвался другой.

И снова молчание.

Тогда палачи набросились на него, как хищные птицы на беззащитную жертву. Истязали жестоко — избивали, прищемляли пальцы дверью, пробивали подошвы штыком, вонзали иглы под ногти. Но Семен продолжал молчать. Когда терял сознание, изверги окатывали его ледяной водой, и пытка начиналась снова. Фашисты покинули застенок далеко за полночь, когда Семен лежал полумертвый.

Рискуя жизнью, Бакланов пробрался через окно и вытащил окровавленное тело Семена. В бараке ему сделали искусственное дыхание, перевязали кровоточащие раны. Постепенно Семен пришел в себя.

Несмотря на зверские пытки и издевательства, пленные одержали большую победу: им удалось отпраздновать годовщину Октября в драконовских условиях фашистского лагеря.

На второй день поутру, найдя застенок пустым, палачи всполошились. Вместе с Баклановым и другими пленными, которые отказались работать 7 ноября, Семен был переведен в лагерь смерти Бухенвальд.

«Фабрика смерти», как называли этот чудовищный лагерь, располагалась у подножья горы Етерсберг, недалеко от города Веймара. С 22 сторожевых вышек днем и ночью за бараками велось наблюдение. Через колючую проволоку, которой была ограждена территория лагеря, был пропущен электрический ток высокого

напряжения. Охрану несла знаменитая девизия «Мертвая голова». В Бухенвальде томились узники из разных стран. Из труб крематориев круглые сутки валили густые клубы дыма, застилавшие поднебесье. Крематории, это дьявольское порождение гитлеризма, ежедневно пожирали тысячи жизней.

Советские военнопленные Степан Бакланов, Семен Шафир, Николай Кюнг, Ефим Стебенков и другие перешагнули порог этого царства смерти в феврале 1942 года, когда фашистский террор вступил в новую кровавую фазу. Они находились здесь не день, не месяц, а долгих три с лишним года. Три года непосредственного контакта со смертью! Заточенные там люди теряли все, даже имя, которое заменялось номером. В этом заключался «новый порядок», который гитлеровцы пытались установить на земле: человек должен превратиться в нумерованного раба. Не более.

На груди Семена рядом с номером был пришит красный треугольник — знак политзаключенного, и буквы «SU» (Совет Унион).

Пища узников состояла из брюквы и капусты.

— Чем кормили вчера?

— Капустой.

— Значит, сегодня будут давать брюкву.

Эта горькая шутка частенько звучала в лагере.

Болезни и голод уносили жизни тысячами. Казалось, идет жестокое соревнование с крематорием. Семен, когда-то здоровый, статный парень, весил всего лишь 45 килограммов. Люди постепенно превращались в живые скелеты.

Уничтожая население Европы, помимо новейшей техники, фашисты прибегали и к самым варварским методам, которые когда-либо знало человечество. Очень показателен в этом отношении следующий эпизод, описанный в книге «Палачи Европы», выпущенной в Москве в 1945 году. Гитлеровец по имени Хипген, который «служил» в лагере смерти Маутхаузене, приказывал узникам строиться на плацу, вызывал наугад одного из них, приказывал раздеться догола, связывал по рукам и ногам и укладывал в заранее приготовленный гроб. Затем ставил на живот жертвы опрокинутое ведро, в котором находилась крыса. Когда крыса перегрызала живот и пожирала внутренности жертвы, «сверхчеловек»

Хипген блаженствовал. Не случайно гестаповский ад в Маутхаузене был тогда переименован в «Мордхаузен», что означает дом убийства.

Подобное мог рассказать и Семен Шафир. Садисты из Бухенвальда, эти человекоподобные звери, имели свои излюбленные методы издевательства. Они подвешивали узников за руки и за ноги, избивали дубинками. Как правило, их жертвы оставались парализованными. Их бросали заживо в печи крематориев. В печи, которые дымились зловещими черными облаками из края в край оккупированной и поруганной Европы. Страшные перевертыши, ублюдки висельников и волков, творя свой презренный людями и историей «новый порядок», с одинаковой жестокостью, о которой даже не смел помышлять пресловутый граф де Сад (от имени которого пошло понятие садизм), бросали в огнедышащие жерла ада не только пленных или бойцов, но и женщин, и стариков, и детей.

«Сначала мы шли полем, потом — лесом, — вспоминает с болью Катя Жачкина из белорусского города Бегомль. — Посреди него, недалеко от дороги, увидели костер, на котором немецкие палачи сжигали детей. Они хватили детей и, как дрова, бросали в огонь. Слышались крики:

— Мамочка, спаси!

От этих криков становилось жутко. А палачи не обращали на них никакого внимания.

На опушке леса мы увидели крематории — большие, похожие на фабрику строения с высоченными круглыми трубами. Из труб вырывались клубы серого дыма, иногда окрашенного пламенем. Стоял страшный смрад. Пахло гарью. Мы догадались, что попали в лагерь, где сжигали людей.

Когда я первый раз увидела вырвавшееся из трубы пламя, я крикнула:

— Мамочка, пожар!

Моя подруга, Миля Янушковская, которая шла рядом, сказала:

— Катя, нас, видно, тоже сожгут на костре.

Крематорий был окружен колючей проволокой. Нам приказали остановиться. Три часа мы стояли, не двигаясь. Потом к нам подошел толстый пожилой немец-эсэовец и приказал всем раздеться. Люди не хотели. Не-

мец повторил приказание. С криками и плачем женщины и дети начали снимать одежду. Тех, кто медлил, немец бил палкой. Многие, еще не веря, что их гонят на смерть, связывали свою одежду в узелки и клали сбоку, выбирая место получше.

Когда все разделись, нас построили в колонну по одному и приказали идти. Мы вошли в сырое и темное, без окон, помещение. Стены и пол были из цемента. Холод обжигал ноги, стало еще страшней. Я с ужасом подумала: «Сейчас конец, и я больше ничего на свете не увижу».

Пройдя одну комнату, мы вошли в другую. Здесь женщинам стали обрезать волосы и бросать их в кучу. Таких куч было несколько.

В третьей комнате две немки в черных халатах смазывали всем головы какой-то вонючей жидкостью. Потом по одному мы стали заходить в помещение, где была печь крематория. Перед входом стояло большое крыто с какой-то густой слизью. Каждый из нас должен был смочить ею ноги до колен.

В комнате горела одна малюсенькая лампочка. Когда мы с Милей вошли, мама взяла нас за руки. Она вошла раньше и ждала нас у дверей. Я крепко прижалась к маме. Когда комната оказалась битком набитой людьми, двери за нами закрылись. Поднялся страшный плач. «Скорей бы конец», — сказала мама.

Вдруг я почувствовала, как пол под нами задвигался и стал наклоняться. Внизу, сбоку мы увидели огонь — это и была печь крематория. Люди, стоявшие с краю, с криком падали вниз. Мы тоже не могли удержаться на скользких ногах и начали скатываться к печи.

Но в этот момент произошло такое, чего никто не ждал. Пол начал подниматься. Когда он выровнялся — открылись двери и вошли комендант и тот самый немец, что заставлял нас раздеваться.

Из их разговора мы поняли, что произошло: немцы перепугали эшелоны. Нас облили холодной водой, которая лилась откуда-то сверху. У некоторых женщин так пересохло в горле, что они стали с жадностью глотать эту холодную грязную воду. Нас вывели на противоположную сторону двора, построили в шеренгу и приказали ждать, пока подадут одежду. Через час ее привезли на вагонетках, и мы начали одеваться. Женщи-

нам дали только по летнему платью. Мне досталось порванное белое платье, которое было мне до пят. Затем по одному мы подходили к немке, которая кисточкой ставила на плечах красный знак умножения («штрайфа»).

В особой комнате нас всех осмотрели и каждому поставили клеймо. У меня на левой руке, ниже локтя, был выколот номер 79.645...

На рассвете я проснулась от крика: «Апель!» Нас выгнали из блока и построили по десять человек. С трех часов ночи до десяти утра мы неподвижно стояли под открытым небом. Это было очень тяжело. Многие от холода и голода падали. Некоторые тут же умирали. После обеда, с четырех до одиннадцати вечера, опять «апель» — мучительное стояние на одном месте. И так каждый день.

Когда кончился карантин, женщин стали гонять на работу. Недалеко от лагеря был пруд. Немцы заставляли заключенных залезать в этот холодный пруд и ведерками переливать воду в канаву, а потом из канавы снова в пруд. За малейшее неповиновение избивали. Одна девчонка, Вера, принесла пачку папирос. Немцы ее обыскали, нашли папиросы и приказали их съесть. Вера съела несколько штук, а все не могла. Тогда ее избili и поставили коленями на острые гвозди...

В Освенциме я пробыла больше года».

Дети, выстроившиеся под дождем, за ограждением из колючей проволоки. Дети под острием штыка. Раздетые, окоченевшие, изнуренные голодом и болезнями. Дети во власти псов и палачей. Дети в прожорливой пасти крематориев. Их бессильными и полными отчаяния взглядами огненно взирает на нас война.

Я перечитывал исповедь нечеловеческих мучений, выпавших на долю Кати Жачкиной, и перед глазами встали унылые и зловещные вышки, высокие ограждения из колючей проволоки, ужасные дымоходы крематориев в Дахау, в непосредственной близости от Мюнхена, которые мне недавно довелось видеть собственными глазами во время туристической поездки по ФРГ. К нему, к этому неземному аду присоединились впоследствии десятки, сотни «конвейеров смерти»: Освенцим, Бухенвальд, Равенбрюк, Заксенхаузен, Майданек, Тре-

блинка, Маутхаузен, Дора, Бельзек, Собибор... Сколько светлых умов, сколько возвышенных сердец испепелилось в топках «фабрик смерти»!

Разве не был зловещ тот факт, что действие новых медицинских и химических препаратов проверялось непосредственно на людях, на заключенных? наших матерей, жен, сестер превратили в подопытных кроликов. Вот фрагмент переписки фирмы «Байер» с комендантом освенцимского лагеря:

«Мы были бы вам благодарны, если бы вы в связи с предположенными опытами для испытания нашего нового снотворного средства отдали в наше распоряжение определенное количество женщин...»

«Мы получили ваш ответ. Цена 200 марок за одну женщину, кажется нам, однако, высокой. Мы предлагаем не выше 170 марок за голову. Нам нужно приблизительно 150 женщин...»

«Мы получили 150 присланных женщин. Несмотря на их истощение, мы признаем их подходящими. О ходе опытов мы будем вас уведомлять...»

«Опыты окончены. Все женщины умерли. Вскоре мы снесем с вами относительно новой поставки...»

Берешь в руки эти кровавые архивные материалы и задаешь себе вопрос: а разве такая «торговля» не превосходила самые черные страницы рабства? Подумайте только, жизнь человека оценивалась в 170 марок. Килограмм картофеля и тот стоил больше.

В фашистских лагерях смерти, в варварских застенках «гестапо» было подвергнуто пыткам, затравлено собаками, загублено, уничтожено газами, повешено, заживо сожжено в крематориях 12 миллионов мирных людей — количество, равное населению австралийского континента. По жестокости и размерам это преступление не имеет себе равных в истории.

Захватчики уничтожали «низшие народы», создавали «мертвые зоны», расширяли границы «тысячелетнего райха». Трагедия Лидице в Чехословакии, Орадура во Франции, Хатыни в Белоруссии потрясла все человечество. Только в Белоруссии, в этом легендарном партизанском крае, фашисты сожгли до тла и полностью уничтожили население шестисот деревень. Белорусский мальчик Гена Шиманович в сборнике воспоминаний детей огненных лет «Никогда не забудем»,

изданной в 1972 году в Минске, рассказывает об одной из этих человеческих трагедий:

«На рассвете к нам в Рыбцы приехало много немцев. Они оцепили деревню и стали жечь ее со стороны железной дороги. В тех, кто выскакивал из хат и пытался бежать, стреляли.

Мы тоже собрались было убежать. Мама даже связала в узлы одежду, немного еды. Но к нам зашла тетя Агапа, и мама стала советоваться с нею, что делать: бежать или переждать в подвале.

Тотчас же в хату вбежал немец с автоматом, представленным к животу. Тетя Агапа стояла возле печки, а мама сидела на скамье, у окна, и держала на руках моего младшего братика Петю, которому только-только пошел четвертый год. Ни слова не говоря, немец выстрелил в тетю Агапу. Пуля попала ей в живот. Тетя схватилась за живот рукой, повалилась на пол и крикнула:

— Стреляй, гад проклятый. Стреляй еще, чтобы не мучиться!..

Немец выстрелил во второй раз. Тетя Агапа вздрогнула и затихла. Тогда он наставил автомат в маму. Она не двинулась с места. Немец выстрелил и попал маме в плечо. Мама зашаталась и упала со скамьи на пол, прикрыла собой Петю.

Я сидел на печи и из-за трубы наблюдал за всем, что делалось в хате. Немец заметил меня, но не тронул. Мне было тогда семь лет и он, видно, подумал, что все равно я никуда не убегу.

Когда он вышел, мама шевельнулась и застонала. Я слез с печи и подбежал к ней. Увидев на плече у нее кровь, я заплакал. Петя тоже стал всхлипывать. Падая, мама прижала его рукой. Я осторожно приподнял руку и высвободил братика. Рукав его рубашки был в крови. Петя опасно оглянулся и подбежал к кровати. Я помог ему взобраться на печь.

— Сынок, дай мне воды,— попросила мама.

На скамье, возле печи, стояло ведро. Я схватил кружку, зачерпнул воды и подал маме. Она отпила несколько глотков.

Вдруг я услышал за дверью какой-то треск. Выглянул — в сенях горит солома. От нее занялась крыша. Пламя ползло по стенам, белый горький дым шел в ха-

ту. Я попробовал вытащить маму, но у меня не хватило сил.

— Что мне делать?— спросил я у мамы.

— Беги, сынок, спасайся,— сказала мама и тяжело застонала. Я побежал, а про братика-то и забыл.

Через дверь, охваченную огнем, я попал в сени, а оттуда— во двор. На гумне у нас стоял стожок сена. Я бросился к нему. Вокруг все горело. От жары снег таял, и вода хлюпала под ногами. Я был в лаптях, и ноги у меня промокли.

Фашисты заметили меня и стали стрелять. Тогда я начал бегать вокруг стога, чтобы они в меня не попали. Потом и эти немцы занялись тем же, чем и остальные: ловили коров, овец, свиней и бросали их на телеги. Людей нигде не было видно.

Когда уже вся деревня была в огне, немцы уехали. Я вышел из-за стожка и увидел соседей — Дроздовых. Они пытались потушить свою хату, но это им не удалось. Я подошел к ним.

— Возьмите меня,— попросил я.

— А где ваши?

Я сказал, что остались в хате.

— Беги в погреб!— махнула рукой старуха.

От деревни ничего не осталось, только кое-где догорали головешки. Мы обошли пожарище и направились к поселку, что был за железной дорогой. Там уцелело несколько хат. Мы зашли в одну из них. В хате было много людей: и здоровые, и раненые.

Назавтра вернулся с мельницы мой отец. И мы пошли в свою деревню. От нашей хаты остались одни уголья. Мы откопали косточки сгоревших мамы, тети Агапы и Пети, сложили в ящичек и похоронили на усадьбе, поближе к лесу.

После этого переехали в деревню Пережир. Когда пришла наша армия, отец пошел на фронт, а я остался жить у тети Матрены».

Трагедия одной семьи как бы вобрала в себя трагедию целой деревни, целого народа. А разве только одного народа?

«Совершенно секретно.

Высшему руководителю войск СС и полиции на Украине.

Необходимо добиться того, чтобы при отходе из райо-

нов Украины, особенно Донецкой области, не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен.

Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну.

Гиммлер».

Сколько городов и сел, сколько мирных поселений преобразились в холодные погосты! Только на территории Советской Молдавии оккупанты расстреляли, повесили, сожгли живьем 64 тысячи жителей, 47 тысяч людей были угнаны в неволю, 207 тысяч мирных жителей было подвергнуто пыткам и покалечено. Война унесла 20 миллионов жизней советских людей. И Родина-мать в великой скорби никогда не перестанет оплакивать тех, в чью светлую и вечную память не смолкает погребальный хатынский набат, неугасимо пылают вечные огни всенародной признательности в Москве и Ленинграде, Бресте и Минске, Волгограде и Курске, Киеве и Севастополе, в Керчи и Новороссийске, Туле и Одессе, в Кшишине и Тирасполе.

В тревожные годы войны заключенный лагеря смерти Семен Шафир не мог представить себе и тысячной доли тех мук и страданий, которые принес с собой фашизм. Но и то, что довелось ему пережить, не вкладывалось ни в какие человеческие понятия по своей жестокости.

К узникам, работавшим в карьерах, фашисты относились особенно подло и коварно. В бараке на территории карьера был устроен «профилакторий», куда сгоняли узников якобы для медосмотра. «Пациентов» расстреливали в затылок. Таким образом в этом «профилактории» были уничтожены тысячи советских военнопленных. Этим занималась команда «99». Комендант лагеря, Мартин Зоммер, тоже не отставал. Он собственноручно убил более ста заключенных. Его жена, Эльза, «обожала» перчатки и сумочки, сработанные из человеческой кожи.

— Плохи дела, брат Семен,— сказал однажды Бакланов своему другу.— Мы выходим «на свободу» только через трубы крематориев. Но есть же и другой путь.

Ждать нечего. В механических мастерских фашисты наладили производство оружия. Работают там исключительно немцы. Ты владеешь немецким. А что если...

Шафир одобрил план Бакланова. С того дня Семен не упускал случая, чтобы побывать в механических мастерских. Вскоре удалось наладить связь с участниками немецкого Сопротивления.

В тех тяжелейших условиях узники проявили мужество и продолжали борьбу. Они саботировали нормальное течение производственного процесса, портили инструмент и станки, собирали и прятали оружие.

В глубоком подполье зрело будущее восстание. Этой деятельностью руководил Международный подпольный комитет лагеря, в состав которого входил и Степан Бакланов. Семену Шафиру доверили руководство ударной группой, в которую входили советские военнопленные. Даже там, за проволочными ограждениями «лагеря смерти», ощущалось дыхание великого антифашистского фронта.

В начале 1945 года война перешла на территорию Германии. Как-то вечером Бакланов сообщил Шафиру:

— 11 апреля начинаем восстание. Подготовь ребят и будь начеку.

Но 9 апреля, почувствовав неладное и ожидая удар со стороны советских военнопленных, фашисты согнали несколько сот узников с буквами «SU», погрузили в товарные вагоны и отправили в Австрию, где собирались их ликвидировать. Ночью состав попал под бомбежку и многие заключенные бежали. Среди них и Бакланов, Шафир, Стебенков, Яничкин, Кюнг и другие. Через неделю им посчастливилось встретиться с чехословацкими партизанами, они влились в их отряды и участвовали в освобождении Праги.

Между тем фашистам не удалось парализовать деятельность подпольной организации лагеря. Накануне освобождения вспыхнуло восстание, и многие тысячи заключенных были спасены от гибели.

В Бухенвальдских крематориях были истреблены десятки тысяч людей со всех концов Европы и среди них бесстрашный вождь немецких рабочих — Эрнст Тельман. Оставшиеся в живых больше напоминали тени. Вот что установили члены американской парламентской делега-

ции, которая посетила Бухенвальд сразу же после освобождения.

«Многие из заключенных уже не были в состоянии даже говорить. Они до того ослабли, что не могли двигаться. Только глаза тускло светились.

У ворот лагеря висел в петле портрет Гитлера во весь рост, а под ним надпись на немецком языке: «Пусть сдохнет Гитлер, чтобы жила Германия!»

Фашисты проводили в Бухенвальде политику массового истребления, применяя для этого голод и зверские пытки... Увиденное и услышанное в Бухенвальде будет преследовать нас всю жизнь».

...Смолк набат, опустели сторожевые вышки и бараки, не дымят больше крематории. Но пройдут годы, и человеческий гнев, вызванный варварством гитлеровских палачей, не утратит своей силы и решимости.

Бывшие узники, пережившие муки фашистских лагерей, продолжают искать друг друга, переписываются, встречаются. Ведь братство, зародившееся в годы тяжелых испытаний, вечно.

Написал и Семен Шафир своему другу Бакланову, который столько раз вырывал его из когтей смерти. Написал горячо и искренне, как другу, товарищу и брату. И вскоре прибыл ответ.

«Семен Борисович, друг мой дорогой!

Твое письмо стало для меня приятным и неожиданным сюрпризом. Ты описал подробно все испытанные муки, чтобы я скорее вспомнил о тебе. Не нужно было, брат! Такое при жизни не забывается. Как только увидел твое имя на конверте, сразу вспомнил о тебе, обо всех друзьях и боевых товарищах из Бухенвальда.

Рад, что после войны ты хорошо устроился. Пишешь, что работаешь механиком на фабрике коммунистического труда имени 40-летия ВЛКСМ в своем родном Тирасполе, что за последние годы внес более 30 рацпредложений и что награжден серебряной медалью ВДНХ... Что тебе сказать? Жму руку и от всего сердца поздравляю!

А я посвятил себя труду строителя. Проводил железную дорогу в тайге, работал на строительстве Братской ГЭС, а в настоящее время возвожу в Сибири город Анзеба.

Несколько лет тому назад меня, Кюнга и Симакова

пригласили в Бухенвальд на открытие памятника жертвам фашизма. Там довелось встретить старых товарищей: Вальтера Бартеля, Решеке Эрсона и других. Со многими бывшими узниками, живущими в стране и за рубежом, переписываюсь.

Спасибо за приглашение. Как только появится такая возможность, обязательно приеду в Тирасполь.

Обнимаю, как родного брата.

Пиши почаще.

Степан Бакланов».

...Много дней подряд я ожидал Семена Борисовича у ворот фабрики. После смены мы шли к нему домой, садились за овальный стол посреди комнаты и до поздней ночи текли воспоминания. Я глядел на опаленное порохом лицо, на руки, испещренные шрамами, и думал о пережитом этим человеком. Он пережил смерть в фашистских застенках, вернулся в родной город с подорванным здоровьем, вылечил раны и стал лучшим механиком фабрики имени 40-летия ВЛКСМ.

Когда зашел разговор о переписке, Семен Борисович достал два чемодана и извлек множество конвертов.

— Это не все,— сказал он.— В соседней комнате есть столько же. Ведь после того как «Известия» написали о моей встрече с Баклановым, почтальон буквально засыпал меня письмами.

Я вчитывался в исписанные листки и слышал людские голоса:

«Здравствуй, дорогой сотоварищ по лагерю!

С приветом к тебе Николай Аполлонов из Казани.

Помнишь ли ты меня? Мы оба жили в бараке № 1, вместе с Баклановым. Я прибыл в Бухенвальд весной 1943 года с транспортом красных командиров. Сразу по прибытии восемь офицеров были расстреляны на месте. Я чудом выжил. Работал в механических мастерских в ночную смену. Помнишь, как выносили тайком детали и собирали их, чтобы создать собственный арсенал?

Семен Борисович, я счастлив, что через годы нашелся еще один узник лагеря смерти. Рад за твои мирные трудовые успехи».

«Я пробыл в Бухенвальде почти два года. Зовут меня Павел Капустянский. Сам одессит. Жил (если только

это жизнь) в 63-м бараке и числился под номером — 45 858. Освободили меня за час до смерти».

Час, только час оставалось жить Павлу Капустянскому! В топках крематориев еще полыхало пламя, а в воздухе разносился запах паленого мяса, когда у ворот лагеря появились танки. Многие узники, не пережив счастья, скончались на руках освободителей. Их сердца не справились с нагрузкой освобождения: слишком огромной была радость.

Белые, красные, голубые конверты. Письма идут со всех концов страны. Они несут с собой воспоминания, чувства, мысли и возмущение. И в каждом письме человеческая судьба, человеческая жизнь.

«Уважаемый Семен Борисович!

Хотелось бы написать, как можно покороче, но не знаю, сумею ли. Ведь нужно столько успеть рассказать! События столь свежи в памяти, что я не в состоянии сдержать нахлынувших чувств. Даже не знаю, с чего начать».

Среди советских узников был в Бухенвальде один лейтенант — высокий блондин с голубыми глазами. Звали его Николай Городецкий, и был он родом из Горького. В лагере его знали как Сашу Дунаева. А жил в бараке № 17.

Летом 1944 года я находилась на принудительных работах в селе Ламперсдорф. Тогда-то на мое имя и пришло письмо. Это была первая и последняя весточка, которую Городецкий сумел отправить из Бухенвальда. Саша обращался к своим родителям. Надеялся, что я на старом месте, что получу его письмо и когда-нибудь передам. Но я была уже в лагере Шнархау. О письме узнала потом, от русских девчат, моих подруг по гитлеровскому рабству.

После освобождения я встречала многих бухенвальдских узников. Я попыталась узнать, не помнит ли кто Сашу Дунаева. И мне сказали, что узники 17-го барака были истреблены все до единого.

А память живо хранит все связанное с этим человеком.

Я повстречалась с ним во время работы в Ламперсдорфе, куда нас, восточных рабынь, согнали гнуть спину

на немецкого помещика. Было нас трое: я, Зоя и Наташа из Курска. Близ села находился лагерь, в котором томились несколько сотен советских военнопленных. Готовя побег группы узников, Городецкий установил связь с нами: нам предстояло обеспечить их продуктами питания. Однажды утром немцы нашли пустой лагерь. Через две недели я узнала, что Городецкого поймали на чехословацкой границе. После этого его отправили в Бухенвальд.

Саша был человеком с большим сердцем и с негибавшей волей. Получив от нас продукты питания, пленные предложили бежать вместе с ними. Как сейчас вижу, как они исчезают в ночи. А я осталась у околицы. Не хватило духу бежать. И Городецкий больше не настаивал, повернулся к товарищам и сказал: «Может, так лучше, что сразу признала свое малодушие. Ведь нерешительность может стать непоправимой обузой». Этот упрек до сих пор отдает болью в моем сердце.

И отправились они в путь, но не посчастливилось ребятам достичь партизанских отрядов.

Недолгими были мои встречи с товарищем Городецким. Но память об этих встречах осталась в душе на всю жизнь. Вы меня поймете, Семен Борисович. Поймете, потому что сами испытали всю горечь тех времен. В 16 лет, когда только формируется характер, я, простая деревенская девчонка, оказалась загнанной в рабство на чужой стороне и обязательно должна была встретить на своем пути такого человека. Я счастлива, что им оказался именно Николай Городецкий — живое воплощение стойкости и любви к Советской Родине.

После его ухода, после брошенного упрека, страха как и не бывало. Я стала храброй. Бежала из Ламперсдорфа, но меня поймали и жестоко избили. Потом меня бросали из лагеря в лагерь, но я опять бежала. Хотелось быть достойной светлой памяти Николая.

И сейчас, после войны, если и бывает порой трудно, я советуюсь с его памятью. Жалею, что не могу видеть и слышать его наяву. Жаль, что не дошло к его родным то последнее письмо...

Пишу и надеюсь, что вы ответите и сообщите что-нибудь о нем. Не знаю почему, но уверена, что в Бухенвальде вы встречались, что долго беседовали, что вам

известны подробности его жизни, о которых мне так и не довелось узнать.

Жду с нетерпением Вашего письма.

Анна Бородина,
медсестра Трушкинской сельской больницы Киевской области».

Последнее письмо. Боец вложил в него последнюю надежду. Он видел, как белым голубем летит оно домой. С трепетом он пропустил его сквозь колючую проволоку лагеря. И пошла бумага от села к селу, по тяжелой дороге из фашистской неволи. И не дошла. И до сих пор выходит старушка-мать на крутой берег Волги и кланяется встречным, и вглядывается в их глаза, и спрашивает, не встречали ли сына, там, в далеком краю...

...Письма, много писем! Хотя нет на них канцелярских штампов, они все же документы. На их бумаге печатать сердца. И написаны они людьми, чья слава будет жить в веках. И прав был сказавший: «Эти письма принадлежат истории с тем же правом, как и руины древних цивилизаций». Они приходят из дали прожитых лет, из их свидетельств ткется история.

История пишется не для мертвых, не для тех, кто не вернется больше никогда, а для живых, для грядущих поколений, чтобы они прониклись пониманием сути происшедшего, правильно выбрали бы свой путь в грядущее. «История,— выражаясь словами великого русского ученого В. О. Ключевского,— это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого».

...«Видя нерешительность эсэсовцев, Гесс схватил за ноги маленького ребенка и бросил его живьем в огонь. Следуя примеру Гесса, другие эсэсовцы тоже стали бросать детей живьем в огонь...»

(Процесс Рудольфа Гесса,
коменданта
лагеря Освенцим.
Допрос свидетелей.—
Материалы
Главной комиссии
по расследованию
гитлеровских преступлений
в Польше).

«Прокурор: Где были грудные дети, когда вы начали стрелять в них?

Свидетель: На руках у матерей».

(Процесс лейтенанта Колли,
командовавшего
расправой над жителями
южновьетнамской деревни
Сонгми.
Допрос свидетелей.—
Газета «Правда»
от 5 марта 1971 г.)

Между этими кровавыми действиями лежит промежуток времени—около тридцати лет. Но и там, и здесь один и тот же почерк. Почерк фашизма. Разве это не напоминает нам еще раз слова пламенного призыва: «Люди, будьте бдительны!»

Прошлое, по моему глубокому убеждению, никогда не должно перестать быть учителем будущего.

БУЮКЛИ — ТОЧКА НА КАРТЕ

В пятидесятые годы на карте Сахалина появился новый городок, названный Буюкли. В Молдавии много людей носят эту фамилию. Кто же герой, прославившийся на Дальнем Востоке? Где родился, какой совершил подвиг? Ведь недаром его имя увековечено на карте. Эта мысль завладела мной и не оставляла, пока я не отправился в дальний путь. Так я попал на Сахалин, где перерыл в архивах горы пожелтевших от времени бумаг, изучил все, что было написано о Буюкли, разговаривал с очевидцами.

...В ту чудную августовскую ночь небо было усеяно мириадами загадочных светил. Никто не сомкнул глаз. В воинских частях, расположенных в лесах вдоль границы, царило необыкновенное оживление. Солдаты быстро подходили, получали боеприпасы, еще раз проверяли оружие.

Занималась заря. Нежным румянцем светился горизонт. Над тайгой повисла коварная тишина. У самой границы бойцы залегли в разнотравье, готовые к бою. Красная ракета вспорола предутреннюю синь. Это означало, что разведчики «убрали» вражеских пограничников.

— Вперед!— раздалась команда.

Из лесной чащи выступили солдаты. Быстро, споро висто они преодолели просеку вдоль пятидесятой параллели. У полосатого столба посреди просеки Буюкли задержался. С одной стороны он прочел близкие и знакомые буквы: «СССР», с другой проступали какие-то иероглифы.

Сорок лет, с 1905 по 1945, эта полоса разделяла Сахалин на две части. Сорок лет японцы грабили богатства Южного Сахалина. Сорок лет самураи грозили нам войной, засылая в нашу страну шпионов и диверсантов. И вот 8 августа 1945 года настал час отмщения. Слав-

ная Советская Армия направилась на юг, чтобы вернуть стране отторгнутую территорию.

Шоссе, построенное в прошлом веке русскими каторжниками, по которому путешествовал когда-то А. П. Чехов, долгое время не использовалось по назначению и заросло кустарниками и деревьями. По обе стороны этой заброшенной дороги простирались торфяные болота, покрытые дикими травами и буреломом. Солдаты вырубали тайгу, прокладывали гати и с трудом продвигались вперед, на юг.

Близ села Хандаса раздались взрывы, загрела стрельба. Авангард батальона штурмовал японские дзоты. Горели дома и казармы.

Рота, в которой служил Антон Буюкли, сквозь высокие травы продвигалась к позициям врага. Воины остановились перед проволочным заграждением, достали лопатки и стали окапываться. Над головами свистели пули. В низине и на Н-ской высоте клубились облака дыма и пыли. Буюкли замаскировался в воронке от взрыва снаряда, и после того, как направил пулемет на амбразуру дзота, что виднелся за проволокой, достал бланк «Молнии» и протянул товарищу:

— Пиши, Николай. Как можно отчетливее.

Решетов взял карандаш, но не успел еще дописать первое слово, как земля засыпала бумагу:

— Смотри-ка, гады, хотят помешать,— рассердился Решетов и стряхнул комья с листа.

— Ничего, просвистевшая пуля не страшна,— проговорил Буюкли.— Давай пиши: «Товарищи по оружию! Десятками лет строили японцы эти дзоты, чтобы поработить нашу землю. С самураем нужно говорить только языком русской пули и русского штыка!»

Бумага пошла по рукам. Наша артиллерия продолжала крушить позиции врага. Но когда ракета возвестила об атаке, пасти нескольких казематов стали изрыгать пламя, и пули полетели навстречу советским солдатам. Два товарища рядом с Антоном пали сраженными.

— Сволочи!— процедил сквозь зубы Буюкли, направляя поток пуль в сторону чернеющего дзота.

Левый фланг наступающих заставил замолчать еще несколько вражеских огневых точек. Буюкли заметил высокий силуэт капитана Котенко, который, размахи-

вая пистолетом, поднимал солдат в атаку. С ходу заняли первую линию окопов. Бой уже шел во второй линии. Еще усилие — и высота в наших руках.

И вдруг из холмика, который неприметно возвышался в стороне, застрекотал пулемет. Солдаты застыли, прижавшись к земле. Пули не давали даже шелохнуться. Рота несла потери, атака захлебнулась. Нужно было найти выход из положения.

— Кто хочет уничтожить дзот?— обратился капитан Котенко к солдатам.

Вызвались многие. Командир доверил это задание коммунисту Буюкли. Сержант обошел низкорослые колючие кустарники и появился перед дзотом. Десятки глаз следили за его действиями. Вдруг грудь Антона пронзила острая боль. Бойца оставляли последние силы, земля кружилась. Трава пламенела от пролитой крови.

«Погибнуть здесь, когда до дзота каких-то два шага, и тем самым не спасти товарищей? — звучали в ушах слова собственной совести».

Антон Буюкли собрал последние силы и прикрыл своим телом амбразуру. Вражеский пулемет замолчал.

Над тайгой прозвучало мощное «Ура!». Советские войска пошли вперед, круша штыками самураев, мстя за своего товарища.

Над высотой, опоясанной окопами и дзотами, связанными ходами сообщения, реяло алое знамя. Дорога на юг была свободна. Из разрушенных укреплений выползали японцы с поднятыми руками. Видно, знаменитое хакакири вышло из обихода.

Товарищи перенесли тело Антона Буюкли в долину, к дороге, и предали родной, только что освобожденной земле. Над свежей могилой посадили три ели, а на сколоченной тут же надгробной пирамиде вырезали: «Б. А.» и ниже: «13.VIII.45». Он был один из тех 275 советских воинов, которые в годы войны повторили подвиг Александра Матросова.

...С тех пор минуло много лет. Время засыпало военные траншеи, заросли травой и колючками дзоты. Высокими стали надмогильные ели.

Но кто он, этот герой, чье имя носят сегодня пионерские отряды, целый город; чье имя ежедневно называют на по-

верке в пограничной части? Какой он национальности, где родился?

Все эти вопросы я и задал работникам Южносахалинского областного музея.

— О Буюкли местное население сложило легенды и песни. И во всех говорится, что родом он из Молдавии. Пожалуй, так оно и есть. Но мы до сих пор не установили местность, в которой он родился.

М. И. Ерженина, научный сотрудник, заведующая музейными фондами, провела меня в зал, посвященный боям за освобождение Сахалина. У входа нас встретила внушительная бронзовая скульптура работы Анатолия Ни. Золотом выгравировано: «Старший сержант Антон Буюкли. Коммунист А. Буюкли повторил на Сахалине подвиг Александра Матросова». А на стене огромная картина военного художника Андрея Машенко. Называется она «Подвиг Антона Буюкли».

Перебирая архивные материалы музея, я нашел интересную тетрадь. «Вечером 13 июля,— записали в своем дневнике туристы поронайской и буюклийской средних школ, которые в 1958 году совершали велопробег по Сахалину,— мы достигли города Александровска, где посетили семью героя Буюкли».

Я записал имена учащихся — Владимир Тихонов, Виктор Дуплякин и Александр Кириенко, приобрел билет на поезд и в тот же день направился в Буюкли, на поиски участников велопробега.

Железнодорожная станция и город Буюкли расположены в глубине тайги, в 360 километрах к северу от областного центра. Большинство построек бревенчатые. Вокруг расстилается тайга, растут высокие, прямые ели.

— Ребята, которых вы разыскиваете,— объяснил директор школы,— давно окончили школу и разъехались кто куда: учиться, на работу.

Из школы я направился в горсовет. Председатель Валентин Афанасьевич Федьков рассказал мне:

— Мы собрали более 10 тысяч рублей и хотим поставить Буюкли памятник.

Я узнал, что когда-то на этом месте был японский хутор Хоя, который при отступлении самураи сожгли. Остались только те несколько домиков, что и поныне ютятся на берегу речки Буюклянки. А за годы Советской власти здесь вырос промышленный город с пре-

красным Домом культуры, больницей, аптекой, отделением связи, несколькими школами, тремя детскими садами, пекарней, столовой, 18 торговыми точками, парикмахерскими, мастерскими.

— Наш местный поэт Евгений Лебков, заместитель директора лесхоза,— проинформировал председатель,— заканчивает поэму «Антон Буюкли». Могу также познать вас и с участником боев на Харамитогской высоте. Он служил в одном полку с Буюкли. Зовут его Кузьма Андреевич Черненко, лесник. Он командовал взводом снайперов, и о них упоминается в повести Б. Смагоринского «Путь героя».

Кузьма Андреевич познакомил меня с местами былых боев, побывали мы и у осененной елями могилы. Но на главное — где родился герой — он не смог ответить.

— Говорят, жена Буюкли проживает в Александровске?— с надеждой задал я вопрос.

— Да, и работает она в продовольственном магазине. А вот в каком именно, не скажу. А что продавщица, так это точно.

Ободренный, я остановил попутную машину и тронулся в путь. Километров двести тайгой — и вот он, город Александровск.

— Есть у нас такая,— сказали мне в магазине, что в центре города.— Подождите, сейчас позвем.

Через несколько минут подошла невысокого роста женщина в белом халате.

— Буюкли Полина Федоровна,— представилась она.

Пошли домой. А вскоре прибыл сын, высокий парень в рабочей спецовке. Анатолий родился осенью 1944 года и был очень похож на отца, портрет которого в военной форме красовался на стене.

Полина Федоровна выложила на стол груды писем, свидетельство о браке, похоронную. «Вот сейчас-то я и узнаю, откуда он родом»,— обрадовался я. Но...

— Познакомились мы с Антоном в 1942 году,— рассказала Полина Федоровна.— Знаю, что он 1915 года. На Сахалине появился в 1939 году и после демобилизации остался работать в Александровске.

Вскоре началась война, и его призвали опять. Служил в пограничной части. Сказал, что откуда-то с Запада, и оставил адрес родных. Но куда я могла написать,

если шла война и на западе бесчинствовал враг? Потом муж погиб, а адрес затерялся, и я так и не смогла установить связь с его родственниками. И куда только не писала? Но вразумительного ответа так и не получила.

Весной 1965 года, когда советский народ праздновал 20-летие Победы над врагом, Антону Буюкли посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я решил продолжать поиск. Прежде всего установил, где наиболее распространена фамилия Буюкли. Были направлены десятки писем. И вот однажды, среди множества других, пришло и то единственное, столь долго ожидаемое письмо.

Родился Антон в 1915 году в селе Александровка Запорожской области. Восьми лет пошел в школу. В 1929 году пошел работать в колхоз. Стал комсомольцем и уехал на комсомольские стройки Сибири. Был призван в Советскую Армию, служил в погранвойсках на Сахалине. После начала оккупации и до Вашего письма не получили от него никакой весточки. С Вашей помощью связались с невесткой Полиной и с племянником Анатолием. Они-то и заменили нам потерянного брата...

*Елена Ефимовна и Емилия Ефимовна Буюкли,
сестры Антона».*

Прошли годы. В запорожском селе Александровка, так же как на Сахалине, есть школа имени героя, его бронзовый бюст, мемориальный музей. И вспоминаются слова буюклийского поэта Евгения Лебкова, посвященные герою:

Погиб Антон, но не погибла память.
Мы помним о тебе наш друг, всегда,
Ты свою волю нам сумел оставить...

ОГНЕННЫЕ ЦИТАДЕЛИ

«Радиограмма
из Москвы, № 1235, 22 августа 1944 года.
Правительственная.

Бричанский район, Корестоуцкий сельсовет, тт. Счастливому, Андрицкой, Горбану, Фетько, Писарчуку.

Передайте трудящимся села Корестоуцы, собравшим 162 тыс. рублей на строительство танковой колонны от Советской Молдавии, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. В. Сталин».

„Идем Вас в Тирасполе“

Каждый раз, когда журналистские маршруты приводят меня в столицу нашей Родины, ощущаю профессиональную потребность снова побывать в Центральном музее Вооруженных Сил Союза ССР. Здесь собраны и бережно хранятся самые ценные, самые волнующие реликвии, свидетельствующие о героизме советских воинов. Посетители подолгу задерживаются возле папахи, которую гордо носил Чапаев, сражаясь на фронтах гражданской войны, возле шинели неустрашимого полководца Фрунзе и личного почетного революционного оружия — кавалерийской шашки Котовского, возле винтовок защитников Брестской крепости и алого знамени, которое взвилось над рейхстагом, возвестив всему миру о победе над фашизмом. О каждом из этих экспонатов, украшающих двадцать пять просторных залов музея, можно было бы написать отдельную книгу. И рассказ о каждом из них прозвучал бы как волнующая история, как песня, как легенда.

Во время одной из командировок в Москву я познакомился с фотовыставкой, посвященной героизму советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Не-

ожиданно мое внимание привлек фотоснимок, сделанный кем-то из бывших фронтовиков. На снимке был запечатлен эпизод уличного боя в Берлине. На башне танка, устремившегося к огневой точке противника, отчетливо виднелись слова: «От трудящихся Молдавии». Где и когда были построены эти грозные «крепости на колесах»? Кто их вел в бой? И какие подвиги вписали они в летопись солдатской боевой славы? Остался ли в живых кто-либо из бывших танкистов? Эти и многие другие вопросы неотступно преследовали меня.

Под влиянием нахлынувших впечатлений твердо решаюсь пойти по следам фронтовой фотографии. Работники музея подсказали мне соответствующие источники, где бы я смог почерпнуть интересующие меня сведения. Старательно перелистал периодические издания тех огненных лет, изучил архивные документы, ознакомился с мемуарной литературой.

Мне было уже известно, что танковая колонна «От трудящихся Молдавии» появилась на фронте в декабре 1944 года и участвовала в нескольких легендарных рейдах по тылам врага, сея панику в рядах фашистских войск. Название этой танковой колонны все чаще мелькало во фронтовых сводках, а повел ее на Берлин сквозь огненные ураганы боев наш земляк, Герой Советского Союза капитан Владимир Бочковский.

Юрий Жуков, бывший военный корреспондент «Комсомольской правды» и нынешний политический обозреватель газеты «Правда», в годы войны опубликовал ряд очерков, в которых рассказывал о ратных подвигах неустрашимого танкиста с берегов Днестра.

— Бочковский,— сказал он,— один из главных героев моих книг «Путь к Карпатам», «Люди сороковых годов», «Укрошение «тигров».

В настоящее время Владимир Александрович Бочковский — генерал-лейтенант танковых войск, он Почетный гражданин русского города Яковлево, что под Курском, украинского города Коломыи, польских городов Лодзи, Бялогарда, Нове-Място и Лодзинского воеводства. Его фотография, на которой он запечатлен в шлеме танкиста, выставлена на стендах многих музеев боевой славы в нашей стране и за рубежом.

Невольно напрашивался вопрос: «Как случилось, что

имя столь заслуженного героя, нашего земляка, мало известно в Молдавии?»

Юрий Жуков дал мне адрес генерала. Он был дружен с Бочковским еще с военных лет. Познакомившись с ним во время ожесточенных боев под Курском, он и по сей день поддерживает переписку с доблестным воином, чьи подвиги описал в трех объемистых книгах.

В течение двух лет я искал встречи с Владимиром Бочковским. Неоднократно отправлял в его адрес письма, открытки, телеграммы, и каждый раз нашей очной беседе мешали непредвиденные обстоятельства.

Но однажды, когда я позвонил ему домой, Владимир Александрович ответил:

— Зачем вам приезжать в Москву? Я как раз уезжаю в гости к родителям. Ждем вас в Тирасполе.

И вот я в городе на Днестре, разыскиваю нужный мне дом по улице Каховской. Дверь открывает высокий мужчина в генеральском мундире.

— Пожалуйста, заходите. Давно уже вас ожидаем. Мать даже беспокоиться стала — подавать на стол или еще подождать?

С первых же слов завязался веселый, непринужденный разговор, словно мы были уже давно знакомы.

Владимир Александрович представил свою мать — Клавдию Ивановну, трудолюбивую скромную старушку, и отца — Александра Владимировича, который оказался очень разговорчивым и общительным. Присутствовал при встрече и Анатолий Александрович, брат Бочковского. Он более тридцати лет с достоинством носил офицерский мундир. В составе артиллерийского подразделения участвовал в освобождении Молдавии. Огненным смерчем обрушились артиллерийские залпы на фашистские подразделения, вынужденные оставить после яростных боев города Флорешты, Бельцы, Фалешты.

— Партийный билет,— с гордостью произнес он,— мне вручили перед атакой на берегу Прута.

На пенсию он ушел с поста заместителя военного комиссара Советского района города Москвы.

Братья приехали в Тирасполь, чтобы навестить своих родных.

Вместе с ними прошелся я по набережной Днестра. У мемориального комплекса воинской славы генерал

ласково провел ладонью по шершавой поверхности боевого танка, возвышающегося над братскими могилами.

— Славная и доблестная боевая машина!

Затем, словно отгоняя нахлынувшие воспоминания, переменял тему разговора, кивнув в сторону расположенного по соседству внушительного здания старинной архитектуры.

— В этой школе когда-то учился Зелинский, выдающийся химик-органик. Мы, тогдашние ученики, очень гордились этим и мечтали пойти по стопам нашего знаменитого земляка. Но судьба распорядилась иначе, и я стал танкистом. Из числа тех, кто в свое время учился в этом здании, пятеро стали Героями Советского Союза, двое — Героями Социалистического Труда.

Жизнь уготовила Владимиру Александровичу нелегкую судьбу. В биографии ярко отразилась эпопея минувшей войны. Его по праву можно назвать человеком-легендой.

Стальная гвардия — вперед!

Нарядно одетые юноши и девушки, радостно возбужденные и веселые, без устали кружились в нескончаемом вальсе. Плавная танцевальная мелодия словно уносила их на крыльях счастья куда-то в неведомую даль. И хотя уже давно минула полночь, они не торопились расходиться по домам. Ведь это был их прощальный вечер в родной школе. Директор в торжественной обстановке вручил выпускникам аттестаты зрелости, и каждый из них мог воплотить теперь в жизнь свои заветные мечты.

Когда на востоке уже заалела заря, Владимир спустился к берегу моря, чтобы проводить двух девушек в соседний поселок Корез. (За три года до начала войны семья Бочковских переехала на новое место жительства в Крым. Глава семьи, Александр Владимирович, представитель одной из самых мирных профессий — он был непревзойденным мастером по части изготовления праздничных тортов, бисквитов, пирожных и прочих кондитерских изделий, — получил приглашение на работу в курортное управление в Алупку. Здесь его старший сын и закончил среднюю школу.)

Вернувшись в Алупку, Владимир увидел у автобус-

ной остановки большую толпу. С застывшими лицами люди слушали непривычно суровый голос диктора. Из репродуктора раздавались тревожные, до боли сжимающие сердце слова Заявления Советского правительства в связи с вероломным нападением фашистских орд на нашу землю.

«...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу...»

Бочковский стремглав помчался к школе и, вбежав в учительскую, даже не поздоровавшись с присутствовавшими, включил радиоприемник. Директор и учителя обступили его, догадавшись, что произошло какое-то страшное событие. Из приемника послышались заключительные слова диктора:

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

На нашу страну обрушились в первый же день войны 190 вражеских дивизий (5 миллионов 500 тысяч вооруженных до зубов оккупантов). Стреляли по нашим мирным городам и селам 48 тысяч орудий и минометов. Топтали нашу землю свыше 4300 танков и штурмовых орудий. Около 5 тысяч самолетов ворвались в пространство нашей Родины.

На другой день Владимир с вещмешком за спиной явился в военный комиссариат города Ялты. А еще через несколько часов небольшой грузовик уносил его по извилистой горной дороге в областной центр.

Война разлучала отцов, братьев и сыновей с их семьями.

— Что теперь будет?— спрашивали встревоженные жены, матери, сестры.

Владимир Бочковский и его школьный товарищ Николай Бабенко были направлены в Харьковское танковое училище.

Симферопольский вокзал был запружен отдохавшими в Крыму людьми, и при посадке на поезда создавалась неимоверная толчея. С большим трудом бывшие одноклассники втиснулись на подножку последнего вагона. В прощальном хороводе медленно уплывали живописные холмы и долины с утопавшими в зелени садов селами, с золотыми пшеничными нивами. Ребят охватило щемящее чувство грусти. «Доведется ли когда-нибудь снова побывать в этих краях?»

В Харькове будущие танкисты совмещали учебу с патрулированием улиц и работами на строительстве оборонительных сооружений. А когда совсем уже близко послышалась артиллерийская канонада, с оружием в руках вышли оборонять подступы к городу. «Нет, мы воюем не только сегодняшним днем,— гласило распоряжение из Москвы.— Страна нуждается в офицерских кадрах». И танковое училище эвакуировали в Узбекистан.

Из Ташкента пешим порядком, дорогой, которая извивалась меж раскаленных скал, направились в город Чирчик, расположенный на реке с тем же названием. На место прибыли поздней ночью, валясь с ног от усталости. Сразу же заснули мертвым сном. Утром их разбудил знакомый голос Левитана: «Вчера, 27 октября 1941 года, наши войска после тяжелых боев по приказу Верховного Главнокомандующего оставили Харьков».

Эта тяжелая весть камнем сдавила грудь, щемящей болью отозвалась в сердцах курсантов Харьковского танкового училища.

Днем курсанты были неразлучны с учебниками, упорно изучали боевую технику, поздним вечером возвращались с полигона, а по ночам работали на колхозных полях, строили оросительные системы.

Утром седьмого ноября собрались возле радиоприемника и, затаив дыхание, стали ждать вестей из Москвы. Всех волновал один и тот же вопрос: «Состоится ли в

этом году традиционный военный парад на Красной площади?» Но вот раздался мелодичный перезвон кремлевских курантов, затем послышались четкие слова военных команд и чеканные шаги под звуки марша. Курсанты с криками «ура» побросали вверх пилотки, радостно обнимаясь.

В мае курсанты закончили учебу и впервые надели офицерскую форму.

А спустя несколько дней Владимир уже шагал по просторным цехам одного из уральских военных заводов, куда он прибыл вместе со своими товарищами по училищу, чтобы получить боевые машины. Сформированный тут же железнодорожный эшелон доставил новенькие танки с только что укомплектованными экипажами на Брянский фронт.

Прибыв на станцию Хитрово, нашли здесь лишь обгорелые стены полуразрушенного вокзала. Вокруг — ни души.

Не успели как следует осмотреться, как на бреющем полете над эшелонном пронесли самолеты с черными крестами на крыльях, обстреливая наши позиции пулеметным огнем. Слева от эшелона между черными снопами взрывов отступала наша пехота. По другую сторону насыпи из-за ближайших холмов неожиданно появились фашистские танки. Иннокентий Мошкирев, механик-водитель из экипажа Бочковского, не растерялся. «Не допустим, чтобы эшелон стал легкой добычей противника». И он быстро перебил кувалдой и зубилом проволоку крепления танка. Стальная громадина соскочила с платформы и тут же вступила в бой. Другие «тридцатьчетверки», развернув башни, также открыли огонь по врагу. Таким образом, внезапная атака врага была отбита.

— Здрово! Молодцы, ребята, не сплеховали,— поздравили их танкисты, прибывшие за получением боевых машин. На груди многих из них поблескивали боевые ордена и медали. Какова же была радость вновь прибывших, когда они узнали, что им предстоит воевать в составе прославленной первой гвардейской танковой бригады генерала Катукова! К лету 1942 года слава об этом гвардейском танковом соединении распространилась по всем фронтам. В критический момент катуковцы пришли на помощь бесстрашным панфиловцам, прегра-

див фашистам дорогу к Москве. «Ни шагу назад, позади Москва!» Под Орлом и Мценском они нанесли тяжелое поражение Гудериану, командовавшему отборными немецкими танковыми частями, «отцу танковых войск», как называют его на Западе. Отдельные бойцы из легендарной бригады катуковцев имели уже на своем счету по 11—18 уничтоженных танков, а старший лейтенант Лавриненко — 52.

О воинской доблести и героизме генерала Катукова наши солдаты сочиняли песни, слагали стихи.

Он бил Гудериана,
В боях под Орлом,
Пусть вьется же слава
В народе о нем.
Бойцы его любят,
Как друга, отца,
Они не забудут
Его никогда.

(Из «Боевого листка» воинской части,
11 ноября 1941 года.)

Владимир Бочковский вспомнил, как однажды, перед очередными занятиями на полигоне, он прочитал в «Правде» от 12 января 1942 года передовую статью «Стальная гвардия», посвященную катуковцам. И чувство особой гордости охватило его.

Стальная гвардия!
Хвала тебе, почет!
Приветствует тебя могучий наш народ.
И враг от смерти не уйдет!
Стальная гвардия — вперед!

В разведывательном дозоре

Бочковский стоял, прислонившись к дереву. Иннокентий Мошкирев, видный мужчина с взъерошенной шевелюрой, прилег на мягкую траву, зажав в зубах тонкий зеленый стебелек. Остальные танкисты приспособили вместо стульев все, что попадалось под руку, — ящики, ведра, бревна.

К ним на залитую солнечными лучами лесную поляну пришел батальонный комиссар майор Ищенко. В руках у него была целая кипа писем.

— Вам пишут уральские девчата, — сообщил комис-

сар. — Хотят переписываться с нашими танкистами. Пожалуйста, кто желает им ответить?

Один из бывалых танкистов вскочил на ноги.

— А ты куда, братец? — одернул его снизу Мошкирев. — Это касается только холостяков.

— А теперь хочу зачитать вам некоторые выдержки из неотправленных писем фашистских захватчиков, — сказал майор, когда страсти улеглись и почта была роздана.

На лесной поляне сразу воцарилась мертвая тишина. Комиссар достал из кармана блокнот.

— В первые дни войны мы пытались взывать к классовому сознанию немецких солдат, но результаты были далеки от желаемых. Зато теперь, после того как в битве под Москвой мы преподнесли им хороший урок и немцы драпали от нас так, что аж пятки сверкали, многие из них начали понимать, в какую преступную авантюру они дали себя втянуть. И доказательством этому служат письма, которые попали к нам в качестве трофеев. Вы только послушайте, как заметно изменилось их настроение.

«Тут один может задержать сотни. Зимой в этом царстве снега, где все простреливается из наших зарытых в землю крепостей, умелый огонь творит чудеса. Если русские пойдут в наступление — они погибнут все до единого... Мы будем вести войну с русскими, не покаывая головы. Они увидят перед собой только безлюдные снежные холмы, из-за которых обрушивается незримая, но тем более страшная смерть».

Рудольф Штейнер, офицер.

«Ты, наверное, знаешь, что мы были уже у канала Волга-Москва, но здесь встретили страшное сопротивление русских».

Народ здесь сражается фанатически, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы уничтожить нас».

Алли Шахнер, ефрейтор.

«Здесь ад, русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать, каждый час приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань писать мне о шелке и резиновых ботинках, которые я должен был привезти

тебе из Москвы. Я погибаю, я умру, я это предчувствую».

Адольф Фортгеймер, солдат.

«Противник крупными силами атакует. В рукопашных боях в лесу мы пролили немало крови. Тыловые части отходят согласно приказу и поджигают оставленные деревни... Противник прорвался к нам в тыл. Уничтожить его не смогли... Предполагается новый отход. Все это очень горько...»

Г. Линке, лейтенант.

«Спасайся, кто как может! Разбитая, смешавшаяся армия отступает. Люди растеряны. Потери огромны».

Платцер, унтер-офицер.

«В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало... Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда Москва, казалось, почти была в наших руках».

Г. Блюментрит, генерал.

— Что посеешь, то и пожнешь,— сорвалось с губ Бочковского. — А что их ждет еще впереди!

— Но мы не должны забывать о том,— сказал в заключение комиссар,— что фашисты продолжают уничтожать наши села и города, наших людей. Враг еще силен, в своем коварстве и жестокости он способен на все. Поэтому мы должны быть всегда начеку. Помните слова Суворова: «Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу».

Экипаж Бочковского вскоре после этого принял участие в нескольких дерзких боевых вылазках, предпринятых с тем, чтобы отвлечь внимание противника и ввести его в заблуждение.

По ночам внезапно открывали огонь по врагу из засады. Немецкие солдаты нередко выскакивали из домов, едва натянув сапоги на голые ноги, и в панике бросались наутек.

Однажды батальон, в составе которого воевал экипаж лейтенанта Бочковского, получил приказ атаковать

вражеские части, сосредоточенные в селе Ломово. Стальная лавина ринулась на врага. Но не доехав до ручейка в долине, наши машины напоролась на минное поле. С двух головных машин взрывами сорвало гусеницы. А с другого конца поля, засеянного подсолнечником, ударила фашистская артиллерийская батарея. Осколки снарядов безжалостно срезали увесистые шляпки подсолнечника, тяжело падавшие на землю.

Бочковский отступил со своим танком в заросли кустарника, затем у подножия холма свернул налево и, объехав заминированное поле, вышел во фланг вражеской батареи. Прицелился в одно из орудий, нажал на спуск, но снаряд пролетел мимо. Последовал второй выстрел, который также не достиг цели. Артиллеристы обнаружили атаковавший их танк и перенесли огонь на него. Лобовая броня заискрилась от попадания множества осколков.

— Ты долго еще будешь там копаться, лейтенант?— возмущенно спросил механик-водитель. Сержант Рябов, заряжающий, догадавшись в чем дело, подсказал молодому офицеру.

— Проверь еще раз прицел.

Владимир последовал этому совету и закусил губу от досады: указатель прицела был на нулевом делении. Он быстро исправил допущенную оплошность и метким выстрелом уничтожил первое орудие. Раздался еще выстрел, и там, где стояло второе орудие, взметнулся столб дыма и земли, над которым взлетело оторванное колесо.

— Вперед!— приказал Бочковский.

Подминая гусеницами фашистские пушки, танк на большой скорости ворвался в село, кинжальным огнем уничтожая сопротивлявшихся фашистов. Охваченные паникой, солдаты противника прыгали через заборы, ища спасения в ближайших рощах и оврагах. За поворотом неожиданно возник на пути вражеский танк. Заряжать орудие уже было некогда...

— На таран!— приказал своему экипажу лейтенант Бочковский.

Совершив ловкий маневр, Т-34 всей своей тридцатитонной тяжестью нанес удар вражеской машине по ведущему колесу. От столкновения заглух мотор. «Что делать?»— лихорадочно соображал Мошкирев. Нажимал на стартер, но машина не заводилась. И только поняв,

что сгорел главный фрикцион, осуществил заводку двигателя на бортовых передачах. Двигатель подал признаки жизни. Танк снова рванулся вперед, наводя ужас на фашистов. С грохотом промчавшись через все село, боевая машина, целая и невредимая, возвратилась в расположение своей части. Члены экипажа отделались лишь ушибами.

Товарищи по оружию обступили машину Бочковского, любопытства ради подчитав следы, оставленные осколками вражеских снарядов. 57 вмятин и ни одной пробоины!

Вышел из строя прицел и заклинило башню.

— Ничего не скажешь! Броня что надо!— с удовлетворением констатировали фронтовики великолепные качества боевой машины.

Немецкие специалисты, которых никак нельзя было заподозрить в симпатиях к нашей боевой технике, также по достоинству оценили новый советский танк.

«В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины. Непосредственно на местах они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, и тем самым в кратчайший срок обеспечить выход из чрезвычайно неблагоприятного положения, в которое попали германские бронетанковые войска, не встретили у конструкторов никакой поддержки.

Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного мотора.

Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось из-за отсутствия необходимого сырья, также уступала легированной стали русских.

Гейнц Гудериан,
генерал бронетанковых войск».

«Из числа танков Красной Армии наиболее грозным является Т-34. Его эффективное вооружение, талантли-

во использованные наклоны брони и высокая подвижность делают борьбу с ним тяжелой задачей».

(Из лекций, прочитанных в марте 1942 года в бронетанковой школе в Вюнсдорфе).

«Из числа новых танков особенно выделяется танк Т-34, обладающий рекордной скоростью 54 км в час и удельной мощностью 18 лошадиных сил на тонну. Русские создали танки, которые в конструктивном и производственном отношении, безусловно, заслуживают внимания и в некоторых отношениях превосходят танки наших прочих противников.

Полковник Эссер, начальник Кумлерсдорфского полигона, декабрь, 1942 год».

«Появление Т-34 на восточном фронте было неожиданностью для немецких войск. По своим техническим характеристикам Т-34 намного превосходит зарубежные образцы танков военных лет».

(Немецкий журнал «Зольдат унд техник»).

Командир батальона майор Бойко Иван Никифорович, в последующем дважды Герой Советского Союза, уравновешенный и умудренный жизненным опытом офицер, внимательно выслушал рассказ о перипетиях боя экипажа Бочковского, одоббив его решительные действия.

— Молодчина! Назначаю тебя командиром взвода.

Майор прикурил от патрона-зажигалки, выпустил несколько густых клубов дыма, затем неторопливо продолжил:

— Примешь под свое начало три экипажа и начнешь действовать в разведывательном дозоре. Главная твоя задача — своевременно обнаруживать огневые точки и артиллерийские батареи противника. Сообщи по радио их координаты, будешь способствовать сведению до минимума наших потерь и принятию эффективных контрмер.

Другими словами, придется тебе вызывать огонь на себя. Задание, как видишь, сложное, небезопасное и очень важное.

Сердце лейтенанта сжалось от противоречивых чувств: Бочковского вдохновляло оказанное ему боль-

шое доверие, но при одной мысли о предстоящих испытаниях его охватывало тревожное беспокойство.

И вот Бочковский в новой своей роли вступает в еще более ожесточенный бой.

На рассвете наша артиллерия беспощадно перемолола вражеские передовые укрепления. Когда умолкли пушки, в атаку ринулись танки. Сотрясалась земля от грохота и тяжести стальных машин, которые должны были прорвать оборону противника у подножия ближайшей высоты, преодолеть крутой продолжительный подъем и выйти на плато, где, по сведениям нашей разведки, проходил передний край обороны противника.

Однако, преодолевая минное поле, отдельные машины подорвались, появились убитые и раненые. Пехотинцы, сопровождавшие танки, под перекрестным огнем прижались к земле. Воспользовавшись этой заминкой, противник сумел перегруппировать свои силы. Яростно застрочили пулеметы, заговорила и вражеская артиллерия. Опасность нарастала с каждой минутой.

«И чего это мы стали как вкопанные?— подумал Владимир Бочковский.— Ведь наша задача — вызывать огонь на себя! Нужно как можно глубже проникнуть в тыл врага. Но как это сделать с наименьшим риском для машин?»

Заметив поблизости пологий овраг, который вел к соседнему леску, где располагался противник, Бочковский направил к нему свои машины.

Перед тем как спуститься в овраг, Мошкирев повел свой танк на вражеское орудие крупного калибра. От резкого удара Бочковский сильно рассек губу, хлынула кровь.

— Вперед, не останавливаться ни на минутку, маневр и только маневр!— приказал он.

Гусеницы подчиненных ему танков пропахали четырехкилометровую борозду в расположении боевых порядков немецких войск, проутюжив вражеские траншеи, после чего все три машины скрылись в ближайшей роще. На другом конце поля фашистов преследовали танкисты из соседнего батальона. Их появление придало молодому лейтенанту еще больше смелости и уверенности в своих действиях. Немцы, опасаясь окружения, беспорядочно отступали в сторону рощи. Экипажи Бочков-

ского расстреливали фашистов в упор длинными пулеметными очередями.

С небольшой высоты по ту сторону ручья открыла огонь еще одна вражеская батарея. Немецкие пушки прямой наводкой стреляли по наступающим танкам.

«Так вот где притаилось это змеиное гнездо...» И Бочковский приказал одному из своих экипажей наступать на батарею со стороны рощи, а остальные две машины пошли в обход, чтобы атаковать противника с фланга. Механик-водитель нажал на рычаги, и танк пошел вверх по крутому склону. Некоторое время Бочковский видел только голубой прямоугольник неба. А когда машина вновь заняла горизонтальное положение, вражеские пушки оказались так близко, что уже не было смысла расстреливать их из орудия. Танкисты забросали батарею гранатами, а пушки смяли гусеницами.

Улучив момент, Бочковский оглянулся на рощу по ту сторону ручья. Там бой еще продолжался. Объятые клубами дыма горели два танка, подбитые немецкими пушками, только что смятыми танками Владимира. На склоне холма метрах в тридцати от них остановилась машина, которая в лоб атаковала фашистскую батарею. Бочковский с двумя другими экипажами поспешил на помощь. Возле подбитого танка на траве лежали два раненых бойца. Один из них был весь в крови, на другом горел комбинезон.

Попытались их спасти, но было слишком поздно. А между тем фашисты открыли по танкистам перекрестный огонь. Тогда лейтенант Боханов со своим экипажем атаковал немцев, притаившихся в зарослях кустарника, а Бочковский прилег возле гусеницы и застрочил из автомата по вражескому пулемету, стрелявшему из полуразрушенного сарая. Вокруг свистели пули и осколки снарядов. Вдруг командир почувствовал острую боль в левом бедре и с удивлением заметил, что нога у него словно отвалилась в сторону. Попробовал было поправить ее, но тут же потерял сознание.

Товарищи по экипажу под прикрытием танка, который вел на малой скорости сержант Мошкирев, на руках отнесли Бочковского в ближайшую рощу и, воспользовавшись крышками от ящиков из-под боеукладки, наложили на перебитую ногу шины. Затем осторожно втиснули раненого в танк через люк механика. Но едва они

выехали на открытую местность, как сильным взрывом повредило машину — ведущее колесо беспомощно вращалось вхолостую. К счастью, рация уцелела, и танкисты сообщили на командный пункт о постигшей их беде.

— Не падайте духом, хлопцы! — подбодрил их майор Ищенко. — Немедленно высылаю подмогу.

Вскоре на горизонте показался легкий танк Т-60. Он продвигался вниз, словно букашка, маневрируя меж глубоких воронок, окружаемый взрывами. Всего каких-то четыре километра надо было преодолеть спешащему на выручку танку, но немецкая артиллерия устроила за ним настоящую охоту. Однако бронированная машина целой и невредимой добралась до места назначения, благополучно «причалив» к нашему подбитому танку. Взяв на борт раненого, сержант Виктор Федоров, водитель танка Т-60, обратился к остальным:

— А теперь держитесь покрепче, ребята. Ну, была ни была!

Бочковского уложили прямо на броню, подложив под голову чью-то шинель. Двое бойцов поддерживали его, следя за тем, чтобы он не упал. Жгучая боль пронизывала все тело, кровь лилась не переставая. Время от времени лейтенант приходил в чувство, а затем снова терял сознание. Федоров гнал машину на всей скорости, умело маневрируя и словно угадывая, где должен упасть очередной снаряд. После каждого взрыва сверху градом падали камни и комья земли. Метры казались километрами, минуты — часами. Благополучно преодолев обстреливаемую высоту, машина свернула в лес и остановилась возле березовой рощи у командного пункта.

— Что с Бочковским? — выросли словно из-под земли двое санитаров с носилками.

Танкисты бережно уложили командира на носилки. Калинин, батальонный снабженец, неожиданно расщедрился.

— Возьмите, пусть выпьет, быстрее очнется, — произнес он, протянув танкистам кружку водки.

— Лейтенант не переносит запаха спиртного, — возразил Мошкирев.

А Владимира, едва он приходил в сознание, сверлила лишь одна горькая мысль: «Неужели на этом закончится мой боевой путь?»

Три месяца пролежал Бочковский в военном госпитале в Мичуринске. Его могучий молодой организм легко перенес операцию. Правда, после нее он стал заметно прихрамывать. Выписывая Бочковского из госпиталя, врачи предоставили ему шестимесячный отпуск. Но где его провести? Молдавия и Крым — родные края, где прошло детство, — стонали под игм фашистской оккупации. «Да и о каком отпуске может идти речь в такую нелегкую годину?» И Бочковский решил отправиться на поиски своего корпуса.

Со своими боевыми товарищами он встретился на Калининском фронте, у станции Нелидово.

С первых же дней после возвращения в часть ему доверили шесть танков. «За одного битого двух небитых дают», — подтрунивали над Бочковским однополчане, когда он вместе со своими экипажами отправлялся на выручку попавшего в окружение танкового подразделения. Задача выполнена успешно. Бочковский помог нашим танкистам вырваться из железных тисков фашистской механизированной дивизии «Великая Германия», за что был удостоен медали «За отвагу». Это была его первая боевая награда.

— Первая, но не последняя, — поздравляли Владимира его фронтовые друзья.

Вскоре имя Бочковского стало известно в наших танковых частях — подчиненные ему боевые машины наносили ощутимый урон противнику, действуя на самых трудных участках.

На Курской дуге

Временное затишье весной 1943 года на участке фронта между Курском и Орлом было обманчивым и лишь предвещало новую вспышку ожесточенных боев. На этот раз фашистские войска намеревались взять реванш за проигранные сражения под Москвой и Сталинградом и восстановить свою репутацию «непобедимых».

В оперативном приказе Гитлера, изданном 15 апреля 1943 года под шифром «Цитадель», излагался замысел Курской битвы:

«Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление «Цитадель». Это наступление имеет решающее значение. Оно должно быть осуществлено быстро и решительно. Поэтому все приготовления должны быть проведены с большой осторожностью и большой энергией. На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов».

И поскольку Гитлер упрямо настаивал на том, чтобы в этом сражении участвовало около трехсот новых танков — «тигров» и «пантер», первые образцы которых еще не сошли с конвейеров рурских военных заводов, германское командование вынуждено было отложить на некоторое время сроки наступления.

В первых числах июля на Курско-Орловской дуге было сконцентрировано 50 вражеских дивизий, среди которых 17 танковых и мотомеханизированных. На этом участке фронта впервые появились отборные фашистские танковые дивизии «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», «Райх», мотомеханизированная дивизия «Великая Германия». В распоряжение захватчиков прибыло много новой модернизированной техники — самоходные артиллерийские установки «Фердинанд», танки Т-V «пантера» и Т-VI «тигр», самолеты «Хейнкель-129» и «Фокке-Вульф — 190-А».

«Генерал Мороз» и его сообщники — грязь и распутица — были союзниками русских во время зимних боев. В предстоящих летних сражениях победа будет на нашей стороне, — трубила фальшивым голосом геббельсовская пресса в Берлине. — Это решительное, генеральное, последнее сражение».

«Вся наступательная мощь, которую германская армия способна была собрать, — писал гитлеровский генерал Эрфурт, — была брошена на осуществление операции «Цитадель»...

...Старший лейтенант Владимир Бочковский, командир танковой роты, в состав которой входили десять новеньких машин Т-34, прилег на траву, подложив под голову охапку свежесорванных полевых цветов, и мечтательно устремил свой взор в бездонное звездное небо. Где-то рядом всюду стрекотали неутомимые сверчки. Медный диск луны величаво проплывал над вер-

хушками деревьев, обходя свои небесные владения. Был на редкость тихий и теплый вечер... «Даже не верится, что сейчас в разгаре война», — с грустью подумал молодой офицер.

Из соседней землянки, к которой тянулись по земле разноцветные провода, доносились обрывки солдатских разговоров:

— Разве что в госпитале солдат имеет возможность отдохнуть. А на фронте нет ему передышки — после марш-броска — в бой, после боя — марш-бросок. И смерть подстерегает его на каждом шагу.

— Сколько земли перекидал я лопатой за эти два года, можно было бы, наверное, котлован для высотного здания откопать.

— Усилия, затраченные на то, чтобы укрыть и замаскировать боевую технику, всегда окупаются с лихвой.

К слову, все окопы и ходы сообщения, вырытые только на Курской дуге, имели протяженность около 10 тысяч километров — это расстояние от Бреста до Владивостока.

Советское командование противопоставило фашистскому наступлению под Курском мощную, глубоко эшелонированную оборону. Она имела восемь рубежей глубиной до 300 километров.

«Штаб армии, — вспоминает М. Е. Катук, — расположился в деревне Успен, а соединения и части — по окрестным селам и деревням. На марше соблюдали строжайшую маскировку. А ведь скрытность в передвижении армии — дело непростое. Это целое искусство. Начали с того, что марш от разгрузочных площадок к обояньским селениям совершали ночью. Так по законам военного времени и полагается. Но достаточно ли этого? Ведь чем черт не шутит! Появятся наутро в воздухе фашистские авиаразведчики — по гусеничным следам определят, что здесь проходили большие танковые колонны.

И все наши старания скрыть переход войск пойдут насмарку.

Однако танкисты — народ изобретательный. Так просто их на кривой не объедешь. Нехитрую, казалось бы, придумали штуку: привязали к танковой корме

связки хвороста. Идут машины по весенним проселкам, а хворостянки гусеничные следы заметают.

Но не менее важна и маскировка на месте дислокации. И тут они проявили добрую сметку. Спрашивается: что видит с воздуха вражеский разведчик, пролетая над деревней? Контуры домишек, сараев, погребов, банек. А отсюда вывод: не следует ли расположить танки и другую боевую технику таким образом, чтобы у вражеского воздушного разведчика при полете над селением создавалось впечатление, что здесь все, как было неделю назад.

Вот мы и начали ставить танки и другие машины впритык к хатам, строениям, сараям, а сверху прикрывать их под одну крышу со строением. Ну, конечно, выросал тот сарай на метр-другой, но разве с большой высоты заметишь?»

Танкисты, воспользовавшись столь редкими на фронте минутами затишья, продолжали неторопливую беседу, а Бочковского тем временем срочно вызвал к себе начальник штаба.

— Разверни-ка, Бочковский, свою простынь,— приказал начальник. «Простыню» танкисты обычно называли боевую карту.

Владимир ловким движением вытащил из планшета карту и развернул ее на столе.

— Судя по имеющимся сведениям,— объяснил тот Бочковскому,— противник будет пытаться прорвать нашу оборону где-то вблизи села Яковлева. Следовательно, вам необходимо в течение ночи занять новую боевую позицию возле окрестных высот. Хотя времени и маловато, вы должны перебросить всю технику, окопаться и замаскировать ее по всем правилам.

— Понятно! Разрешите действовать!

— В добрый час!

Повернувшись кругом, Бочковский отодвинул рукой плащ-палатку, прикрывавшую вход в землянку, и отправился выполнять приказ. Он и не подозревал о том, что в этот самый момент немцы заканчивали последние приготовления перед началом операции «Цитадель». Немецким солдатам зачитывался приказ Гитлера:

«Солдаты! С сегодняшнего дня вы начинаете большое наступление, исход которого может иметь решающее значение для войны. Ваша победа во всем мире должна

еще больше, чем раньше, укрепить уверенность в том, что оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном итоге бесполезно.

...До сих пор русским достигнуть того или иного успеха помогали их танки. Мои солдаты! Наконец, вы имеете теперь лучшие танки, чем они! Колоссальный удар, который утром поразит советские армии, должен их потрясти до основания. Вы должны знать, что от успеха этого сражения может зависеть все».

Гитлеровские генералы были твердо уверены, что на этот раз под Курском им достанутся лавры победителей. Однако их постигло горькое разочарование. Сокрушительный огонь советской артиллерии застал фашистов врасплох. От мощных залпов пылало зарево, стонала, сотрясаясь, земля.

«Ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это»,— писал бывший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал Ф. Меллентин.

Если бы могли знать захватчики, сколь катастрофичной станет для них битва под Курском!

В течение всего дня на передовой не утихали ожесточенные бои. Взрывы безжалостно сокрушали траншеи и другие оборонительные сооружения, пламя жадно пожирало технику, дома, посева, падали люди, сраженные пулями. Самолеты стаями кружились над этим заревом, без устали сбрасывая многотонные авиабомбы, все кипело словно в кратере гигантского вулкана.

После бесчисленных атак и невероятных усилий 6 июля противнику удалось перейти на отдельных участках в наступление. Остатки наших стрелковых батальонов, отстреливаясь, отступали за боевые позиции артиллеристов.

Эстафету боя подхватили танкисты.

Сегодня, после стольких лет, я с волнением беру в руки «Журнал боевых действий 2-го отдельного танкового батальона 1-й гвардейской Чертковской дважды ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого танковой бригады (с 13-ХІІ-1941 г. по 28-VІІ-1943 г.)», в составе которого прославился на Курской дуге наш земляк, тираспольчанин Владимир Бочковский, и внимательно слежу,

шаг за шагом, день за днем за боевым путем «огненных цитаделей»:

- «8.5.1943 В течение дня личный состав находился на учебных боевых стрельбах. Упражнения — стрельбы с ходу по неподвижной цели с отработкой тактической задачи: «Действия танк, взвода из засад». Отличные результаты показали экипажи: гв. л-та Потемкина, гв. л-та Онищенко, гв. л-та Шаландина, Бессарабова.
- 28.6.1943 В батальоне проведены зачеты по боевой подготовке. Боеготовых танков Т-34 — 25, на ходу транспортных машин — 13. Засада своего места расположения не меняла.
- 5.7.1943 Противник на протяжении суток вел арт.-мин. подготовку. Авиация противника бомбила район расположения засад. Жертв и потерь батальон не имеет...
В 17.00 батальон вышел и занял оборону ю-в. д. Яковлево.
Противник на протяжении всего дня вел сильный арт.-мин. огонь и активное действие авиации. Батальон имеет потери: в личном составе — ранено 6 чел. Сожжено танков Т-34 — 1 шт., подбито — 3 шт. Тылы батальона находятся в урочище Сухая.
- 6.7.1943 Батальон сдерживает наступление танков и пехоты противника в р-не Яковлево. Тылы на прежнем месте. Потери б-на: убито 9 чел., ранено — 4. Танков сожжено — 3, подбито — 5. Батальон уничтожил: 12 танков пр-ка, из них... (оторван лист).
- 7.7.1943 Батальон на протяжении всего дня... численные атаки противника... (лист оборван осколками).
- 8.7.1943 Противник крупными силами танков и пехоты в течение дня потеснил наши части и вышел на рубеж: ур. Сухая, Красная Дуброва, ур. Щенечье, пытаясь развить успех дальнейшего наступления вдоль шоссе Белгород — Обоянь. Батальон занял оборону 1200 м юго-вос. отметки 260,8 с задачей: огнем танков

- не допустить дальнейшего продвижения пехоты и танков противника на север.
- 10.7.1943. Противник с 5 по 9.7.1943 г. включительно вел наступление крупными силами танков и пехоты. Батальон, находясь в обороне, на протяжении пяти дней подвергался бомбежке авиации пр-ка, артиллерийскому и минометному обстрелу. Потери техники: танков Т-34 — 15 шт. Подбито и эвакуировано 2 танка Т-34. За это время батальон уничтожил: танков Т-VI «тигр» — 19, подбито — 3, средних танков — 24, подбито — 5. Противотанковых орудий уничтожено — 4 шт., транспортных машин — 2 шт., солдат и офицеров до 300 человек. Газо-смазочными материалами, боеприпасами и продовольствием батальон снабжен».

А как переживал эти бурные события, как комментирует эти скупые строки, написанные прямо на поле боя, сам Бочковский, командир танковой роты?

«Пролистав этот дневник огненных лет, — рассказывает В. А. Бочковский, — на меня сразу нахлынули воспоминания. Яковлево... Небольшая деревенька под Обоянью на берегу тихой, спокойной Ворсклы. Несколько десятков деревянных изб, кирпичная церковь за околицей, а чуть южнее — высота. Мало ли пришлось повидать деревень за четыре фронтовых года! Но эта особенно врезалась в память. Наверное потому, что бой на высоте у Яковлево был особенным — на редкость трудным, крайне ожесточенным. В шеститомном издании «Истории Великой Отечественной войны» ему посвящено несколько строк: «Исключительно тяжелый удар приняла на себя прославившаяся еще в боях под Москвой 1-я гвардейская танковая бригада. Ей было поручено остановить продвижение танков противника вдоль шоссе, ведущего на Обоянь, и гвардейцы-танкисты встали насмерть на подступах к деревне Яковлево. Обрушив на них град бомб и снарядов, гитлеровцы двинули вперед десятки танков... Яростная атака был отбита. Но тут же, почти без передышки, началась вторая атака, за ней третья и четвертая. Количество немецких танков, участвовавших в наступлении, непрерывно возрастало. В воздухе над узеньким клочком земли все вре-

мя висели десятки немецких самолетов. И все-таки гвардейцы стояли...»

Да, наша гвардейская бригада держалась прочно. Я хорошо помню боевой порядок. Оба батальона занимали оборону по правому берегу Ворсклы. Расчет был прост: река, с заболоченным левым берегом,—хорошая естественная преграда для вражеских танков. Тут противник, если и не завязнет, то уж темп наступления волей-неволей ему придется сбавить. И тогда его танки станут для нас хорошими мишенями.

Но как бы ни был надежен рубеж обороны, а оставлять его без прикрытия нельзя — логика боя. Такое прикрытие решено было выставить на левом берегу Ворсклы на высоте южнее Яковлево. Занять эту передовую позицию было приказано второй танковой роте, которой тогда командовал я.

Помню, ночью с 5 на 6 июля приехал в роту адъютант командира батальона старший лейтенант М. Ярошук. Подозвал меня и, посвечивая фонариком на карту, указал высоту.

— Видишь?— спрашивает.

— Вижу.

— Приказ комбрига: к двум часам ночи занять здесь позицию. Вам придается рота автоматчиков и артиллерийская батарея.

Один за другим танки вышли на Обояньское шоссе. Было темно, на небе выпали крупные звезды. Звуки боя утихали, но на юге горизонт пламенел от пожаров. Двигаясь навстречу этому зареву, каждый невольно думал о предстоящем суровом испытании.

Я задумался. Да, уже позади два года войны. 5 июля 1941 года полчища захватчиков, сметая все на своем пути достигли Смоленска. Ровно через год они находились под Воронежем. А на рассвете 5 июля 1943 года немецкие войска очутились под Курском, куда их отбросила Красная Армия после зимних наступательных боев.

Для большинства экипажей это был первый бой. Комсомольская рота появилась в составе первой гвардейской бригады всего несколько месяцев назад. Ее сформировали из вновь прибывшего пополнения. Командирами взводов и танков были молодые выпускники танкового училища, Лишь командир первого взвода младший

лейтенант Бессарабов имел боевой опыт, да я, в то время старший лейтенант, уже участвовал в боях на Брянском и Калининском фронтах, принял роту, вернувшись из госпиталя после тяжелого ранения.

Миновав деревню Яковлево, мы вышли на окраину, где одиноко стояла кирпичная церковь. Далее шоссе взбиралось на пологую высоту.

Роту к высоте я вывел в начале второго. Расставил танки, вышел на гребень высоты и только теперь заметил, что вокруг стоит необыкновенная тишина. Это меня удивило. Вчера весь день впереди нас громыхал бой, а сейчас тишь и безлюдье. Значит, наших войск впереди уже не было. Но размышлять над этим было некогда — надо еще договориться о взаимодействии с соседями. Встретился со старшим лейтенантом Бочаровым, командиром автоматчиков. Он окопался в передних скатах высоты. Под утро разыскал меня младший лейтенант Артюшин — командир противотанковой батареи. Посоветовались с ним, где поставить орудия, и решили: левее, чуть впереди. Исходили из того, что если танки противника подойдут к высоте, то окажутся бортами к артиллеристам, а если они развернутся на батарею, то нам подставят борта.

Договорились о связи, пожали друг другу руки и разошлись.

Каждый наш танк скрытно занял указанное ему место за гребнем высоты, слева от шоссе расположились в линию машины лейтенантов Бессарабова, Шаландина, Соколова. На правом фланге — танки Литвинова, Чернова, Прохорова, Духова, Можорова, Малороссиянова, Большакова.

За ними — вытянувшиеся вдоль дороги деревенские домики и где-то внизу — тихая Ворскла, скромный приток Днепра.

Заместитель по политической части Н. Буторин успел побывать во всех экипажах, подбодрить людей. Часа в четыре начало рассветать, и я уже мог оглядеться. Но правому пологому скату высоту пересекает дорога. Это шоссе Курск—Обоянь—Белгород. Слева от шоссе четыре танка, справа — остальные. Сзади — высокая церковная колокольня, а дальше в тумане, поднявшемся с реки, угадывается Яковлево. Но меня сейчас больше всего интересует, что там — впереди?

Встал на башню, в микрофон команду механику-водителю сержанту Петру Ефименко, чтобы он медленно подавал машину вперед. Выдвинулся так, чтобы просматривалось все пространство перед высотой.

Панорама, которая открылась перед глазами, показалась удивительно мирной. Большая, километра на два-три, лощина, затянутая серой дымкой тумана. Местами он разрежен, и в этих просветах бугрятся копны сена. А над головой заливается жаворонок. Переливчато, самозабвенно, как над первой весенней проталиной. И от всего этого на миг появилось такое ощущение, что нет на свете никакой войны, а есть только это вот тихое, мирное утро.

Рассвет наступил быстро, туман редел, рассеивался. Я снова поднес к глазам бинокль и от неожиданности оторопел: те холмики, что я принял в тумане за копны сена — оказались... фашистскими танками. Вся лощина, насколько хватал глаз, была буквально усеяна ими. Бросилась в глаза такая деталь — необычные контуры танков — высокие, громоздкие. Так вот они какие «тигры». Мы уже знали об этой новинке гитлеровцев, познакомились с ее тактико-техническими характеристиками. А сейчас вот они оказались перед нами. Между «тиграми» заметил «пантер».

У меня была прямая связь с командиром бригады полковником В. Гореловым. Докладываю ему, что передо мной примерно 80—100 танков.

— Ну что ж, будем встречать, — спокойно отозвался комбриг. И, наверное, не столько слова, а именно тон командира подбодрил меня, вселил уверенность. А поначалу, чего греха таить, жутковато было увидеть перед собой такую армаду.

В стане противника началось оживление. Возле танков замелькали фигуры в белых рубашках, в динокль можно было рассмотреть даже котелки в руках — фашисты умывались. Причем, расхаживали без всяких предосторожностей — видимо, были уверены в безнаказанности.

Такая наглость и бесцеремонность возмутили меня. В роте старшего лейтенанта Бочарова были снайперы. Попросил его, и он прислал ко мне известного в нашей армии снайпера сержанта Курбангалиева. Снайпер он опытный, я слышал, что на его счету к тому времени бы-

ло более ста фашистов. Большую услугу могли оказать и нам снайперы: вывести из строя часть вражеских экипажей перед началом боя — великое дело.

Через несколько минут с высоты защелкали сухие винтовочные выстрелы. Фашисты у танков забегали, спрятались за броню, но человек пять или шесть снайперы уложить успели. Что ж, неплохо. Но смотрю — от танковой армады отделяются три машины и на большой скорости идут в нашу сторону.

Три танка для роты, в общем-то, не страшны, но я знаю, что это лишь начало, главный бой еще впереди, поэтому раскрывать весь боевой порядок было нерезонно. Кому поручить эту встречу с фашистами? Это представлялось мне очень важным, потому что предстоящий бой для большинства экипажей был первым. Рота сформирована недавно из пополнения, взводы возглавили молодые выпускники училища. Поначалу хотел сам, своим экипажем начать бой. Но подумал: даст ли это нужный эффект? Они знают, что я-то уже участвовал в боях, а надо было вселить в экипажи уверенность, что и в первом бою можно успешно бить фашистов.

Выбор мой пал на комсорга роты лейтенанта Юрия Соколова. По радио ставлю ему задачу: как только танки приблизятся на дальность прямого выстрела — выйти на высоту и открыть огонь.

Подчеркиваю: на высоте не задерживаться, два-три выстрела и назад, вниз. Передаю и ловлю себя на мысли, что голосом невольно подражаю комбригу — стараюсь говорить спокойно, уверенно.

Ох, как томительно тянутся минуты перед началом боя! Юрий Соколов то и дело нетерпеливо спрашивает:

— Не пора?

— Не спеши, — успокаиваю, хотя в душе понимаю его нетерпеливость, его волнение. Знаю, что каждая минута кажется ему по меньшей мере часом.

Танки подходят все ближе, ближе... Это не «тигры» — в разведку послали более легкие танки. Вот уже до них осталось метров 400—500. Передаю лейтенанту Соколову:

— Вперед!

Тридцатьчетверка, управляемая сержантом Сметаниным, рванулась на высоту. Не вылезая на гребень, остановилась как вкопанная, и почти тут же громыхнул вы-

стрел. Ах, поспешил Юрий! Снаряд упал чуть ли не посредине между высотой и фашистскими танками. Стараясь говорить как можно спокойнее, передаю Соколову:

— Проверь прицел.

Но он, видимо, и сам уже догадался. Второй выстрел оказался точным: в диноклъ мне хорошо было видно, как правый танк внезапно остановился, будто натолкнулся на невидимую преграду. И тут же задымил. Я не удержался, закричал:

— Молодец, Юра!

Вряд ли он меня услышал, потому что именно в этот момент прогремел еще один выстрел. И тоже удачно — подбит второй танк. А третий, так и не открыв огня, развернулся на полном ходу и подался восвояси. Танк Соколова задним ходом спустился с высоты и встал на свое место. Я уже собрался пойти поздравить его, но в это время по радио запросили:

— Кто вел огонь?

— Комсорг роты лейтенант Соколов, — доложил я.

— Поздравьте его с орденом Отечественной войны второй степени.

Это передал командир корпуса генерал Кривошеин, который, оказывается, вместе с командиром бригады наблюдал за боем. Я, конечно, с большой радостью тут же выполнил такое приятное поручение. Причем, по радио — чтобы слышали все экипажи.

Первый успех, высокая награда окрылили моих танкистов, вселили уверенность, что, действительно, «не так уж страшен черт...». Это было важно — почувствовать уверенность в себе. Особенно в первом бою.

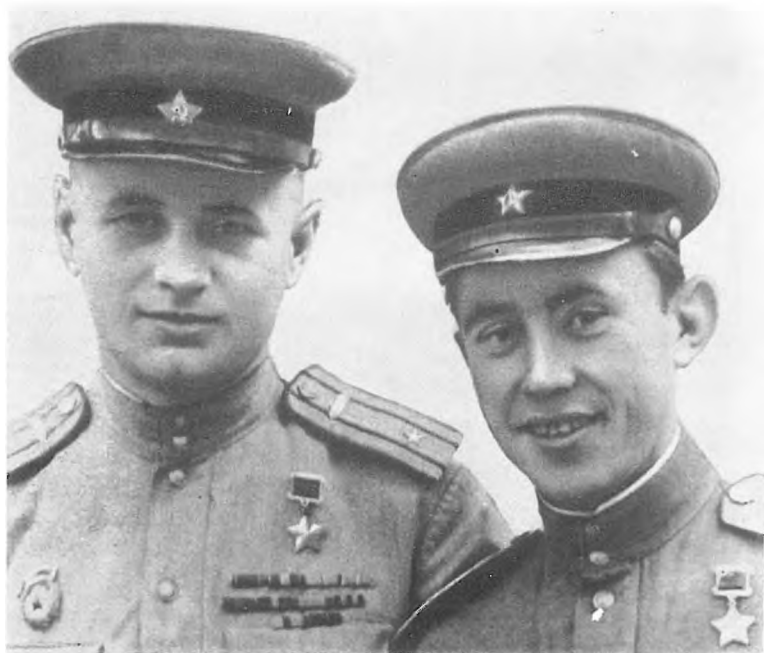
Но я с беспокойством поглядывал туда, за высоту. Ведь это было только начало, разминка, как говорят спортсмены. А что следует дальше?

А дальше над нами появилась «рама» — самолет-разведчик. Получив по зубам, фашисты решили не лезть на рожон, а сначала узнать, с кем, с какими силами придется иметь дело. Самолет покружил над нами и, не спеша развернувшись, ушел. Нас он, конечно же, всех пересчитал. Ну, теперь жди, думаю. Теперь уже пойдут не тремя машинами.

Ждать пришлось недолго — вскоре послышался гул. Причем, сначала он показался мне каким-то «странным».

Танковая колонна «От трудящихся Молдавии» на марше.
Польша, декабрь 1944 года.

Танковая колонна «От трудящихся Молдавии» дала Родине восемь Героев Советского Союза. На снимке: Владимир Бочковский и Вячеслав Беляев.

Друзья-танкисты в перерыве между боями. Карпаты, 1944 год. В центре — В. Бочковский.

Приказ Верховного Главнокомандующего от 29 марта 1944 года.

П Р И К А З

Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта, в результате умелого и смелого сплочения и неукротимой отваги, овладевая горным и крутым железнодорожным узлом КОЛОМЫИ — важным опорным пунктом обороны немцев в предгорьях КАРПАТ.

В боях за овладение городом КОЛОМЫИ отличились бойцы генерал-лейтенанта танковых войск КАТЮКОВА, генерал-майора ЗАМИРОВОСКОГО, танкисты генерал-майора танковых войск ДРЕМОВА, полковника ОРЕТОВА, капитан БОЧКОВСКОГО и авторы польовых КАРЧЕВИНА.

В ознаменование одержанной победы награждать и чести, наиболее отличившиеся в боях за освобождение города КОЛО-

МЫИ, представить и присвоить наименования «КОЛОМЫЙСКИИ» и награждать орденами.

Сегодня, 29 марта, в 21 час столицы нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом КОЛОМЫИ, — звездными артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководящим и боевым войскам, участвовавшим в боях за освобождение города КОЛОМЫИ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немцам залетчицам!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза**

29 марта 1944 года.

И. СТАЛИН.

Братья Владимир и Анатолий Бочковские. 1945 год.

Сын полка Вова Зенкин окончил войну в Берлине с четырьмя боевыми наградами.

В. Зенкин и В. Бочковский.

Герой Советского Союза, комбриг В. М. Горелов.

Командир 1-й гвардейской танковой бригады
полковник А. М. Темник.

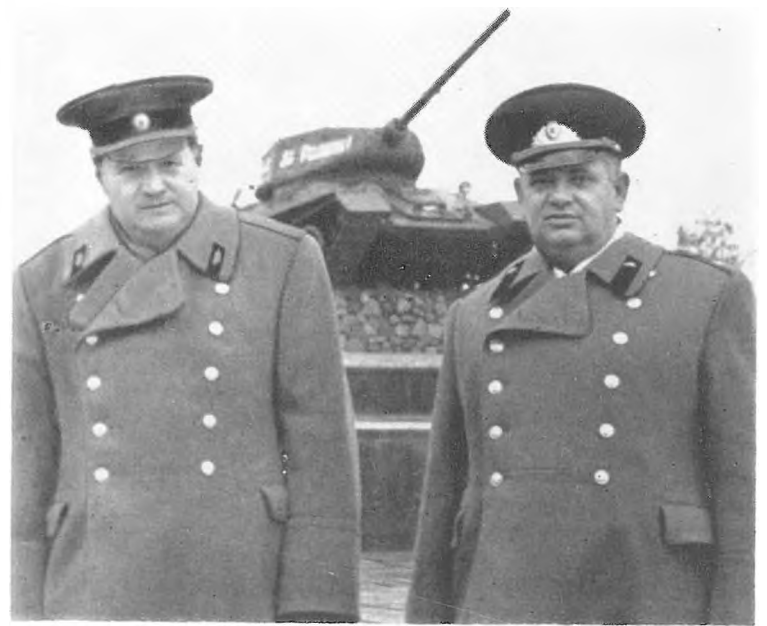

Михаил Нечитайло, командир второго танкового батальона и Григорий Несгеренко, зам. командира батальона по политчасти, снимок 1945 года.

Группа ветеранов-танкистов, среди которых В. Бочковский и М. Нечитайло, в Польше, в одном из освобожденных ими городов. Май 1973 года.

Братья Владимир и Анатолий Бочковские в родном городе Тирасполе.

Владимир Бочковский, почетный гражданин трех польских городов, в Александрове у мемориальной доски, посвященной советским воинам-освободителям из танковой колонны «От трудящихся Молдавии».

Группа ветеранов танкового батальона «От трудящихся Молдавии» в Кишиневе. Апрель 1975 года. Слева направо: Владимир Максименко (г. Уфа), Борис Краев (г. Кирово-Чепецк Кировской обл.), Вячеслав Беляев, Герой Советского Союза (г. Горький), Михаил Блинов (г. Дзержинск Донецкой обл.), Виктор Кочетов (г. Львов), Владимир Зенкин (г. Находка, Приморский край) и Марк Белоус (с. Сестринька Винницкой обл.).

Рядовые труженники фронта механики-водители броневых крепостей «От трудящихся Молдавии» Борис Краев, Владимир Максименко и Марк Белоус, приглашенные по случаю 30-летия Великой Победы в Молдавию.

Владимир Зенкин (слева) и Виктор Кочетов беседуют с кишиневцами. Апрель 1975 года.

Герой Советского Союза В. А. Бочковский вручает Музею истории Компартии Молдавии макет танка «От трудящихся Молдавии». Январь 1974 года.

Видимо, настроившись психологически на танковую атаку, я совсем упустил из виду другую опасность — с воздуха. А гул исходил именно сверху. Глянул в небо, а оно, как крестами, усеяно самолетами: три, шесть... девять... Дальше считать было некогда — первые уже приближались к нашей высоте. Подал команду всем в машины, закрыть люки и сам сделал то же.

Разрывы бомб, сначала редкие, вскоре слились в один сплошной гул. Казалось, гудит и ухаёт сама земля, содрогаясь от мощных ударов. Помню, самое сильное чувство, которое я испытывал в те минуты, — это чувство обиды за свое бессилие. Ведь мы не могли ответить зенитным огнем, мы были для него просто мишенью. Но я не мог забывать и о другом. Мысль о танках в лощине ни на секунду не выходила из головы. Я приказал механику выдвинуться вперед, чтобы лучше было наблюдать. Будто подсознательно чувствовал: вот-вот должна начаться танковая атака.

И не ошибся: в направлении высоты двигалось огромное облако пыли, подкрашенное по низу в темно-синий цвет. Точное количество танков определить было трудно, но пятнадцать я насчитал. Прикидываю: всей ротой отражать атаку или частью сил? Предполагаю, что это не последняя атака, что потом может быть еще труднее, танки, стоящие справа, за дорогой, решил пока в бой не вводить. Такую и поставил задачу экипажам лейтенантов Соколова, Шаландина и младшего лейтенанта Бессарабова, стоявших рядом со мной. Предупредил: огонь не открывать, пока атакующие не поравняются с подбитыми танками. И еще напомнил: на высоте не задерживаться. Два-три выстрела и скатываться вниз, менять позицию.

Такая тактика маневрирования в оборонительных боях была уже проверена. Как бы ни был замаскирован танк, после трех выстрелов он все равно обнаруживает себя и становится для врага мишенью. Причем, неподвижной. К тому же маневрированием я надеялся ввести противника в заблуждение относительно количества танков.

Фашисты шли плотным строем прямо на высоту. Артиллерийскую батарею они, похоже, в расчет не брали. Может, самолет-разведчик не заметил ее? Это об-

стоятельство радовало меня — оно увеличивало наши шансы на успех.

Вражеские танки приближались к подбитым машинам. Я подал команду экипажам Соколова, Шаландина и Бессарабова выбрать себе головной «тигр» и не спеша прицелился! Выстрел! Но странное дело. «Рикошет!» — кричит командир башни сержант Хлопотов. Второй выстрел. Вижу, что опять попал в цель, но «тигр» как ни в чем не бывало продолжает идти вперед. Вот оно что! Его лобовая броня для наших снарядов, оказывается, непробиваема. Обидно! Свой горький опыт передаю товарищам:

— «Тигры» бить только по бортам!

Лейтенант Шаландин подбил средний танк, вскоре загорелся еще один — от выстрелов младшего лейтенанта Бессарабова. А остальные продолжали идти на нас. И тут на помощь пришли артиллеристы. Каким молодецом оказался командир батареи младший лейтенант Артюшин! Хватило у него выдержки дождаться, пока танки подставят ему борта.

И вот задымил первый «тигр», подбитый артиллеристами, загорелся тяжелый Т-IV. Фашисты спохватились, и часть танков развернулась на батарею. Вот тут-то и показали нам «тигры» кресты на своих бортах. Боковая броня не выдерживала наших снарядов — я заметил это по первому же выстрелу. Танк, по которому я стрелял, как-то странно дернулся, будто споткнулся, несколько метров еще прошел и остановился. Один за другим загорелись еще два танка, подбитые Соколовым и Шаландиным.

Экипажи роты вели меткий огонь. Лейтенант Прохоров поджог «тигр», Алеша Духов подбил два средних танка. По одному «тигру» остановили экипажи Литвинова, Чернова, Большакова.

У нас было строгое правило — не задерживаться на высоте. После двух-трех выстрелов быстро скатывались вниз и появлялись на новом месте. А «тигры» оказались не так уж страшны. Наряду с броневым преимуществом, у них был и существенный недостаток: громоздкость, медлительность. Видишь, как он начинает поворачивать на тебя свой длинный ствол, но пока наведет, ты успеваешь сделать два-три прицельных выстрела.

Пришлось преодолеть нам и трудность психологиче-

ского порядка: бить не по тем танкам, которые шли на нас, а по тем, что вели огонь по артиллеристам. Они, в свою очередь, делали так же. Это не легко. Взгляд словно магической силой притягивает к тому танку, который целит, кажется, прямо в тебя, но усилием воли заставляешь себя стрелять по борту другого, который угрожает соседу. Верись, что о тебе позаботится он. И эта боевая взаимовыручка нам очень помогла.

Оставив на поле около десятка горящих машин, фашисты отошли.

Передышка... Надолго ли? Осматриваю свои боевые порядки. Все на местах. Обошлись без потерь. У артиллеристов подбито одно орудие, есть раненые.

Недолго продолжалось затишье — опять появились самолеты, но на этот раз их было гораздо больше. Бомбовые разрывы слились в один сплошной гул. Высотка, на которой стояли наши танки, казалось, готова вот-вот опрокинуться от сотрясавших ее ударов. А потом последовала атака танков — более тридцати машин. На высоту они двигались не в лобовую, как прежде, а охватывая ее подковой.

...Огневой бой продолжался долго. Атакующие танки смешались с дымившимися подбитыми, что затрудняло нам наблюдение и усложняло прицеливание. Выстрелы беспрерывно гремели с той и другой стороны, над полем висели тучи пыли и дыма. Грохот выстрелов, вой снарядов, рев двигателей — все сливалось в один гремющий, стонущий гул... Лезть на высоту фашисты не спешили — вперед продвигались медленно, стараясь больше маневрировать в том котле из пылевой завесы. Они видели: стбит какой-то машине вырваться вперед — она неминуемо оказывается подбитой.

Один за другим выходили из строя и наши танки. Задымилась машина лейтенанта Чернова, за ней Прохорова, Литвинова, Малороссиянова, Можгорова... Словом, осталось в роте четыре экипажа. В это время хорошо знакомый голос командира батальона майора С. Вовченко беспрерывно сообщал:

— Вас обходят справа до двадцати легких танков! Идут в Яковлево.

На высоту напирают около двух десятков тяжелых и средних танков. Оголять позицию здесь нельзя. Но надо и тыл закрывать. Что делать? За себя оставил лей-

тенанта Соколова, а сам устремился к церкви, чтобы встретить те, обходящие с фланга.

Танки шли вдоль реки на малой скорости — по заболоченной низине. Не разгонишься. Удачно укрывшись за церковь, мой танк ударил их по бортам. Первым же выстрелом подбил головную машину — вспыхнула, как факел. Потом перенес огонь на задние, но к удивлению своему заметил, что загораются и те танки, которые находились в середине. И не сразу сообразил, что из-за реки по ним ведет огонь наша первая рота. Из двадцати только трем или четырем удалось вырваться назад, а остальные дымящимися кострами застыли на берегу Ворсклы.

Я вернулся на высоту. Здесь три танка, умело маневрируя, геройски отбивали натиск озверелого врага. Трудно найти слова, чтобы воздать должное стойкости экипажей. По существу, горсточка танкистов была уже окружена. Враг поливал снарядами дотла выжженную землю. Фашистские стервятники почти непрерывно бомбили высоту, но танкисты продолжали сражаться, свято соблюдая девиз: «Гвардия в бою не отступает».

Получил по радио приказ: выйти из боя и отойти за реку.

Но танк Юрия Соколова неожиданно застрял в глубокой воронке. К нему на помощь поспешил Бессарабов. Заряжающий рядовой Елюсин под сильным огнем зацепил танк Соколова буксирным тросом. Мы с Шаландиным прикрываем их. Не менее семи танков уже обошли высоту слева, шесть двигаются прямо на нас, семь-девять обходят справа. Снаряд «тигра» прошил башню застрявшего танка и поджег его.

Теперь уже не было смысла буксировать ее дальше. Экипаж Соколова покидает машину. Бессарабов доложил, что кончились снаряды, и получил приказ немедленно выходить из боя к церкви. И вдруг я почувствовал оглушительный удар. Машина резко остановилась. По лицу потекли две струйки крови.

— Чего уставились? — хрипло произнес. — Быстро вниз — натягивать гусеницы!

Однако очередной снаряд вывел из строя двигатель. Два снаряда, один за другим, поразили мою тридцатьчетверку. С экипажем, отстреливаясь от автоматчиков, отхожу к машине Бессарабова.

На поле боя остался один танк Вальдемара Шаландина, уничтоживший два «тигра» и два средних танка. В разгар боя тридцатьчетверка была подбита и загорелась. Но Шаландин не покинул боевую машину, до последнего вздоха продолжал разить врага. Бой переместился на позиции бригады.

Родина высоко оценила героический подвиг гвардейцев-танкистов, отразивших в неравной борьбе удары фашистского танкового тарана вдоль шоссе Белгород—Обоянь. Все без исключения офицеры, сержанты и рядовые роты были награждены орденами. Лейтенант Бессарабов и сержант Кусков удостоены ордена Ленина. У меня за этот бой орден Боевого Красного Знамени. А лейтенанту Шаландину В. С. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Двенадцать обгоревших, израненных осколками и вконец обессилевших бойцов выбрались из огневого кольца взрывов на танке Т-34 лейтенанта Бессарабова. Это все, что осталось от отважного подразделения.

«Конечно,— писала в те дни газета «Комсомольская правда»,— и рота Бочковского понесла тяжелые, непоправимые потери. Никогда уже не возвратятся в наши ряды Соколов, Шаландин, Можоров и многие другие герои. Они грудью заслонили путь захватчикам, честно выполнив свой воинский долг перед Родиной. В первый же день гвардейцы под командованием старшего лейтенанта Владимира Бочковского уничтожили 15 вражеских танков, на другой день — 8 машин. И среди них немало «пантер» и «тигров».

«В разгар боя,— пишет М. Е. Катуков в своей книге «На острие главного удара»,— ко мне вошел Соболев:

— Товарищ командующий, перехватили донесение,— он положил передо мной листок бумаги.— Смотрите, что сообщают гитлеровские авиаразведчики.

Текст гласил: «Русские не отступают. Они стоят на том же рубеже. Наши танки остановились. Они горят».

Такие радиоперехваты показывали, что гитлеровцы, не добившись на обояньском направлении заметного успеха, начинали нервничать. У нас росла уверенность, что мы выстоим в кровопролитной схватке...

Несмотря на явное превосходство противника, гвардейцы не дрогнули. Восемь тридцатьчетверок целый день

отбивали атаки. Особенно отважно дрались экипажи танков В. А. Бочковского и Г. И. Бессарабова. Только за два дня боев танкисты роты Бочковского уничтожили 23 танка, в том числе несколько «тигров»*.

Эту победную эстафету подхватили другие, такие же стойкие и бесстрашные советские танкисты. Где-то в окрестностях села Яковлево сокрушительным огнем встретили врага отважные бойцы капитана Андрея Мамалуй. По ту сторону реки мужественно сражались бесстрашные танкисты, которыми командовал майор Александр Бурда.

— Сворачивай направо, Матняк, направо! — повторял майор, оглушенный грохотом взрывов. — Объезжай стороной, иначе машина провалится в овраг.

Однако танк продолжал упорно двигаться вперед. Офицер недоумевающе взглянул на механика, и тут ему стало не по себе: у рычагов он увидел лишь окровавленный обрубок правой руки. Механик, стиснув зубы, пытался левой рукой изменить направление движения машины.

— Что случилось, Матняк! — вскрикнул майор, пытаясь притормозить мчавшийся на огромной скорости танк. — Потерпи немного, сейчас же вызовем санитарную машину...

Затем настал день 12 июля, когда развернулось упорное сражение возле села Прохоровка, яркой страницей вошедшее в эпопею Великой Отечественной войны и ставшее кульминационным пунктом в этом грандиозном столкновении противоборствующих армий.

Четыре недели свирепствовал огненный смерч взрывов над окопами. Здешние места превратились в грандиозное кладбище фашистской военной техники.

«На отдельных этапах Курской битвы, — писал дважды Герой Советского Союза Маршал А. Василевский, — с обеих сторон участвовало более 3 миллионов человек, до 45 тысяч орудий и минометов, около 7000 танков и самоходных орудий, до 6000 боевых самолетов, что было значительно больше, чем это имело место в битвах под Москвой и Сталинградом вместе взяты-

* М. Е. Катукон. На острие главного удара. Воениздат. Москва, 1974, стр. 226—228.

ми. Курскую битву по праву называют величайшей танковой битвой второй мировой войны. Советские войска разгромили 30 вражеских дивизий, в том числе 7 танковых. Потери германских войск составили около 500 тысяч человек, 1500 танков, 3000 орудий, свыше 3500 самолетов. Коренной поворот в ходе второй мировой войны, начавшийся в великой битве под Москвой и получивший наибольшее развитие в Сталинградской битве, в сражениях на Курской дуге был окончательно завершён».

В ходе боев на Курской дуге наши войска израсходовали 9200 вагонов боеприпасов и 155 тысяч тонн горючего.

5 августа 1943 года столица нашей Родины Москва артиллерийскими залпами салютовала героям-освободителям городов Орел и Белгород. После Курской битвы стратегическая инициатива полностью перешла на сторону наших войск. Признавая этот свершившийся факт, гитлеровский генерал Гейнц Гудериан с горечью вспоминал слова Фридриха Великого, который говорил о своих русских противниках, что в каждого из них нужно стрелять дважды да еще и подтолкнуть, чтобы свалить с ног. «Он по достоинству оценил качества этих храбрецов. В 1941—1943 годах мы были вынуждены убедиться в справедливости этой истины», — констатировал фашистский генерал.

Бои быстро откатились к Днепру. А ветер еще гонял меж изуродованными танками, орудиями и автомашинами обрывки геббельсовских газет, по полям еще слонялись оборванные, голодные и оглушенные залпами «катыш» немецкие солдаты, на перекрестках и вдоль шоссе-сеиных дорог еще можно было увидеть огражденные колючей проволокой места и таблички с надписью «Минен». Бродившие по лесам фашистские офицеры, которые еще недавно спесиво шагали по улицам побежденных европейских городов, при виде наших солдат трусливо поднимали руки с возгласом «Гитлер капут!».

После битвы под Курском танковая армия генерала Катукон, которая блестяще выполнила поставленные перед ней задачи, перешла в резерв Верховного Главнокомандующего. Ей было присвоено звание гвардейской.

До города Сумы, где расположились гвардейцы-танкисты на отдых, не доносились раскаты артиллерийской

канонады, но отдельные взрывы то и дело оглашали окрестности — это давал о себе знать коварный замаскированный враг — мины, обрывавшие жизни вернувшихся к мирному труду людей.

— О чем пишет Матняк, — поинтересовался у товарища Бочковский.

— Приглашает нас на свадьбу.

...Когда тяжелораненого механика вывели с поля боя, Матняк, стройный, высокий брюнет, взглянул на свою обрубленную руку и произнес со слезами на глазах: «А теперь, братцы, похороните и меня вместе с ней».

С тяжелым чувством уложили его товарищи на плащ-палатку и отнесли в санитарный батальон. Довольно длительное время находился он на излечении в одном из военных госпиталей. Здесь, к своему великому счастью, встретил он подругу детства, работавшую медсестрой. Ночи напролет просиживала девушка у изголовья раненого.

Когда раны зажили, собрались друзья и знакомые, чтобы проводить его. Матняк с запрокинутым за ремень рукавом гимнастерки вышел из здания госпиталя, глянул на безоблачное небо и тяжело вздохнул:

— Вот я и отвоевался. Кому теперь нужен будет такой беспомощный калека?

Медсестра бросилась ему на грудь, нежно обняла и прикрыла горячей ладонью его вздрагивающие от волнения губы.

— Не говори больше так. Я буду с тобой всегда и везде.

Вот об этом неожиданном повороте судьбы и сообщил с великой радостью Матняк своим товарищам по части.

— Да, любовь не картошка, — глубокомысленно констатировал кто-то из бойцов, — но для начала надо бы им помочь. Ну-ка, хлопцы, выворачивай карманы!

Вскоре в адрес молодоженов товарищи отправили почтовый перевод на 9800 рублей и телеграмму: «Поздравляем! Будьте счастливы!»

Рена в огне

В ожесточенных боях, завязавшихся в канун Нового года в окрестностях города Казатина, Владимир Боч-

ковский вторично был тяжело ранен. Несколько месяцев он пролежал в одном из киевских военных госпиталей. В свою часть вернулся весной 1944 года, держа на перевязи раненую левую руку, с которой врачи так и не сняли гипс.

Его товарищи по оружию воевали в это время уже в предгорьях Карпат.

Перед двадцатилетним гвардейским капитаном Владимиром Бочковским, заместителем командира батальона, была поставлена рискованная, но очень важная в стратегическом отношении задача: атаковать внезапно город Чертков и захватить переправу через реку Серет, обеспечив тем самым дальнейшее продвижение наших войск к Днестру, в направлении города Черновцы.

— Нужно действовать решительно, молниеносно, — подчеркнул командир Первой гвардейской танковой бригады полковник В. Горелов. — Главное — не дать врагу уничтожить мост.

«Мы устремляемся в город, — писал позднее Бочковский. — Рассветает. Висит низкий туман. Снег комьями летит из-под гусениц, обдавая танки и сидящих на броне десантников снежной пылью. Подходим к первым домам. В первой хате берем четырех пленных — умаялись, бедные, бежать от русских танков!»

Осторожно, на малом газу, спускаемся вниз, в город. Рывок по улице. Первым идет танк Александра Дегтярева, двадцатилетнего комсомольца из Саратова, мой — за ним, мчимся к переправе. Мост горит! Это гитлеровцы вкатили на него бензоцистерну и, открыв краны, подожгли ее. По мосту ползет голубой огонь с полметра высотой. Бензин льется в реку, вода горит островками. Выскакиваю из танка. Под прикрытием огня Дегтярева вбегаю на мост. Настил еще не прогорел. Решаю: надо сбить цистерну и, пока крепко настил, проскочить по нему на ту сторону и попытаться спасти переправу. Снимаем десантников с танка Дегтярева, развертываем его башню назад и укрываем танк брезентом. Объясняю механику-водителю старшему сержанту Волкову, что ударить по цистерне нужно левым ленивцем танка, с тем чтобы ее сбить с моста. Открываем огонь по зданиям, находящимся по ту сторону реки. Танк Дегтярева берет разбег, с ходу влетает на мост и бьет по цистерне, как было условлено. К небу взды-

мается столб огня. Цистерна падает в реку. Танки один за другим прорываются по горящему мосту за Серет. Брезент на машине Дегтярева горит. Цепляем его тросом и стягиваем. Огонь удаётся погасить».

Мост был спасен, но битва за освобождение украинского города на Серете только начиналась. Стремительные тридцатьчетверки под командованием Бочковского ринулись в наступление по узким улицам, сокрушая яростное сопротивление захватчиков.

С противоположной стороны в город ворвались и танки майора Гавришко.

То здесь, то там еще раздавались отдельные выстрелы, когда все шесть машин из подразделения Владимира Бочковского остановились словно по команде, как вкопанные — в баках не оставалось и капли горючего. Но было уже слишком поздно для того, чтобы противник смог предпринять контратаку — городом овладели наши войска.

За эту блестяще проведенную операцию по освобождению Черткова капитан Бочковский был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза.

В его наградном листке, в этом паспорте боевых подвигов, отмечено:

«Заместитель командира батальона гвардии капитан Бочковский в боях на 1-м Украинском фронте показал образцы мужества и героизма. 21.III 1944 г. отряд обеспечения движения под его командой, успешно форсировав р. Теревна в р[айо]не д. Романовка, продолжал преследовать противника, сея панику и страх в рядах противника. В боях в р[айо]не Грабовец—Козувка Тернопольской области группой танков им было уничтожено 16 пушек, 4 штурмовых орудия, более 200 автомашин с грузами.

22.III 1944 г., продолжая преследовать противника в районе Трёмбовля и сломив огневое сопротивление, т. Бочковский овладел м. Трёмбовль, уничтожив 3 танка, 5 минометов, до 50 автомашин и более 50 гитлеровцев; захватив исправными 4 орудия. В этот же день, продолжая преследовать в беспорядке отходившего врага, он отрезал пути отхода автоколонне противника в 100 машин в районе Сухостав и Яблунев. Неожиданное появление танков Бочковского ошеломило немцев, побросав автомашины, немцы в беспорядке разбежа-

лись. До 30 трупов противник оставил на поле боя, 22 солдата были взяты в плен.

23.III 1944 г. группа танков Бочковского имела задачу овладеть г. Чертков. При подходе к городу следовало форсировать р. Серет. Бочковский неожиданно появился у моста через реку, немцы, не успев взорвать его, зажгли на нем цистерну с горючим. Впереди идущая машина на полном ходу сбивает цистерну, тем самым спасает мост от разрушения, обеспечив продвижение танков к городу. Ворвавшись на улицы города, Бочковский завязал бой. В течение четырех часов длился бой, но, не выдержав, немцы отступили в беспорядке. Отважные танкисты под командой Бочковского уничтожили в том бою до 150 солдат и офицеров, 9 пушек, 7 танков, 2 бронетранспортера, около 50 автомашин. В городе немцы оставили 3 склада горючего и 2 с продовольствием.

Продолжая преследовать противника, танки Бочковского вброд форсировали р. Днестр и ведут успешные бои на его правом берегу.

За проявленные героизм и мужество в боях против немецких оккупантов достоин присвоения звания — Герой Советского Союза.

Командир танкового батальона
гв. майор
(Вовченко)*.

27 марта 1944 г.

Долгое время, однако, Бочковский тяжело переживал, что его боевой товарищ лейтенант Александр Дегтярев, белокурый паренек с Волги, и лейтенант Кабард Карданов, отчаянный горец из далекого кабардинского села, не вернутся больше в строй. Они почилы вечным сном в братской могиле на одном из живописных холмов в окрестностях украинского города Черткова...

Москва салютует подвигу героев

Утром 27 марта 1944 года Бочковскому срочно пришлось выехать в поселок Городенка, где находился командир танковой бригады Горелов. Связной самолет

* Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 6, л. 305.

только что сбросил вымпел с топографической картой, на которой была нанесена схема предстоящих действий. На полях карты генерал-лейтенант Катуков написал собственноручно: «Выдвинуть отряд под командованием капитана Бочковского в направлении города Коломыя, сломить оборону противника и занять город. Выступить в 9.00. На пути расставить три танка с радиопередатчиками для поддержания бесперебойной связи».

— Видишь, Володя,— сказал комбриг,— командарм тебе лично дает задание. Дело трудное, понимаешь сам. Разрешаю тебе отобрать самому экипаж для этого рейда.

Владимир призадумался, перебирая в памяти подходящие кандидатуры из числа хорошо знакомых командиров танковых экипажей части. Все они были надежными и закаленными в боях людьми.

На боевое задание выехало 12 машин, в числе которых был и танк с экипажем Владимира Бочковского. Путь предстоял не близкий, танки снарядили достаточным количеством боеприпасов, топливом, взяли на борт и положенное число пехотинцев-десантников.

Вешние воды размыли полевые дороги. Чтобы ускорить продвижение, капитан Бочковский вывел свои машины на шоссе и стремительно промчался по украинским селам, не вступая в бой с мелкими группировками противника.

На окраине села Сороки Бочковский заметил на деревянном мосту знакомый силуэт накренившегося набок «тигра» с неестественно высоко задранном стволом.

— Гляньте, что с ним!— сказал капитан двум пехотинцам.

В танке никого не оказалось. Под тяжестью металлической махины несколько бревен проломилось, и фашисты покинули новенькую машину, бросив ее на произвол судьбы. Бочковский сообщил по радио в штаб об этой необычной находке.

Через некоторое время наши танки вытащили провалившуюся громадину из цепких объятий полуразрушенного моста, и «тигр» своим ходом отправился в наш тыл уже в качестве трофейной машины.

Советские «крепости на колесах» вброд преодолели речку и ворвались в село, где разоружили роту мадьяр. Бочковский отправил колонну пленных в Городенку без

конвоя, передав лишь следующую записку: «Товарищ Соболев, прими этих людей. Они больше не хотят воевать». А танкисты продолжили свой рейд.

Подавив сопротивление вражеской артиллерии на подступах к городу Гвоздец, обошли пылающую переправу через реку Турку, вышибли захватчиков из села Цинев и завязали уличные бои на окраинах города Коломыя— важного опорного пункта противника. Как и следовало ожидать, он организовал в этой живописной местности на берегу Прута сильную оборону. Вокзал кишел немцами, беспрестанно сновали по железнодорожным путям эшелоны с воинской техникой. С расположенного вблизи аэродрома один за другим взлетали и приземлялись самолеты.

Внезапное появление советских танков окончательно сбило противника с толку.

Взрывались гранаты, мины, снаряды, с грохотом рушились стены многоэтажных зданий. Немецкий «тигр», искусно замаскировавшийся среди бревен в районе вокзала, неожиданно открыл огонь по нашим танкам. Экипажи Шарлая и Игнатьева, увлеченные преследованием врага, не заметили этой ловушки. С первого танка взрывом сорвало башню, со второго слетели обе гусеницы. Погиб Шарлай, Игнатьев был тяжело ранен. Создалась напряженная обстановка. Машина Духова незаметно пробралась между станционными складами и подожгла «тигр» выстрелом в упор. Возле пытевших паровозов заметались, охваченные паникой, немецкие солдаты. Один из вражеских эшелонов, не мешкая, выехал со станции, направляясь в Станислав.

За ним спешно отправился второй, третий, четвертый... Бочковский стиснул зубы от досады. «Что делать?» Приказал экипажам Духова, Бондаря и Большакова выйти напрямик через ближайшие холмы к железной дороге и любой ценой перерезать вражеским эшелонам путь к отступлению в районе станции Годы.

Танки Сирика и Катаева были посланы на аэродром для уничтожения приземлившихся фашистских самолетов. А сам Бочковский с остальными машинами двинулся в сторону села Пядыки, возле которого противник пытался перегруппировать свои силы.

Почти два часа продолжался бой, завязавшийся в горной долине. Численное превосходство было явно на

стороне врага. Наши танкисты и спрыгнувшие с машин пехотинцы проявили подлинный героизм. Неоднократно бросались в атаку фашисты, и каждый раз их останавливал уничтожающий прицельный огонь.

— Молодцы, ребята! — подбадривал своих бойцов Бочковский. — Держите их на расстоянии пушечного выстрела. Не давайте им подходить близко — нас могут забросать гранатами.

Когда наступил решающий момент этой отчаянной схватки, со стороны дороги раздался мощный гул моторов. Капитан оглянулся и с трудом сдержал охватившее его радостное чувство: танки Духова, Бондаря и Большакова, расправившись на станции Годы с настигнувшими вражескими эшелонами, торопились им на выручку.

Своевременная подмога и решила исход боя. Овладев селом Пядьки, советские танкисты под командованием капитана Владимира Бочковского взяли в плен 847 немецких солдат и офицеров и захватили богатые трофеи — 18 пушек, 160 кавалерийских лошадей, большое количество вооружения, боеприпасов и воинского снаряжения.

Но город Коломыя — важный железнодорожный узел на пути наступающих советских войск — продолжал оставаться в руках противника.

На исходе дня раненых уложили на танк, который потерял свою боеспособность, но был еще в состоянии двигаться, и отправили в тыл, где их встретили однопольчане на освобожденной уже территории.

Бочковский связался по радио с командиром бригады гвардии полковником Гореловым, доложил обстановку и попросил о помощи: «Горячее кончается, боеприпасы также на исходе».

Уже поздней ночью в распоряжение отряда прибыл старший лейтенант Михаил Демчук во главе моторизованной колонны, состоящей из восьми танков и самоходных установок. В распоряжении капитана Бочковского было теперь уже 16 боевых машин, а также в достатке — боеприпасы, горячее, продовольствие.

— С такими силами дадим мы немцам прикурить! — радовался он.

В два часа ночи капитан собрал командиров экипажей и ознакомил их с планом предстоящего боя. Пока

он разговаривал с подчиненными, фельдшер перевязал ему раны на руке, с которой недавно сняли гипс.

— Танк Бондаря, — уточнил командир, — умело маневрируя и ведя огонь на подступах к станции, отвлекает внимание противника, имитируя начало новой атаки. Остальным предстоит обойти Коломыю, добраться до моста через Прут и неожиданно ударить по фашистам с тыла.

Наши танки проскочили на максимальной скорости через населенный пункт Флеберг, на ходу уничтожив «тигра» и подавив несколько огневых точек противника, свернули со Станиславского шоссе в сторону Прута и выехали на петлявшую между прибрежными ивами грунтовую дорогу. А примерно в четыре часа утра внезапно атаковали гарнизон, охранявший речную переправу. Танк лейтенанта Катаева первым рванулся к мосту, расстреливая пулеметными очередями фашистских часовых. Доехав до середины моста, молодой офицер заметил искрящееся пламя, набегавшее по свисавшему с перил черному проводу. «Мост заминирован. Все же успели, подлецы, поджечь шнур!»

Не мешкая ни секунды, он спрыгнул с башни, перемахнул через перила, тяжестью своего тела оборвал горящий шнур и камнем упал в студеную воду Прута. Взрыва удалось избежать, мост был спасен. Позднее наши саперы извлекли из-под мостовых опор 400 килограммов динамита.

Бочковский приказал экипажам Духова и Катаева охранять мост, остальные же танки ворвались в город. К 9 часам утра оккупанты сложили оружие. Лишь небольшой группе фашистов удалось переплыть реку и скрыться в горных лесах.

Капитан расставил охрану у всех въездов в город, замаскировав танки, затем сообщил комбригу по радио о том, что приказ генерала Катуква выполнен.

До подхода наших войск Бочковский выполнял обязанности военного коменданта освобожденного города. Вечером танкисты слушали по радио, как столица нашей Родины Москва артиллерийскими залпами салютовала подвигу героев-освободителей города Коломыя. Имя капитана Бочковского упоминалось в приказе Верховного Главнокомандующего. Это было большой честью

для молодого офицера и признанием его боевых заслуг. Документ гласил:

«Приказ Верховного
Главногокомандующего Маршалу
Советского Союза Жукову.

В боях за овладение городом Коломыя отличились войска генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-майора Замировского, танкисты генерал-майора танковых войск Дремова, полковника Горелова, капитана Бочковского и саперы полковника Харчевина.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение города Коломыя, представить к присвоению наименования «Коломыйских» и к награждению орденами.

Сегодня, 29 марта, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Коломыя, — двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Коломыя.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин».

29 марта 1944 года.

Все участники рейда на Коломыю были награждены орденом Ленина.

Непредвиденный отпуск

В то время, когда бесстрашный танкист Владимир Бочковский громил врага в предгорьях Карпат, брат его Анатолий, наводчик противотанкового орудия, форсировал Днестр, захватив стратегически важный плацдарм на склоне холма между селами Шарпены и Пугачены.

Вскоре саперы проложили вблизи села Ташлык подводный мост, надежно связав этой невидимой переправой оба берега реки. Сам Анатолий не раз переправлялся через Днестр по этому замаскированному мосту, противоборствуя течению, — приходилось шагать по колено в воде. Подносил к орудийному окопу ящики с боеприпа-

сами и на спине переносил на противоположный берег тяжелораненых бойцов. По этому же мосту-невидимке отправился в родной Тирасполь, когда командир батальона, воспользовавшись наступившим затишьем в боях, разрешил Анатолию проведать своих родных. Пешком прошел более тридцати километров по израненному взрывами полю, не чувствуя усталости. Тоска по родительскому дому и радость предстоящей встречи буд-то придали ему крылья.

В тревожные годы войны братья Бочковские вели постоянную переписку. В разгар Курской битвы Владимир по утрам отправлял письма брату, а к вечеру получал от него ответ. Видно, воевали они где-то совсем рядом. Харьков освобождали вместе, так и не встретившись, однако, друг с другом. Волею судьбы их фронтовые дороги ни разу так и не сошлись. И всего один лишь день отделил их от встречи в родительском доме в апреле 1944 года.

Несколькими месяцами раньше по московскому радио под рубрикой «Письма с фронта» прозвучал волнующий репортаж о боевых буднях братьев Бочковских, после чего Владимир и Анатолий получили сотни писем из разных уголков страны. Однако ни в одном из этих писем не было хотя бы короткой весточки о судьбе их родителей, оказавшихся на оккупированной территории. По этим письмам газета «Суворовский натиск» подготовила и опубликовала позднее большой и трогательный обзор.

В один прекрасный день командующий легендарной Первой гвардейской танковой армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Михаил Ефимович Катуков пригласил Бочковского к себе для вручения высокой награды.

— Сражался ты мужественно, как подобает гвардейцу-танкисту. Спасибо за храбрость и поздравляю с Золотой Звездой Героя Советского Союза. Врачи настаивают на твоём дальнейшем лечении. Поэтому предоставляю тебе месячный отпуск. Возьми пикап, прихвати пару бочек бензина и отправляйся-ка ты на юг, в родные края. Подлечишься немного, а заодно и родных своих разыщешь...

Капитан замер по стойке «смирно», не находя подхо-

дящих слов, чтобы высказать свою благодарность за эту отцовскую заботу.

— Вот тебе отпускное свидетельство, — генерал протянул подписанный им и завизированный печатью документ, — сдавай дела — и счастливого пути!

До Тирасполя Владимир Бочковский добрался неделю спустя после освобождения родного города. Дома и улицы еще служили мишенью для вражеской артиллерии — время от времени воздух сотрясался от взрывов немецких снарядов.

Парки, скверы и дворы вдоль и поперек были изрыты глубокими траншеями. Но зато как он был счастлив, когда узнал, что мать его жива и здорова и вернулась из Крыма в Тирасполь в первые же дни после его освобождения. Владимир нашел ее в дедушкином доме, расположенном по соседству, на улице Карла Маркса, № 36.

— Сынок, дорогой, откуда ты! — воскликнула мать, кинувшись ему навстречу.

Клавдия Ивановна прерывающимся от волнения голосом поведала сыну о тех мытарствах и лишениях, которые пришлось ей пережить за годы фашистской оккупации.

— Узнав, что двое наших сыновей служат в рядах Красной Армии, фашисты преследовали нас на каждом шагу и всячески издевались над нами. Твоего отца угнали под конвоем в Германию, в рабство. Единственную весточку я получила от него еще осенью 1942 года. Он сообщил мне: «Нахожусь в лагере для заключенных в Дармштадте, барак № 4. Каждый день нас посылают на тяжелые изнурительные работы».

Мать торопливо смахнула слезы уголком платка, затем добавила:

— Если б ты вернулся хотя бы позавчера, застал бы и Анатолия дома. Он здоров, хорошо себя чувствует и прекрасно выглядит. Воюет уже на том берегу Днестра, где-то возле Шарпен. Как я счастлива, что снова увидела вас! Он побыл со мной всего лишь три дня. А тебя надолго ли отпустили?

— На целый месяц, — ласково улыбнулся капитан.

В течение месяца Клавдия Ивановна день за днем старательно ухаживала за сыном, делала все возможное, чтобы зажили его фронтовые раны. А когда пришло Владимиру время уезжать, он сказал матери:

— Пройду с нашими танками через всю Германию и обязательно разыщу отца. И не вернусь домой до тех пор, пока не уничтожим фашистского зверя.

По пути к фронту капитан ненадолго заехал в Ташлык, надеясь встретить здесь брата. Однако Анатолий находился со своей частью уже где-то под Бельцами. Братьям Бочковским суждено было встретиться лишь после окончания войны.

Благородный призыв

В полдень на сельском майдане, что чуть пониже Чинишеуцкого сельского Совета, под сенью старинного сада, где у околицы застыл в ожидании колодезный журавль, собралось все взрослое население. Кое-кто, пытаясь уклониться от обжигающих солнечных лучей, пристроился под развесистыми яблонями, иные присели прямо на мягкий ковер изумрудной травы-муравы, а остальные — кто где попало: на камнях, ящиках, бревнах. Несколько раненых, всей тяжестью повиснув на костылях, остановились в тени ближайшего дома. Вот уже третий месяц линия фронта проходила где то вблизи, под Оргеевом, и более вместительные дома были отданы под лазареты.

Чинишеуцы, следуя благородному поступку первых сельских комсомольцев: Марии Спатарь, Дарьи и Федора Шуляковых, Марии и Сергея Мельниковых, помогали раненым полевым госпиталям чем только могли.

Давненько не собирались селяне вот так, всем миром. Секретарь комсомольской организации Прасковья Кудрина установила посреди майдана колченогий стол, заботливо прикрыв его выкрашенным в алый цвет рядом.

— Товарищи! — открыл митинг секретарь партийной организации Ефим Федорович Бояринов. — Идет война, жестокая и кровавая. Эхо фронтовой канонады доходит и до нашего села. И мы, как один, должны посылить участвовать в скорейшем разгроме гитлеровской военной машины. Чинишеуцкие комсомольцы предлагают вам собрать средства для создания молдавской танковой колонны. Какие будут по этому поводу мнения?

К столу подошел старый кузнец Ион Визитиу:

— Не думаю, — сказал он, — чтобы нашелся на селе

тот, кто не в состоянии понять все значение этого начинания. Пусть же поражают врага не только наша ненависть, но и наши сбережения. Где тут у вас бумага, карандаш! Я, говорят, добрый на почин, даю на строительство нашей танковой колонны пять тысяч рублей.

Один за другим, под одобрительный гул толпы, подошли к столу крестьяне 850 дворов. На столе появились счеты, и вскоре Прасковья Кудрина обрадованно воскликнула:

— Просто замечательно! Обещающее начало: собрано свыше ста тысяч рублей.

В архивах сохранился полный текст письма, с которым трудящиеся села Чинишеуцы обратились в июле 1944 года ко всем труженикам Оргеевского уезда с призывом собрать средства для построения молдавской танковой колонны. Этому письму суждено было стать достоянием истории.

«Дорогие товарищи!

Три года румыно-немецкие захватчики топтали поганым сапогом священную землю Молдавии. Они грабили, разоряли наши города и села, насильно угнали в Румынию почти всю интеллигенцию, специалистов, вывезли ценное оборудование предприятий и мастерских, тем самым принесли много горя и разорения молдавскому народу.

Но молдавский народ с давних времен славился своей любовью к родному краю и лютой ненавистью к врагу. Много раз он грудью защищал свое Отечество. Еще при господаре Штефане-чел-Маре молдаване вели тяжелые бои с поляками, венграми, турками и выходили победителями.

И сейчас с братской помощью великого русского народа молдавский народ сбросил навсегда ярмо немецко-румынских князей и баронов.

Настал долгожданный день. Над измученной, истерзанной Молдавией вновь засияло солнце радости и свободы. Мы снова в братской семье народов великого Советского Союза.

За наше освобождение от румыно-немецких захватчиков мы выражаем глубокую благодарность народам Советского Союза, партии Ленина, героической Красной Армии.

Красная Армия с боями продвигается все вперед и вперед на запад, неся освобождение угнетенным народам. Воодушевленные ее героическими победами, мы обеспечим Красную Армию всем необходимым: хлебом, мясом — всем, что от нас потребуется, лишь бы приблизить час окончательной победы над врагом.

Со времени освобождения нашего села от румыно-немецких захватчиков мы сдали государству 104 т хлеба, хорошо провели посевную кампанию, принимали активное участие в оборонительных сооружениях.

Сейчас в фонд обороны на строительство танковой колонны «Советская Молдавия» мы внесли из своих собственных сбережений свыше ста тысяч рублей и призываем трудящихся всего Оргеевского уезда и Молдавской ССР последовать нашему примеру.

Дорогие товарищи! Мы уверены, что скоро наступит тот день, когда на всей земле Молдавии начнется мирный созидательный труд миллионов трудящихся на благо нашей великой социалистической Родины, на благо трудового народа.

Слава нашей Великой Родине!

Слава героической Красной Армии!»*

Следует 850 подписей.

Инициатива жителей села Чинишеуцы Резинского района получила большую поддержку в освобожденных молдавских городах и селах. Вот что писала по этому поводу газета «Советская Молдавия» 31 декабря 1944 года:

«Трудящиеся республики собрали из своих личных сбережений и внесли в фонд Красной Армии на строительство танковой колонны «Советская Молдавия» 20 463 000 руб. деньгами, 64 000 пудов хлеба, 411 голов скота. Билетов 4-й денежно-вещевой лотереи трудящиеся республики приобрели на 32 млн. 316 тыс. руб.

Дорогие воины!

Заверяем Вас, что мы с честью выполним все задачи, стоящие перед нами по скорейшему восстановлению народного хозяйства и культуры. Приложим все усилия к тому, чтобы быстрее возродить нашу Советскую Молда-

* ЦГА МССР, ф. 2541, оп. 1, д. 1, л. 77.

вию. Вырастим в 1945 году богатый урожай и дадим государству и Красной Армии больше хлеба, овощей, картофеля, фруктов, мяса, молока и шерсти.

Пусть же и наша скромная лепта приблизит радостный день нашей полной и окончательной победы над фашистской Германией. Желаем Вам много здоровья и сил, новых боевых подвигов. Бейте крепче и беспощаднее врага!»

„В гостях у капитана Бочковского“

Юрий Жуков, как я писал, будучи фронтовым корреспондентом газеты «Комсомольская правда», в сороковые годы опубликовал ряд очерков, в которых рассказывал о боевых подвигах нашего земляка, мастерски раскрыл черты его характера, убедительно показал духовное богатство и благородство советского воина. Корреспонденции, которые писались в окопах порой на прикладе автомата, дают нам яркую картину минувших сражений, в них отражена сама история и ощущается горячее дыхание времени. Вот некоторые выдержки из очерка Юрия Жукова «В гостях у капитана Бочковского».

«Я еду во 2-й батальон к гвардии капитану Владимиру Бочковскому — теперь он стал комбатом. К тому самому Бочковскому, с которым ровно год назад мы встретились на шоссе под Обоянью в трагический час, когда он выходил из боя, везя на броне танка мертвые тела своих друзей по танковому училищу. Тогда он показался мне совсем мальчиком, тонкошеним, с заострившимися чертами лица. Но уже в то время это был храбрый солдат, пользовавшийся доверием командования и уважением товарищей. Недаром ему так быстро доверили командование ротой.

И вот новая встреча. Батальон только что прибыл. Опушка леса. Несколько домиков с вишневыми садами — отдаленный хутор. Танки уже отведены в глубь леса и замаскированы. Танкисты, сбросив шлемы, ловко орудуя топорами и лопатами, готовят себе блиндажи. Командует ими молодой капитан в забрызганном грязью комбинезоне. Увидев, что кто-то залез на вишню, где алеют соблазнительные ягоды, он сердито кри-

чит: «Назад! Не обижать мирных жителей». У него очень молодое, с пухом на щеках лицо, по-детски пухлые губы, большой русый чуб аккуратно зачесан назад, ясные голубые глаза настороженно разглядывают незнакомца.

— Корреспондент? Позвольте взглянуть на ваши документы...

— Мы с вами уже встречались на Курской дуге!

— На Курской?.. Вряд ли, я там в тылах не бывал. Разве что до четвертого июля.

— Нет, я могу сказать совершенно точно: седьмого июля, когда вы выходили из боя с телами Шаландина и Соколова на броне, вблизи развилки дорог у Зоренских Дворов.

Капитан отступает назад, пристально вглядывается мне в глаза, потом порывисто пожимает руку:

— Меня бойцы за глаза зовут Кривой ногой. После перелома бедра левая нога стала короче правой, приходится толстую подошву носить. Но это еще терпимо, а вот лопатка... — он осторожно повел плечом, — лопатка еще дает о себе знать.

Мы вошли в просторную чистую хату. На столе, покрытом белой скатертью, стоял букет свежесрезанных роз. Капитан вышел умываться, а я разглядывал его жилье. В глаза бросилась какая-то официальная бумага, вставленная в аккуратную рамочку. Она стояла за букетом. Видимо, капитан собирался повесить ее на стену. Я подошел поближе и прочел:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года гвардии лейтенанту Шаландину В. С. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии лейтенанта В. С. Шаландина приказываю:

Героя зачислить навечно в списки 16-й роты 1-го ордена Ленина Харьковского танкового училища.

Заместитель народного комиссара
обороны, Маршал Советского Союза
Василевский».

Передо мной вновь встала запомнившаяся в мельчайших деталях драматическая встреча с танкистами на Обояньском шоссе, когда Бочковский и Бессарабов, чер-

тя прутиками на дорожной пыли схему боя, рассказывали мне, как погиб Шаландин.

— Да, вожу этот приказ с собой. Как только приходит пополнение, читаю его перед строем. Помогает!

Услышав голос Бочковского, я обернулся. Передо мной стоял уже совсем другой офицер — в чистом, отлично отглаженном кителе с белоснежным воротничком и начищенных до блеска сапогах. На груди у него сияло целое созвездие: Золотая Звезда, орден Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медаль «За отвагу» и гвардейский знак. Уж так повелось в армии: здесь носили не планки с орденскими ленточками, а ордена.

Мы снова говорим о битве на Курской дуге, о летних, зимних и весенних боях, в которых участвовал батальон, о знакомых танкистах, о том, что они за этот год совершили.

Капитан достаёт из сундучка большой синий альбом, который он возит с собой в танке. В нем аккуратно подклеены снимки, напоминающие о совсем недавнем и уже таком далеком детстве. Открытки с видами Крыма и Молдавии. Скромно одетые молодые люди — он и она — это родители Бочковского... Его братишка Толик... Мать живет в Тирасполе, отца угнали в Германию.

— Теперь вы понимаете, как важно мне дожить до Германии, — тихо сказал в заключение Бочковский. — Всю ее пройду насквозь, а отца разыщу и за потерянных друзей расплачусь... Отцу за пятьдесят... Доведется ли встретиться?

И еще одну реликвию возит в своем сундучке Бочковский: это обуглившаяся по углам записная книжка в черном клеенчатом переплете. Это все, что осталось ему на память о юном друге Юре Соколове, которого он похоронил 7 июля 1943 года под Обоянью.

— Я вам, кажется, уже говорил, что после войны пойду в академию, — сказал Бочковский. — Это уж точно, решено и подписано, только дожить бы до Берлина».

Танки мсих земляков

Это было в декабре на освобожденной польской земле. Командир второго батальона Владимир Бочковский прибыл на одну из ближайших железнодорожных стан-

ций, чтобы получать новую боевую технику, предназначенную для укомплектования механизированного корпуса. Ведь нашим войскам предстояли решающие сражения. Над хищным орлом, венчавшим гитлеровскую рейхсканцелярию, сгушались тучи, предвещавшие неизбежное скорое падение третьего рейха. В охваченных тревогой немецких городах и селах воцарился панический страх, который усиливался день ото дня.

«Миллионы немцев, — писал фашистский генерал Гудериан, — встали перед противником, готовые защищать свои восточные рубежи от самого страшного, что только могло произойти, — от мощного натиска русских».

А ведь совсем незадолго до этого нацистские полчища — коричневая чума двадцатого века — маршировали под звуки бравурных мелодий по всей Европе: «Пусть мир лежит в развалинах и кровь льется ручьями — нам на все наплевать».

«Вопрос стоит так, — истерически кричал фюрер, — кто честно сражается, тот спасет свою жизнь и жизнь своих близких. Но того, кто трусливо повернется спиной к своей нации, при любых обстоятельствах постигнет страшная смерть».

Агонизирующие фашистские главари все еще пытались спасти свое положение, мобилизуя все силы и бросая в бой последние резервы. Но им не удалось повернуть колесо истории вспять. Справедливое возмездие приближалось с каждым часом. Теперь только Первая гвардейская танковая армия под командованием генерала Катюкова имела в своем боевом активе 1000 бронированных «крепостей на колесах».

...Остановив свой «пикап» возле снежных сугробов напротив вокзала, Бочковский вышел из машины и быстрым шагом направился к перрону. Но куда девались танки? Возле разрушенных складов он увидел сгоревшие паровозы, а немного в стороне, на запасном пути, стоял эшелон с копнами сена на открытых платформах. «Не перепутал ли я станцию», — недоумевал Бочковский.

Начальника станции он застал в небольшом боковом помещении, где тот грел озябшие руки у раскаленной чугунной печурки.

— Я к вам не за печеной картошкой пришел, — возмущился Бочковский. — Почему, уважаемый, неправильно

ную информацию даете? И когда, все-таки, ожидается эшелон с нашими танками?

Капитан и не подозревал, какой приятный сюрприз его ожидает. Начальник станции проводил Бочковского до эшелона, стоявшего на запасном пути.

— Пожалуйста, вот они все здесь — 21 танк.

— М-да! Неплохая маскировка.

Комбат вскочил на платформу и руками стал отгребать в сторону сено, из-под которого появилась бронированная башня с крупной и броской надписью: «От трудящихся Молдавии».

«Так вот почему в штабе армии мне сказали: «Что ж, коль ты из Молдавии, поезжай и получи подарок от своих земляков»,— с радостью подумал Бочковский.

— А где экипажи?

— В вагонах. Мы запретили им появляться возле состава, чтобы не демаскировать военную технику.

Бочковский подал команду: «Становись!»

Бойцы быстро повыпрыгивали из вагонов и заняли место в строю. В самом конце шеренги Бочковский заметил курносого подростка в солдатской шинели, совсем еще детские щеки которого зарделись от морозного ветра.

— А это что еще за воин?— озадаченно спросил Бочковский.— Кто ты такой?

— Боец Владимир Зенкин!— колокольчиком прозвонил ответ паренька в солдатской шинели.

Командир прибывшей танковой колонны обратился к капитану:

— Разрешите доложить! Володя— наш приемный сын. В сорок первом году присоединился к нашей отступающей части, в составе которой воевал под Новороссийском, неоднократно ходил в разведку. Затем оказался среди курсантов танкового училища. Когда пришло время отправляться на фронт, со слезами на глазах умолял нас взять его с собой. Мы все привыкли к мальчишке и не смогли ему отказать...

«Этого только нам не хватало,— растерявшись на миг, подумал Бочковский.— Предстоят смертельные схватки, многих можем не досчитать. Может, пока не поздно, отправить ребенка? Но куда?»

— Товарищ гвардии капитан, вы, случайно, не Боч-

ковский?— неожиданно обратился к нему высокий смуглолицый лейтенант.

— Допустим, что так.

— Не узнаете меня? Я Виктор Федоров. Осенью 1942 года, если припоминаете, я вывез вас после ранения из-под обстрела на танке Т-60.

— Федоров!— воскликнул Бочковский, с благодарностью обнимая фронтового друга.

За спасение раненного в бою офицера Виктор Федоров был награжден орденом Красного Знамени. Позднее он сам был тяжело ранен, лечился в госпитале, затем его направили в военное училище. И вот теперь он снова прибыл на передовую, на этот раз уже в качестве командира танка.

Гвардии капитан отдал приказ снять танки с платформ и подготовить их к маршу. Экипажи ринулись выполнять приказ, а старые боевые друзья— Владимир Бочковский и Виктор Федоров—стали прогуливаться вдоль эшелона.

— Виктор, откуда привел танки моих земляков?

— С завода. Прямехонько с конвейера. Даже не обкатаны, чин-чинарем.

— Рад, что судьба снова свела наши фронтовые дороги. Надеюсь, на этот раз не разлучит до самого Берлина.

— Хотелось бы, товарищ гвардии капитан.

Когда гусеничные крепости выстроились в колонну и уже были готовы выступить, Бочковский подозвал мальчонку в военной форме и сказал:

— Танки пойдут своим ходом. А ты давай лезь в кабину грузовика.

Мальчик сел рядом с шофером. Ветровое стекло было пробито пулями. Водитель кинул мальчику на колени выдавший виды ватник.

— Бери давай. Да потеплее закутай ноги. Это тебе не поездная теплушка.

Чтобы хоть как-то скрасить монотонность зимней ночной дороги да чтобы отогнать подкрадывающийся сон, водитель стал дотошно расспрашивать неожиданного пассажира.

— И как, знатца, кличут тебя, пацан?

— Вов ...

— А родом-то откедова будешь?

— Кавказский я. Из Орджоникидзе.

— Чай, сиротка. Без отца-матери...

— Да ни. С отцом и с матерью. Один я у них. Батя воюет. А мать у тетки живет. На самом что ни на есть берегу Терека. Дядь, а дядь, вы видали когда-нибудь горную реку?

— Чего не видал, того не видывал. Я ж волжанин. У нас просторы во какие — ширь необъятная. А небо ясное, глубокое. Ночами в заводах и плесах звезды полощутся. Красота. А ручьи, что твои озера, — медлительны и величавы, что не сразу и поймешь, в какую сторону текут.

Видать, метким оказался вопрос. В самую что ни на есть точку попал. В осипшем голосе давно уставшего мужчины звучали нотки нежности и непреходящей тоски по красоте и полноте мирных, ничем не потревоженных дней. И попутчик удался: Вова был на редкость словоохотливым, до наивности искренним парнишкой.

— Челуха, степная речка, вот что она такое. То ли дело Терек. А как он катится с гор? Шум, грохот, воды пенятся. Во какие камни ворочает. А грохот слышен аж не знаю где. Как вам нравится? Жить у реки и не купаться! Вода, как живая: переливается, обрушивается водопадами и стремительно удаляется. Да так быстро, что жалко становится. Но именно в этом красота и неповторимость Терека.

Дорога была дальней, и шофер с радостью воспринял подвернувшуюся возможность досконально разузнать всю подноготную сына полка. Как знать: впереди нелегкие бои, а того, с кем будешь идти бок о бок в атаки, неплохо знать.

— А как удалось тебе, Вова, на фронт попасть?

— Если честно, то я убежал из дома. В 1942 году взобрался на платформу отбывающего на фронт эшелона. Все думал, к папе попаду. Но попал я в Новороссийский порт. К нашему прибытию такая бомбежка разразилась! Я сидел под вагоном и смотрел, как в морской бухте горели наши корабли. Весь день не утихали взрывы. Вечером вылез. Смотрю — вокруг все горит: вокзал, хлебный элеватор, корабли. Вдруг прошла группа оборванных, запыленных танкистов. Я за ними. Отступали берегом до самых Гагр. Бывало, остановимся за околицей какой-нибудь деревни, ну взрослые и говорят мне:

«Иди, Вов, поглядь, нет ли в селе фрицев?» Так мы и подружались. Вместе с ними и в танковое училище определился: под Саратовом. Сначала меня зачислили в музыкальную команду, но не оказалось музыкального слуха и перевели в механический цех.

— Раз ты, браток, «работал» в механке училища, небось, умеешь крутить баранку?

— Умею вести не только машины разных марок, но даже танк, — и в его голосе зазвучали нотки гордости.

О том, что скрыл свой настоящий возраст, Вова, конечно, «забыл» помянуть. Попав в танковое училище, он приписал себе два года, и вышло вроде ничего, не хватало сейчас лишь каких-то трех лет до срочной. Записался в четвертый класс. Хотя учился только в первом. Но не сдавался. Много работал, был находчив, смел, исполнительен. Курсанты его полюбили, привыкли к нему. И вот сейчас он едет на фронт.

— А маму ты не обижаешь? Пишешь ей письма? — спросил шофер.

— Пишу. Конечно, пишу. Я мамыны письма всегда при себе ношу. Вот здесь, в кармашке, — и Вова просунул руку под шинель, к сердцу.

Через день 21 боевая машина, на башне каждой из которых белела надпись «От трудящихся Молдавии», выстроилась в ряд на опушке леса возле польского села Лысабыки, где в торжественной обстановке должна была состояться передача новых танков воинскому подразделению. Военный совет Первой гвардейской танковой армии решил передать эту танковую колонну под начало Героя Советского Союза Владимира Бочковского.

— Ты родом из Молдавии, вот и неси ответственность перед своими земляками за сохранность полученных боевых машин. Желаем вам на этих танках войти в Берлин! — сказал генерал Попель, крепко пожимая руку Бочковскому.

Дерзкий налет

На этом совещании командного состава, созванном накануне наступления, Владимир Бочковский был единственным офицером в звании капитана. И он чувствовал себя несколько стесненно среди множества полковников и генералов, собравшихся, чтобы изучить оперативные

карты и определить направления главных ударов. Руководил работой совещания сам командующий фронтом, Маршал Г. К. Жуков. Бочковского пригласили на это важное совещание благодаря тому, что за ним прочно укрепилась слава искусного командира с богатейшим опытом ведения авангардных боев. Не зря ведь его батальон нарекли «глазами и ушами» наших наступающих войск.

— До полного освобождения Польши остались считанные дни,— говорил командующий фронтом,водя указкой по карте.— Перед Первой гвардейской танковой армией стоит задача обойти Варшаву, упорно пробиваться в направлении города Лодзь, блокировать город-крепость Познань с 60-тысячным вражеским гарнизоном и выйти затем к реке Одер. А там можете уже написать друзьям и родственникам, чтобы письма вам посылали прямо в Берлин...

— Так что, Володя ты готов пачать охоту за «тиграми»?— спросил после совещания командующий армией.— Танковой колонне «От трудящихся Молдавии» предстоит выполнить сложную, опасную и очень ответственную задачу. Необходимо просверлить глубокие бреши в обороне противника, указывая путь нашим дивизиям к фашистскому логову.

Доехав до леса, возле которого расположился его батальон, Бочковский увидел шагавших в строю танкистов, с песней возвращавшихся с занятий. Виктор Федоров был запевалой:

Время золотое чуть еще продлится:
До атаки нашей — целых пять минут.
Загудят моторы, лязгнут гусеницы,
На врага в атаку танки все пойдут.

Капитан глядел на суровые обветренные лица бойцов и думал про себя: «Война оторвала людей от их семейных очагов и забросила в эти заснеженные леса, предложив им взамен домашней пуховой подушки деревянный приклад автомата. И никто не знает, кому суждено сложить голову в бою, а кому доведется услышать артиллерийские залпы салюта Победы».

Первая гвардейская танковая бригада, в состав которой входил батальон «От трудящихся Молдавии», на-

ходила теперь под командованием полковника А. М. Темника. Бывший командир В. М. Горелов был назначен заместителем командира 8-го гвардейского механизированного корпуса.

На каждом километре прорыва фронта было сосредоточено по 220 стволов орудий.

— Здесь, на Магнушевском плацдарме, так тесно,— говорили танкисты,— что любая, даже шальная пуля, в кого-нибудь угодит.

Перед войнами «огненных цитаделей» была поставлена задача сразу же после артподготовки ворваться в прорыв и за четыре дня совершить с боями бросок на 180—190 километров в тыл врага. Небывалый темп! Таким образом, они должны были обеспечить наступление наших войск на направлении Лодзь—Познань—Франкфурт-на-Одере.

Вечерело, когда в землянку командира батальона В. Бочковского ворвался тринадцатилетний разведчик Вова Зенкин и, став по стойке смирно, четко доложил:

— Товарищ гвардии капитан! На КП комбрига был командарм. Вам приказано срочно явиться!

Михаил Ефимович Катук, командующий 1-й гвардейской танковой армией, подозвал Бочковского к столу, на котором была развернута карта:

— Выбор пал на тебя, Володя,— начал он.— Польский городок Нове-Място представляет собой важный стратегический узел. После прорыва, по всей вероятности, враг будет стягивать сюда свои силы из Варшавы. Необходимо перетасовать ему карты. Надеюсь, нет необходимости еще раз повторить поставленную задачу?

Грандиозное наступление, которое началось 14 января 1945 года, развернулось от границ Чехословакии до побережья Балтийского моря. На Магнушевском плацдарме весь день торжествовала мелодия «катиош».

15 января колонна новых танков Т-34 «От трудящихся Молдавии» смяла опорные пункты врага, активно включилась в авангардные бои и стремительно углубилась в оборонительные порядки противника. Безудержный натиск наших войск сокрушал оборонительные позиции врага с такой же неумолимостью, с которой могучие вешние воды перемалывают льдины. За сутки наши пехотные и артиллерийские части продвинулись в среднем на 25 километров, танкисты наступали еще более

стремительно. Над вражеской группой войск «Висла», защищавшей пресловутый «Померанский оборонительный вал», нависла угроза поражения.

Пересеченный рельеф местности, с глубокими оврагами и крутыми высотами, заболоченными лесами, густой сетью рек и каналов, заминированные дороги и огневые засады немецкой артиллерии создали на пути наших танков серьезные препятствия. Значительную роль в оборонительной системе противника играли крупные города-крепости: Бреслау (Вроцлав), Торн (Торунь), Шнайдемюль (Пиля), Кюстрин (Костшин), Познань и другие. Однако советские танкисты проявляли находчивость, воинское мастерство и невиданный героизм. Их краснозвездные машины появлялись словно из-под земли в самых неожиданных местах, совершая дерзновенные налеты на вражеские позиции и гарнизоны, сея беспорядок и панику среди фашистских войск.

Колонна таңков «От трудящихся Молдавии» под командованием Героя Советского Союза Владимира Бочковского проникла с боями в глубокий тыл противника, продолжая стремительный бросок к реке Пилица. Вблизи села Добешин фашисты попытались остановить натиск танкистов, но безуспешно. К вечеру передовой отряд вышел на окраину хутора Боровина. Бочковский остановил машину возле первой хаты. Она оказалась домом польского лесника Яна Ткача. Лесник рассказал, что в километре от хутора проходит шоссе, битком набитое немецкой техникой, и, показав танкистам самый короткий путь через Пилицу, предупредил о танковых и артиллерийских засадах противника.

Уже опускались сумерки, когда «огненные цитадели» батальона вышли на опушку леса. Впереди Бочковский увидел полотно шоссе, по которому двигалась к мосту вереница вражеских автомашин и танков. На противоположном высоком берегу Пилицы, на плато, расстилался город Нове-Място. «Как быть? Возможно, что как только прорвется колонна, в дело вступят саперы — подрывники противника». И гвардии капитан принимает дерзкое решение врезаться в боевые порядки немецких транспортных колонн и в их рядах незаметно пройти через мост в город. И вот свернули с лесной просеки и вышли к вражеской колонне танки В. Балюка, А. Бо-

дрова, В. Беляева, за ними подтягивались остальные боевые машины.

«Тридцатьчетверки и САУ пристроились в хвост грузовикам и заняли место в длинной веренице машин противника,— пишет в своих мемуарах Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза М. Е. Катуков.— Полевым жандармам, дежурившим на мосту, и в голову не пришло, что мимо них проходят русские танки и САУ. Да разве можно по синим подфарникам в темноте разобраться, чьи это машины?!

Перебравшись через мост, Балюк свернул на обочину, пропустил колонну. Наши мотострелки в это время скрытно перешли через реку по льду. Вдруг Балюку увидел у опор моста группу автоматчиков противника. Решив, что это подрывники, гвардии лейтенант открыл по ним огонь из пулеметов. В колонне врага поднялась паника. И тут раздался взрыв — несколько пролетов моста взлетели на воздух и рухнули в реку, подняв столб воды. Оказалось, саперы противника находились на противоположном берегу. Теперь уже ничего не оставалось, как принять бой. Тридцатьчетверки налетели на вереницу машин и принялись давить их гусеницами. Грузовики загорелись. Солдаты противника кинулись врассыпную. Курсовые пулеметы косили их на бегу. Танкисты и пехотинцы ворвались в Нове-Място. Первым на улицах города появился танк лейтенанта А. Ф. Бодрова».

В завязавшемся бою один только старший сержант Буханов уничтожил девять танков и самоходных орудий противника.

— Когда получили танки «От трудящихся Молдавии»,— рассказывал мне бывший радист-пулеметчик Борис Краев, ныне машинист железнодорожного крана в городе Кирово-Чепецк — меня перевели в экипаж командира роты, старшего лейтенанта Вячеслава Беляева. Первые серьезные бои, в которых участвовали молдавские «огненные цитадели», и были боями за Нове-Място. Наш танк находился посередине моста, когда раздался взрыв. Пролет моста провалился в реку, и мы откатились назад. С противоположного берега по нашим машинам открыли огонь из фаустпатронов. Наружный топливный бак загорелся. Мы с Беляевым пытались погасить пожар. Было светло, как днем. С того берега стро-

чили пулеметы. Мы сбили бак, который полетел в воду, и сразу стало темно. Механик решил форсировать Пилицу по льду, на большой скорости. Хотя было где-то до 20 градусов мороза, лед не выдержал. Танк провалился в воду. Но мы не растерялись. Включили заднюю скорость и вышли обратно на берег. Все члены экипажа были мокры. Вскоре одежда на нас заскорузла, обледенела. Но нам не до этого было. Спешили выручить товарищей. Ведь на той стороне моста, в городе героически сражались два наших танка. Кто-то из польских патриотов указал нам брод, и мы снова ринулись в бой. Вскоре советские танкисты полностью овладели городом. Весь наш экипаж удостоился высоких правительственных наград — гвардии старший лейтенант Вячеслав Беляев и механик Александр Тихомиров стали Героями Советского Союза, мне и командиру орудия Борису Батырову были вручены ордена Отечественной войны первой степени.

Интересно, а чем отличился в этом бою воспитанник батальона Вова Зенкин? Что запомнилось ему? Я задал ему эти вопросы несколько лет назад, когда Владимир Константинович Зенкин, механик в тихоокеанском порту Находка, прилетел с Дальнего Востока в Кишинев, в течение недели он был моим гостем.

— Когда оказались в самой гуще немецких машин, — вспоминает он, — я вышел из танка. Экипаж не заметил этого и двинулся дальше, к мосту. Оставшись один, я не знал куда деваться. Вижу, прямо на меня в темноте плывут какие-то страшные немецкие фигуры. Прыгнул в первую попавшуюся легковую машину. Ключ оказался на месте. Повернул. Нажал на стартер, и мотор завелся. Резко развернул машину и стал удирать, виляя между немецкими грузовиками. Но куда? И тут созрела мысль, что надо придерживаться следов гусениц наших танков. Тогда обязательно кого-нибудь да встречу. Ведь за нами наступают другие батальоны, полки, дивизии. Фашисты дали пару автоматных очередей, но я остался невредим. Километра через два, за лесным поворотом встретил нашу летучку — полевую мастерскую 1-го танкового батальона. «Откуда взялся?» — удивились ремонтники. «С реки Пилицы...» «Но ведь там немцы.» «Потому и приехал на немецкой машине» — шуткой попытался я рассеять страх. В машине оказался офицерский

китель, какие-то важные документы, ящик шампанского, изрядное количество шоколада. Объялся я тогда шоколадом на всю жизнь. Ремонтники же помогли потом разыскать свой экипаж. В том неравном бою сгорели несколько наших танкистов, и Бочковский был нервный, злой.

В Нове-Място кипел жестокий, неравный бой. В ходе уличных схваток загорелись машины Тегенцева, Гапона, Бодрова. Польские друзья спасли многих гвардейцев. Они вынесли с поля боя тяжелораненого лейтенанта Бодрова, привели его в дом лесника Яна Ткача, пытались вырвать его из когтей смерти, но безрезультатно.

Ныне в Нове-Място на городском кладбище покоится прах отважных советских танкистов: лейтенантов А. Бодрова и И. Гапона, старших сержантов И. Котарева и Е. Суровцева, рядовых Румянцева, Воронина, Зверева и других славных воинов танкового батальона «От трудящихся Молдавии». В целом же, 600 тысяч советских воинов отдали свою жизнь в борьбе за освобождение польского народа.

В результате дерзкого налета наших танкистов было отрезано отступление фашистских войск из Варшавы в район Нове-Място. Свыше двух тысяч вражеских автомашин, танков и орудий противника было взято в качестве трофеев. Семь воинов танковой колонны «От трудящихся Молдавии» стали Героями Советского Союза. Это старшие лейтенанты Беляев, Головин, Духов, лейтенанты Бодров, Тегенцев, Священко и старший сержант Тихомиров. В. А. Бочковский был награжден орденом Суворова. А его боевой друг, командир 1-го танкового батальона двадцатитрехлетний майор В. А. Жуков, пришедший на помощь бочковцам, был удостоен Звезды Героя.

Охотники за „тиграми“

В одном из писем, направленных в «Комсомольскую правду», адъютант командующего Первой гвардейской танковой армией с восхищением сообщал: «Ваш любимый герой Бочковский творит чудеса — таким маршем идет со своим передовым отрядом, что армия еле успевает его догонять».

— Мы находимся в нескольких километрах от Лодзи,— сообщил он по радио на пятый день наступления.— Местность просматривается в бинокль как на ладони.

— В городе не завязывать бой!— предупредил Катукков.— Обойдите его и направляйтесь в Александрув. Под угрозой окружения немцы сами покинут Лодзь, и, таким образом, мы спасем этот старинный польский город от неизбежного разрушения.

«Если строго следовать правде,— подчеркивал в своих мемуарах М. Е. Катукков,— надо отметить, что в освобождении Лодзи—большой вклад смелого танкиста Бочковского и его передового отряда».

Тридцатьчетверки форсированным маршем направились в Сгежу, этим ловким маневром они ввели противника в заблуждение, затем круто повернули налево и без выстрела вошли в город Александрув.

Фашистские офицеры, которые в этот поздний час еще прогуливались по городу, сначала и не заподозрили, что мимо них проезжают советские танки. Ведь немцы чувствовали себя здесь, в 130 километрах от линии фронта, в полной безопасности.

— По ту сторону моста, на перекрестке, какой-то фриц регулирует движение. Как быть?— спросил механик-водитель.

— Езжай туда, куда он покажет,— принял решение Бочковский.

«Вот что рассказывает об этом с присущим ему юмором капитан Бочковский:

— Когда мы выехали на центральную площадь города, регулировщик в форме немецкого штурмовика переключил семафор, и мы увидели зеленый свет. Я приказал своим ребятам остановиться, а сам подъехал поближе к регулировщику. Он, наверно, почувствовал неладное, потому что тотчас же переключил семафор, и мы увидели красный свет. Это меня рассмешило. Я включил фару и увидел лицо штурмовика, полное ужаса. Немцы поняли, что мы — русские, хотя никто из нас не стрелял. Регулировщик упал; может быть, он умер от разрыва сердца. Нам нельзя было медлить». (Газета «Комсомольская правда» от 1 марта 1945 года.)

И лишь теперь капитан приказал экипажам открыть перекрестный огонь из всех видов оружия. Добравшись до центральной площади, танки разъезжались в разные

стороны, простреливая улицы и приводя в смертельный ужас растерявшегося врага. Заметив на пути противотанковую пушку, расчет которой поспешно готовился к бою, Бочковский, чтобы обезопасить экипаж, ворвался со своим танком во двор внушительного здания, украшенного флагами с фашистской свастикой. Последовало несколько коротких очередей, и на асфальт со звоном посыпались стекла. Из полуподвалов стали появляться с поднятыми руками первые военнопленные.

— Возьми связку гранат,— приказал Бочковский радисту,— проберись между зданиями и уничтожь противотанковую пушку.

Советские танкисты молниеносно сломили сопротивление фашистов, не потеряв в этой дерзкой операции ни одной боевой машины. Захват города Александрув предопределил, по существу, успех боев за Лодзь.

После войны, когда генерал-майора Владимира Бочковского пригласили в польский город Александрув в качестве почетного гостя, он снова побывал в том самом здании, которое осаждал когда-то своим танком.

— В то время здесь находился эсэсовский штаб,— объяснили ему польские жители.— Укрываясь от обстрела, вы угодили в змеинное гнездо. Правда, когда фашисты опомнились, это их не спасло — было уже слишком поздно...

Сегодня на центральной площади города Александрув возвышается массивная гранитная глыба, на которой золотыми буквами высечены слова: «Советским танкистам, которые в ночь на 19 января 1945 года первыми вошли в наш город».

Этот памятник был воздвигнут в честь танковой колонны «От трудящихся Молдавии».

«Главное, что обеспечило успех батальону,— писала в те дни «Комсомольская правда»,— это вера в свои силы, вера в победу. В батальоне капитана Бочковского люди жадно ищут встреч с немцами; они знают, что как бы далеко они, танкисты, не ушли вперед, за ними всегда и везде следует отважная пехота.

— Мы знаем,— говорит Бочковский,— что бы с нами ни случилось, нас выручат. Поэтому мы без боязни обходили фашистские крепости, оставляя далеко в тылу себя их гарнизоны».

Гвардейцы в шлемах днем и ночью, без передышки,

ломая сопротивление врага, стремительно продвигались вперед, на запад. 25 января они форсировали реку Варта и захватили в огненное кольцо город-крепость Познань, в котором находились три завода стрелкового оружия и боеприпасов, пять самолетостроительных заводов. Город охранял гарнизон в 65 тысяч гитлеровцев. Когда Катукову доложили, что гвардейский механизированный корпус И. Ф. Дремова в районе Познани внезапно захватил несколько аэродромов с огромным количеством самолетов, он радостно воскликнул:

— Ну и молодцы! Это стиль работы Бочковского!

«Когда мне сообщили,— вспоминает он,— их количество — 700, я усомнился: такого количества самолетов мы еще не брали.

— Не преувеличивают ли дремовцы?— высказал я свое сомнение Шалину.— Знаете, бывает в горячке. Давайте уменьшим цифру хотя бы до пятисот.

Как я и предполагал, ошеломляющая цифра трофейных самолетов произвела соответствующее впечатление и в Москве. Ставка направила для проверки этого необычного сообщения специальную комиссию, и та подтвердила первоначальную цифру: трофейных самолетов действительно оказалось свыше 700».

Поэт Вл. Луговской посвятил этому событию следующие стихи:

Удар был страшен.
По шоссе
Неслись немецкие пилоты.
Стрелки, радисты, стадом —
все
Бежали, сбросив самолеты.
Молчат моторы,—
тишь да гладь.
Застыла гадин вереница...
Не улететь, не убежать
И никуда не деться фрицам!

(«Комсомольская правда»
от 11 февраля 1945 года).

«Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи»,— эти слова принадлежат фашистскому генералу Ф. Меллентину.

Смелая операция, которую провели в феврале 1945 года наши герои-танкисты на подступах к городу Франкфурт-на-Одере, снискала им легендарную славу. Танковая колонна «От трудящихся Молдавии», сопровождаемая тремя батареями самоходных орудий, двумя ротами автоматчиков и зенитной батареей, глубоко проникла в тыл противника, внезапно вышла к железнодорожному мосту через Одер и, переправившись на противоположный берег, устремилась дальше на запад.

Добравшись до широкой бетонированной автострады, танкисты увидели дорожный знак с надписью: «Nach Berlin — 67 km. «Еще один бросок, и мы окажемся в берлоге фашистского зверя,— подумал Бочковский.— Но мы слишком оторвались от наших наступающих войск. Продолжать продвижение в сторону Берлина без достаточного запаса топлива и боеприпасов было бы чистейшим безумием. Поэтому надо принимать какое-то другое, более подходящее решение».

Стальная лавина отошла назад, за речку, и танки «сели ежом», заняли боевые позиции на небольшой лесистой высотке по соседству с местечком Кунерсдорф.

— Не навеивает ли на вас эта местность каких-либо воспоминаний?— обратился комбат к своим боевым товарищам — Вячеславу Беляеву и Алексею Духову, Героям Советского Союза.

— Кунерсдорф? Ах, да!— воскликнул Вячеслав.— Как раз у этой деревушки 1 августа 1759 года во время Семилетней войны русский полководец Петр Салтыков наголову разбил превосходящие силы прославленного в те времена полководца прусского короля Фридриха II. В этом бою впервые проявил себя тридцатилетний полковник Суворов. Именно здесь ему торжественно преподнесли ключи от Берлина.

— Боевая слава отцов нас ко многому обязывает,— добавил капитан.— И я хотел бы, чтобы вы напомнили об этом подвиге русского оружия всему личному составу.

И герои-командиры пошли к своим бойцам, чтобы пламенным словом коммунистов зажечь в них чувство гордости и уверенности в близкой победе над жестоким врагом.

Вскоре в руки танкистов попал интереснейший тро-

фей — книга «Политическое воспитание Красной Армии», отпечатанная в типографии рейхсфюрера СС Гимmlера. В ней было написано: «В противоположность армиям всех небольшевистских стран Красная Армия является армией высокого политического воспитания. Ее особенность состоит в том, что под политическим воздействием находится вся армия. Политический аппарат Красной Армии имеет большое значение. Его влияние на боеспособность солдат огромно».

Что верно, то верно. Бесстрашные комиссары, все коммунисты в военных шинелях в эти суровые годы страстное большевистское слово приравнивали к штыку.

В годы войны партия послала на фронт 1,5 млн. коммунистов. Если в годы гражданской войны в Красной Армии на 100 бойцов приходилось пять коммунистов, то в 45-м каждый четвертый воин являлся членом КПСС. Коммунисты личным примером и пламенным словом увлекали за собой воинов.

...Тридцать шесть часов кряду ни на минуту не умолкал грохот взрывов над «огненным островом» в глубоком тылу врага. Более 50 «пантер» и «тигров» упорно пытались захватить в железные тиски окружения подразделения Бочковского.

Командиру батальона надолго запомнился редкий в боевой практике случай, подвиг сапера Сычева. Ему было поручено заминировать подступы к нашим танкам, находившимся в обороне. Сапер приступил выполнять боевое задание, но неожиданно из рожи вылезли на простор четыре «фердинанда» и три «пантеры». Один вражеский танк, заметив сапера, бросился за ним в погоню, чтобы раздавить его гусеницами. Но в тот момент, когда «пантера» настигла его, Сычев бросил мину. Раздался оглушительный взрыв. Придя в себя, Сычев увидел, что танк подмял под себя гусеницу, стоит как вкопанный, а экипаж выскакивает из люка и удирает. Остальные машины противника, предполагая, что перед ними минное поле, остановились, ведя огонь с места. Сычев добрался по-пластунски до вражеской «пантеры» и спрятался в ней. Потом он развернул башню танка и начал расстреливать фашистов в упор. Поджег две самоходки, остальные свернули обратно в кусты. Этим он отбил атаку, преградил путь вражеским танкам к позициям батальона.

В разгар боев механизированный корпус, который должен был выйти на этот рубеж, получил приказ развернуться на 90 градусов и продвигаться на север, к побережью Балтийского моря, чтобы отрезать путь отступавшим фашистским войскам. «Бочковский, — передал по радио генерал Дремов, — любой ценой вырывайся из вражеского кольца и без промедления присоединяйся к бригаде».

Положение еще более осложнилось.

Вражеские танки и артиллерия особенно сильно наседали с востока, ибо немецкое командование предполагало, что именно в эту сторону пойдут на прорыв советские тридцатьчетверки. Из показаний захваченных ночью военнопленных Бочковский узнал, что во Франкфурте расквартировались две юнкерские школы, прибывшие из Берлина «для укрепления фронта». И капитан принял смелое и дерзкое решение — атаковать город. «Для противника это будет полной неожиданностью. Через Франкфурт мы легче пробьем себе путь и соединимся со своими».

Эта блестяще проведенная атака ошеломила фашистов. Стремительные тридцатьчетверки внезапно ворвались в город и, стреляя на ходу, вышли к реке Одер, затем повернули вдоль берега в сторону моря. Подозрительные здания танкисты забрасывали гранатами, и перепуганные «рыцари рейха» в ужасе выскакивали из окон.

Взяв за основу этот реальный боевой эпизод, солдатская молва в нескольких вариантах распространила шутивную легенду о том, «Как Гитлера насмерть перепугали». И рассказывали эту историю с такими подробностями и вдохновением, передавая ее из уст в уста, из одной части в другую, из окопа в окоп вдоль всей передовой, словно каждый, кто ее излагал, был очевидцем событий.

«И вывел, значит, Бочковский, свои танки на парад, не спросив на то позволения у франкфуртских бюргеров. А между тем на плацу перед курсантами юнкерской школы речь держал сам фюрер, стуча кулаком себе в грудь. Когда кто-то шепнул ему на ухо, что русские танки в городе, Гитлер вытаращил глаза и истерично приказал: «Золдатен, дранг нах вестен!» (вместо привычного «дранг нах остен»). И курсанты, не заста-

вив себя упрашивать дважды, драпанули, очутившись в Берлине раньше, чем фюрер. А теперь, говорят, Геббельс с мегафоном носится по всем подвалам и закоулкам и никак не может их разыскать».

В подобных смешных историях истина переплеталась с вымыслом, зато они скрашивали короткий солдатский досуг, поднимая настроение бойцов и вдохновляя их на новые подвиги.

Для того чтобы соединиться с бригадой, танковая колонна под командованием Бочковского должна была прорваться через оборону противника, пересечь нейтральную полосу и миновать наши траншеи на передовой. Здесь танкистов подстерегала опасность попасть под двойной обстрел советской и вражеской артиллерии. К счастью, все обошлось благополучно, если не принимать в расчет злключения лейтенанта Федорова.

Танк Виктора Федорова увяз в глубокой заболоченной яме где-то посередине нейтральной полосы. Находясь под непрерывным обстрелом, танкисты прилагали неимоверные усилия, чтобы вытащить боевую машину из цепких объятий болота. Сначала два, потом три, а затем пять танков одновременно пытались взять на буксир машину своего товарища, но она даже не сдвинулась с места.

«Как быть?— не на шутку встревожился командир батальона.— Если задержимся еще на пару часов, то не сумеем догнать нашу бригаду. К тому же, мы поставим под удар и остальные машины».

— Лейтенант Федоров,— распорядился по радио капитан Бочковский,— приказываю покинуть машину и отойти в расположение нашей пехоты.

— Разрешите нам остаться в танке,— настойчиво возразил лейтенант.— Мы сможем успешно сражаться, координируя огонь с действиями воинских частей, дислоцированных на этом участке фронта!

— Что ж, пусть будет по-вашему,— согласился Бочковский.— Оставляем вам весь имеющийся у нас в наличии запас провианта и боеприпасов. Держитесь! Мы скоро вернемся за вами.

Таким образом, всего в трехстах метрах от немецких окопов неожиданно появилась бронированная долговременная огневая точка с гордой надписью на орудийной башне: «От трудящихся Молдавии».

Когда кончились боеприпасы, танкистов выручили наши зенитчики. Под покровом темноты члены экипажа подвезли ящики с боеприпасами, а днем снова подавляли меткими выстрелами огневые точки противника.

Потом генерал Катукон выслал целую инженерную экспедицию, чтобы выволочь боевую машину из болотного плена. Виктор Федоров за этот подвиг был награжден орденом Красного Знамени. Он победоносно доехал на своем танке до самого Берлина и погиб в последние дни войны.

Однажды, во время короткой передышки, кто-то из танкистов предложил направить коллективное письмо в газету с благодарностью за боевые машины, построенные на средства трудящихся Молдавии. Письмо было опубликовано в газете «Советская Молдавия» 3 апреля 1945 года:

«Дорогие товарищи! Мы, танкисты-гвардейцы, принимавшие участие во многих ожесточенных боях против ненавистного врага — гитлеровской Германии, гордимся заботой, которую проявляет о бойцах и офицерах наш народ. Эта забота вдохновляет нас на новые героические подвиги. С большой радостью мы приняли от командования замечательные танки, построенные на ваши средства. Для нас это радостно еще потому, что нашим командиром является ваш земляк — Герой Советского Союза гвардии капитан Бочковский».

Вы можете быть уверены в том, что эти грозные боевые машины попали в надежные руки, к тем, кто громил немцев под Москвой, на Белгородско-Курской дуге, кто прошел большой победный путь, нанося сокрушительные удары врагу на полях Украины, в предгорьях Карпат, за Вислой и в других районах боев.

Правительство высоко оценило боевые дела танкистов-гвардейцев, наградив их орденами. Бессмертной славой покрыли себя танкисты — Герой Советского Союза гвардии лейтенант Шаландин, гвардии старший лейтенант Оприк, Игнатов, Земляков и Бессарабов.

Отважные танкисты тт. Духов, Головин, Жуков, Речкин, Буханов, Саркисов, Панфилов и Семушкин сражаются с немецкими захватчиками, и грудь каждого из них украшена несколькими орденами и медалями.

Мы заверяем трудящихся Советской Молдавии, что будем беспощадно уничтожать врага, чтобы скорее вы-

полнить задачу, поставленную Родиной и партией,— уничтожить врага в его собственном логове и водрузить знамя Победы над Берлином.

Призываем вас еще больше трудиться, по-боевому помогать фронту в разгроме врага. Ждите нас со скорой победой.

Бойцы и командиры *Билай,*
Духов, Жуков, Чалов».

На Зееловских высотах

Героически завершив рейд к берегам Балтийского моря, где овладели стратегическим городом-крепостью Гдыня, наши прославленные танкисты повернули свои боевые машины к Одеру, захватили плацдарм за рекой и начали тщательно готовить последний рывок на Берлин. Но последние сражения обещали быть нелегкими. Ведь на Восточном фронте путь к столице «третьего рейха» закрывали 214 вражеских дивизий.

16 апреля 1945 года, в пять часов утра, советские войска приступили к штурму Зееловских высот— последней естественной преграды на подступах к Берлину. Тридцать минут гром и молнии тысяч орудий рвали доты и блиндажи, брустверы и окопы, усеяли всю долину, до самых подножий высот, густым лесом земляных фонтанов, сметая последние силы врага.

«Сын полка» Вова Зенкин, любимец капитана, устроившись возле механика-водителя в машине командира батальона, затаив дыхание, наблюдал, как разворачиваются события на поле боя. Вот у обочины дороги еще дымится раздавленный немецкий лимузин, рядом с ним— опрокинутая пушка, а чуть подалеже горят два столкнувшихся танка.

«Огненная цитадель» троих Володь, как неофициально было принято называть командирскую машину в батальоне, танк гвардии капитана Владимира Бочковско-го, механика-водителя Володи Максименко и воспитанника части Вовы Зенкина, разных по званию и возрасту, но объединенных в единую стальную семью, в один экипаж, творила чудеса, под ее гусеницами рушились вражеские траншеи и орудийные окопы. В паузах между пулеметными очередями и пушечными выстрелами

Вова слышал уверенный, хотя и заметно охрипший голос Бочковского:

— Духов, сконцентрируй свои машины в один кулак и ударь по высоте «Зет-14». А ты, Беляев, следуй со всеми танками за мной— сейчас атакуем противника с фланга.

После нескольких напряженных часов непрерывных боевых действий, сопровождаемых лязгом гусениц, скрежетом металла и оглушительными взрывами, комбат сказал механику-водителю:

— За поворотом дороги заверни к дереву.

Приказав экипажу продолжать вести огонь, Бочковский выпрыгнул из танка с топографической картой в руках, чтобы лучше сориентироваться на местности и определить более верное направление удара. В это время возле танка вспыхнуло ослепительное пламя, машина вздрогнула, ее охватила на миг молния, но танк не сдвинулся с места.

— Горим!— крикнул Вова Зенкин и выскочил через передний люк.

Опомнившись от сильного удара вражеского снаряда, с трудом выбрались из танка окровавленные механик-водитель Владимир Максименко и наводчик Герасим Троеглазов. Командир 2-го батальона Бочковский, упав навзничь, истекал кровью у самой гусеницы.

— Гады! Вы его не убьете!— Вова Зенкин погрози кулаком и, спотыкаясь, побежал за помощью по искорканному взрывами полю.

— Комбат смертельно ранен!— преградил он путь первому ехавшему навстречу советскому танку.

Максименко и Троеглазов в это время пытались оказать своему командиру первую медицинскую помощь. Не хватало бинтов. Один из них сорвал с себя рубашку. Бочковский, придя на миг в сознание, заговорил чуть слышно:

— Оставь, Володя, не возись со мной. Иди, спасай машину!

Максименко посмотрел на танк, он был весь окутан дымом. Наводчик продолжал перевязывать рану, а механик бросился тушить пламя.

В танке дым, гарь, ничего не видно. Максименко включил аварийный плафонный свет. На полу, рядом с ящиками со снарядами, горели резиновые коврики. Одел

быстро перчатки и выбросил коврики через передний люк, а потом огнетушителем погасил пламя, не даему распространиться к боеприпасам. Оказалось, вражеский снаряд не пробил броню, но от мощного удара в машине образовалось сильное белое пламя, от которого вспыхнула коробка ракет, а от нее — резиновые коврики. «Еще минуту и взорвался бы танк», — подумал с тревогой механик.

Танк — это его фронтовой дом, его фронтовая слава. Когда Максименко, худой, робкий, низенький паренек, прибыл в батальон и был назначен механиком-водителем командирского танка, Бочковский в шутку спросил его:

— Парень, тебе не надо дать помощника, чтобы тянуть рычаги?

Потом вместе они прошли длинный и трудный боевой путь по дорогам Польши и Германии.

Максименко завел машину, двигатель работал нормально. «Значит, браток, еще повоюем». Развернул танк, чтобы довезти раненого командира к ближайшему медсанбату.

Миновали годы. И теперь, приехав погостить в Тирасполь, седой генерал поделился своими воспоминаниями об этом боевом эпизоде.

— У Зееловских высот под Берлином, когда я вылез из машины, чтобы сличить местность с картой, внезапно яркая вспышка ослепила меня, и я почувствовал, что теряю сознание. О том, что произошло после этого, могу судить лишь по воспоминаниям моих фронтовых товарищей.

Владимир Александрович положил передо мной две объемистые статьи. Одну — из журнала «Знамя», другую — из «Огонька». Первая была подписана бывшим танкистом, вторая — бывшим военным летчиком. Их фронтовые судьбы тесно переплелись с судьбой капитана Бочковского.

«Я — один из танкистов, воевавших против фашистов под командованием Владимира Александровича Бочковского, нашего гвардии капитана. Я был наводчиком, или, как нас называли, командиром орудия танка Т-34, в 1-м взводе 1-й роты 2-го батальона. В нашем танке часто ходил в бой наш комбат Бочковский.

То ли потому, что мы служили в 1-м взводе, то ли по

какой другой причине, мне неизвестно, но наш танк во всех рейдах по тылам врага шел головным либо танком-разведчиком. Поэтому первые выстрелы врага всегда принимали мы. После нашего похода по гитлеровским тылам на севере, в районе Гданьска и Гдыни, извершения окружения группировки противника в этом районе комбат объявил мне благодарность, и мы были представлены к наградам. Вскоре Бочковский взял меня командиром орудия на свой собственный танк.

16 апреля 1945 года утром мы подошли к Одеру, переправились по мосту, середина которого была повреждена, прогнута к воде и застлана какими-то бревнами и досками, с боем прошли большой населенный пункт и двинулись, ведя с ходу огонь, к Зееловским высотам. Наш танк все время находился в гуще боя. Надо сказать, что враг открыл такой ураганный огонь, что многие наши танки горели; рвались снаряды и бомбы, и все поле заволочло дымом, пылью.

Видя, что в лоб врага взять трудно, комбат повел нас в обход. Тут он приказал водителю отъехать несколько влево и стать у шоссе под деревом. Когда мы остановились, он сказал мне, чтобы я вел огонь, а сам взял карту, спрыгнул с танка и сзади машины развернул на земле карту, лег и стал лихорадочно искать место, где можно было бы провести свои танки глубже во фланг или тыл противника, чтобы деморализовать его и обеспечить продвижение наших частей. Я стрелял при открытом люке.

И вот, когда я выбирал себе новый сектор обстрела, а комбат изучал карту, разорвался немецкий снаряд. Мне один осколок разрезал с левой стороны шею, второй глубоко вошел в плечо. В это время я услышал стон комбата и быстро выскочил из машины. Я увидел, что комбат лежал на левом боку, а у паха все разорвано и пропитано кровью. С помощью самого комбата я освободил это место от гимнастерки и брюк и наспех перевязал его индивидуальным пакетом.

Когда Володя Зенкин нашел и привел на помощь другой наш танк, мы с экипажем подняли Бочковского на броню. Я сел, положил его голову себе на колени и сказал водителю, чтобы он быстрее вез нас за село, на перевязочный пункт. Кто еще с нами был, не помню. Когда подъезжали к населенному пункту, встретили коман-

дира бригады и полковника Темника, который вскочил на танк, со слезами на глазах поцеловал Владимира Александровича и приказал нам быстрее ехать. Комбат, плача, сказал Темнику: «Как нехорошо получилось! Думал первый войду в Берлин... Не хочу в госпиталь...»

Г. И. Троеглазов,
директор школы г. Усть-Каменогорск,
Восточно-Казахстанская область».

«Участником этой великой битвы был и я. Но напоминаю я об этом не потому, что совершил какой-то подвиг, а потому, что мне хочется от себя добавить кое-что о храбрце-танкисте В. А. Бочковском, с которым меня свел трагический случай 16 апреля 1945 года на Зееловских высотах.

Надо вам сказать, что о необыкновенной дерзкой отваге комбата Бочковского ходили легенды и в 1-й гвардейской танковой армии и за ее пределами. Из уст в уста передавали солдаты с превеликими подробностями — будто сами были очевидцами — истории о том, как Бочковский и его товарищи ворвались во Франкфурт-на-Одере, а там якобы в это время находился сам Гитлер.

А теперь я расскажу о том, как мне довелось встретиться с Бочковским. Это была единственная встреча, и притом происходила она в самой неблагоприятной обстановке — хуже и не придумаешь.

Вот как это было. С утра 16 апреля грохот канонады сотрясал землю, гул сотен самолетов, соединяясь с канонадой, бил в лицо звуковыми волнами. Яркое весеннее солнце затянулось густым дымом, поднимавшимся с поля боя, до которого было недалеко. Мы с командиром звена разбирали только что произведенный вылет. Вдруг звонят из штаба армии Катукова. Слышится взволнованный голос начсанарма: «Немедленно получите обстановку на вылет — тяжело ранен Герой Советского Союза комбат Бочковский, эвакуация в Ландсберг».

Выполнять это задание поручено мне. Пытаюсь выяснить обстановку, но сделать это трудно. Ясно одно: Бочковский на плацдарме за Одером южнее Кюстрина истекает кровью. Плацдарм насквозь простреливается немецкой артиллерией и подвергается бомбежке с воздуха. О нормальной посадочной площадке мечтать не приходится.

Несколько минут полета, и вот впереди река Одер. Справа — наведенная нашими саперами переправа, главная артерия, питающая небольшую территорию плацдарма на том берегу. Для меня же это — единственный ориентир, по которому я сверяю маршрут полета. Слева, вдалеке, в густой темно-серой дымке видны отроги Зееловских высот — там фашисты. Грохот канонады прорывается даже сквозь рев моторов. На земле ожесточенное сражение. В воздухе сотни самолетов. Идут воздушные бои. Рвутся бомбы и артиллерийские снаряды. Короче сказать, вся военная техника, какая только есть у обеих сторон, извергает огонь и смерть...

На бреющем полете пересекаю Одер. Теперь я над плацдармом. Еще минута, и самолет, маневрируя среди воронок от бомб и снарядов, приземляется. Здесь меня ждут с большим нетерпением... Милый, добрый «С-2»! Сколько раз ты выручал в самой трудной обстановке и помогал вырывать тяжелораненых воинов из объятий смерти!

Не включая мотор, принимаю на борт В. А. Бочковского, которого к самолету привезли на танке его товарищи. Ошибка в расчете при посадке и всякое промедление со взлетом могло бы стоить жизни и мне, и истекающему кровью комбату. Но все обошлось благополучно. Через двадцать минут я доставил тяжелораненого комбата в один из специализированных госпиталей полковника Дрожжина.

Герой Советского Союза Бочковский был шестьдесят первым тяжелораненым, вывезенным мною с поля боя. Однако этот полет по своей сложности и ответственности был поистине необыкновенно трудным и опасным. Но надо было пойти на любой риск, чтобы спасти героя.

С тех пор, как я сдал его, тяжелораненого, в госпиталь, мне ничего не удавалось узнать о судьбе этого храброго танкиста.

И вот теперь я с радостью узнаю, что Герой Советского Союза тов. Бочковский жив-здоров и имеет высокое воинское звание. Горжусь, что у Советской Армии такие опытные и храбрые командиры!

Бывший летчик, участник Великой Отечественной войны
Д. З. Кольшкин.
Станица Григориспольская, Ставропольский край».

Да, наш земляк, тираспольчанин Владимир Бочковский остался на всю жизнь танкистом, он является гордостью легендарных и непобедимых Вооруженных Сил Советского Союза.

Победа

Однажды вечером у меня на квартире раздался телефонный звонок. Из трубки донесся незнакомый голос:

— Здравствуйте! Беспокоит вас из Бендер подполковник запаса Михаил Нечитайло. Я последний командир танкового батальона «От трудящихся Молдавии».

Это было для меня сюрпризом.

— Откуда вы узнали мой адрес?— спросил я.

— Недавно вместе с Бочковским мы были приглашены в Польшу в качестве почетных гостей города Бюлгарда Кошелинского воеводства. Он и дал мне ваш номер телефона.

И вот я в Бендерах. На живописном берегу Днестра, по улице Комсомольской, нахожу тихий, уютный дом № 38, балконы которого обвиты буйным виноградом. Встречает меня невысокого роста, пожилой, но довольно энергичный мужчина с рыжеватыми ресницами и усами, как-то гармонирующими с глазами небесной голубизны.

Во главе танковой роты Михаил Никитович осенью 1941 года защищал Москву. На Курской дуге ему был вручен в 1943 году партийный билет. Во время боев на территории Польши гвардии капитан Нечитайло выполнял функции заместителя командира танкового батальона, будучи правой рукой Бочковского.

— Вместе штурмовали Зееловские высоты,— вспоминает ветеран танковой гвардии.— Когда Бочковский был ранен, командир бригады полковник Темник радировал мне: «Принимай батальон, продолжай развивать атаку!» Вокруг рвались снаряды, всюду бушевало пламя. Противник отчаянно оборонялся. Ведь позади него был Берлин. У Зееловских высот мы потеряли много боевых машин. Но 17 апреля 1945 года мы все же заняли эти высоты. Из остатков других батальонов был пополнен мой... Продолжали наступать. Перерезали автостраду Франкфурт—Берлин, захватили крупный аэродром.

Вечером, 20 апреля, в день семейного праздника

Гитлера, когда наши пушки озарили взрывами берлинские окраины и артиллеристы сопровождали каждый заряд крепким словом: «На тебе, фашист проклятый, получай подарки ко дню рождения»,— в штаб 1-й гвардейской танковой армии поступила радиограмма от командования фронта:

«Катукову, Попелю.

1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача— первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу не позднее 4 часов утра 21.4 любой ценой прорваться на окраину Берлина.

Жуков, Телегин».

«Мне довелось увидеть, как получали карты Берлина в штабе одной дивизии,— сообщал военный корреспондент в те дни.— Сколько при этом было настоящей человеческой радости! Седой майор, известный своей сухостью, вдруг стал добрым и спросил у писаря, раздававшего карты:

— Голубчик, где у тебя расписаться?

Потом майор стал внимательно разглядывать карту. После минутного молчания, он сказал:

— Когда кончится война, я сохраню эту карту. Я буду беречь ее с той, другой, которую храню как зеницу ока,— с картой Сталинграда».

До Победы оставались считанные километры, считанные дни, но... и огромные жертвы. Батальон гвардии капитана Нечитайло вышел на одну из магистральных улиц города и с тяжелыми боями продолжал, шаг за шагом, днем и ночью, наступать к центру. Город большой, указателей нет. Всюду баррикады и противотанковые заграждения. Мост через канал разрушен. Наши саперы под огнем противника взрывают бетонные берега канала и прокладывают танкам путь к воде— канал можно было перейти вброд.

На улицах машины не имеют возможности маневрировать, фашисты бьют по ним из дверных и оконных проемов домов фаустпатронами. Они стреляют из-за угла, стреляют в спину, стреляют из подвалов, с крыш. Разбрасывают листовки на русском языке: «В Берлине

600 тысяч домов, и каждый дом — это крепость, которая будет для вас могилой».

У Ангальского вокзала противник преградил путь настоящей плотиной из подожженных вагонов. Наши танки бьют по ним из пушек, прорываются через огненный вал. Создаются штурмовые группы, которые, чередуясь, заменяя одна другую, обеспечивают непрерывный и упорный штурм квартала за кварталом.

— Где-то по соседству рейхстаг. Завтра утром последний, завершающий рывок, — сказал полковник Темник на оперативном совещании офицеров бригады.

Решили провести разведку. Под прикрытием темноты комбриг, в сопровождении группы офицеров, прошел незаметно через разрушенные залы огромного магазина, вышел на перекресток улиц, откуда надо было проскочить в соседнее угловое здание. Но здесь они были замечены. Раздалось адское шипение мины... Полковник был смертельно ранен и вскоре скончался на руках у гвардии капитана Нечитайло. Умер в последний день войны, так и не увидев алого знамени Победы.

Комбрига похоронили утром 3 мая в братской могиле советских воинов за Бранденбургскими воротами. Там на мраморных плитах шесть длинных колонок с высеченными именами. В каждой колонке имена воинов одного из шести родов наших прославленных войск. Имя полковника Темника открывает список танкистов. За ним следуют имена еще трех танкистов этой бригады: Винника, Жукова, Козлова. Охраняют могилу два танка, один из них из второго батальона колонны «От трудящихся Молдавии».

«Прошло несколько месяцев — и в западноберлинском районе Тиргартен, близ Бранденбургских ворот, был сооружен величественный памятник советским воинам, лавшим при взятии Берлина. Центральный пилон памятника венчает шестиметровая скульптура советского воина-победителя. С тех пор — с ноября сорок пятого — у монумента в Тиргартене несет ответственную службу советский военный караул. Через каждые два часа здесь проходит волнующий ритуал смены часовых в алых погонах. Чеканные шаги солдат лишь подчеркивают величавость тишины. Заступив на пост, солдаты застывают, как изваяния.

Воспитанные на славных боевых традициях отцов и

дедов, разгромивших фашизм, солдаты советского военного караула бдительны на своем высоком посту.

Они — наследники героев. Они — часовые бессмертной славы воинов-победителей». (Газета «Красная звезда» от 8 мая 1974 года).

— В Берлине наше подразделение потеряло десятки танков и 264 человека, — сказал Михаил Никитович. — В боях за Берлин я был награжден двумя орденами — Красной Звезды и Красного Знамени.

С волнением беру в руки его последнюю боевую грамоту, полученную им уже в один из первых дней мира. «Командиру 2 ТБ первой гвардейской танковой бригады гв. капитану Нечитайло М. Н.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945 года № 359 всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях за Берлин, объявлена благодарность».

Первомайский праздник 1945 года гвардии капитан Михаил Нечитайло встретил на фасадной лестнице рейхстага. Вокруг улыбки, смех, песни, веселые возгласы, радостные объятия и победные залпы из всех видов оружия. Над дымящимся в руинах городом пролетела, в сопровождении эскорта истребителей, эскадрилья штурмовиков, пронесся в берлинском небе красный полотно со словами:

*«Победа!», «Слава советским войскам,
водрузившим знамя победы над Берлином!»*

Перед штурмом главной цитадели Берлина — рейхстага — Военный совет 3-й Ударной армии торжественно вручил дивизиям девять знамен. Пятому по счету было суждено стать историческим Знаменем Победы. Его водрузили на верхнем стеклянном куполе капители «третьего рейха» комсомольцы сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. С этим Знаменем открылся 24 июня 1945 года парад Победы на Красной площади в Москве. Сегодня оно, этот символ всенародной славы, бережно хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Теперь возле Знамени Победы с большими почестями фотографируются комсомольцы и молодежь, победители во всесоюзном соревновании. Герои Советского Союза Михаил Егоров и Мелитон Кантария не раз приезжали после войны в Моск-

ву, вступая на почетную вахту у Знамени Победы. Во время празднования 30-летия Победы над фашистской Германией, под звуки фанфар, гордо принесли это Знамя на торжество в Кремлевский Дворец съездов.

15 мая 1945 года в тихое весеннее, солнечное утро генералы М. Е. Катукон и Н. К. Попель в сопровождении броневика с охраной прибыли в лес на южную окраину Берлина, где временно дислоцировалась 1-я гвардейская Чертковская, дважды ордена Ленина, Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого танковая бригада. С этой бригадой, сформированной в конце сентября 1941 года и ставшей потом ядром первой гвардейской танковой армии, М. Е. Катукон прошел боевой путь от Москвы до Берлина. Генералы прибыли вручить танкистам боевые награды.

«Еще издали,— вспоминает М. Е. Катукон, Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза,— я увидел на опушке леса строй танкистов, колышавшееся на ветру гвардейское Знамя с портретом Ленина, низенькую шуплую фигуру нового комбрига 1-й гвардейской И. Н. Бойко в окружении офицеров.

— Сми-и-рно! Равнение нале-во!— раздался высокий голос, подхваченный лесным эхом.

Взяв под козырек, полковник Бойко подошел ко мне строевым шагом и доложил, что 1-я гвардейская танковая бригада для вручения наград построена.

В торжественной обстановке, по списку один за другим подходили к столику с наградами командиры «огненных цитаделей», механики-водители, башенные стрелки, пулеметчики, радисты, зенитчики.

— Рядовой Зенкин!

— Я!— и Вова строевым шагом, переполненный волнения, подошел к генералу.

— Спасибо, сынок, за службу, за храбрость!

— Служу Советскому Союзу!— раздался уверенный детский голос.

Генерал вручил Зенкину сразу три медали: «За отвагу», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией». Владимир Зенкин принадлежит к тому поколению людей, которым «в 45-м вручали боевые награды, в 50-м — паспорта».

После вручения наград командир 1-й гвардейской

танковой армии М. Е. Катукон вышел на середину строя и спросил:

— Кто воевал под Орлом и Мценском в нашей танковой бригаде? Подними руку!

Но громадный длинный строй танкистов остался без движения...

— Кто воевал со мной на Волоколамском шоссе? Пять шагов вперед!— Строй дрогнул. Навстречу генералу вышло около десяти человек. «Неужели это все, кто остался в живых?»— подумал Катукон, присел на камень и заплакал, как ребенок.

Нелегким, но славным был боевой путь советских танкистов. На месте вчерашних сражений вырастали скромные холмики братских могил, а стальная лавина безудержно днем и ночью продвигалась вперед, навстречу победе. Новые экипажи сменяли погибших танкистов, новые тридцатьчетверки подхватывали эстафету сгоревших на поле боя машин. И звучали, словно реквием, болью отдаваясь в сердцах, слова поэта Александра Твардовского:

...Страна родная
Каких и скольких сыновей
Недосчиталась ты, рыдая,
Под гром победных батарей!

Герои-танкисты вписали немало славных страниц в летопись Великой Отечественной войны. 250 тысяч танкистов награждены правительственными наградами, 1144 из них удостоились высокого звания Героя Советского Союза, в числе которых и прославленный командир танковой колонны «От трудящихся Молдавии» наш земляк Владимир Александрович Бочковский. 16 танкистов закончили войну, имея на груди по две Золотые Звезды героя, а 104 представителя бронетанковых войск стали кавалерами ордена Славы всех трех степеней. 6 танковых армий, 19 корпусов, 110 бригад и более 200 полков пронесли сквозь ураганные бои, как символ доблести и геройства, алые гвардейские знамена.

Танковая колонна «От трудящихся Молдавии» завершила свой победоносный боевой путь в Берлине, на территории зоологического сада, рядом с имперской канцелярией. Восемь танкистов этого батальона стали Героями Советского Союза. С четырьмя правительственными наградами закончил войну тринадцатилетний боец Володя Зенкин.

Время не властно над мужеством

Но настал день, когда умолкли пушки. Вчерашние воины стали возвращаться к родным очагам. Осуществилась мечта Владимира Бочковского — он уехал учиться в академию Генерального штаба Советской Армии.

А где же сейчас находятся остальные отважные бойцы, которые сумели победить врага в решающем сражении под Курском и вместе с танковой колонной «От трудящихся Молдавии» дошли до Берлина?

Герои Советского Союза Алексей Духов, Владимир Тегенцев, Вячеслав Беляев и Андрей Игнатьев живут и трудятся в разных городах — в Москве, Челябинске и Горьком. Владимир Зенкин, бывший «сын полка», — механик рыболовецкого корабля в Тихом океане. Михаил Нечитайло проживает в молдавском городе Бендеры, Иннокентий Мошкирев — в поселке Усть-Кут Иркутской области, Гордей Билан — в Ровно, Павел Мищенко — в Николаеве, Илья Райченко — в Киеве, Борис Краев — в Кирово-Чепецке, Владимир Максименко — в Уфе, Александр Каменев и по сей день служит в танковых частях. Во Львове живет Николай Денисов — летописец Совета ветеранов Первой гвардейской бригады.

— После войны, — завершает свой рассказ Михаил Никитович Нечитайло, — я долгое время служил в рядах Советской Армии. Демобилизовался в звании подполковника. Сейчас работаю старшим контрольным мастером на Бендерском автотрактороремонтном заводе.

В мае 1973 года восемь ветеранов танковой гвардии, принимавших участие в освобождении Польши, — Владимир Бочковский, Иван Костров из Москвы, Михаил Нечитайло из Бендер, Николай Гавришко из Хмельницка, Павел Мищенко из Николаева, Михаил Галактионов из Саратова, Владимир Вакуленко из Черкас, Михаил Юрьев из Оренбурга — были приглашены в Кошелинское воеводство. Там ветераны возложили венки у братских могил советских и польских воинов, посетили места боевой славы. Повсюду их принимали радушно, как дорогих и почетных гостей. Они встретились с молодежью, выступали перед польскими рабочими на фабриках и заводах.

Во время всех этих встреч высказывались единодуш-

ные пожелания о дальнейшем укреплении дружбы и солидарности наших народов.

В том же году Владимир Бочковский стал Почетным гражданином польского города Нове-Място, посетил в долине реки Пилица дом старого лесника Яна Ткача.

— Помнишь меня, дед?

— Еще бы! Разве такие счастливые встречи забываются? Мы, местные жители, часто вспоминаем ту суровую январскую ночь 1945 года, когда советские танкисты освобождали наш город.

«В октябре 1973 года, в дни празднования 30-летия народного Войска Польского к Нове-Място было приковано внимание широкой общественности, — сообщали польские газеты. — Один из танков «От трудящихся Молдавии», извлеченный со дна реки Пилица, был установлен памятником в центре города, перед зданием Рада-Народове, на крутом берегу реки в честь тех, кто в ночь с 15 на 16 января 1945 года освободил Нове-Място. По этому поводу на торжества открытия памятника были приглашены Герой Советского Союза, генерал-майор танковых войск В. А. Бочковский и его земляк, первый секретарь посольства Советского Союза в Польше Ф. С. Миттел. Отныне танк будет вечно стоять здесь как символ могучего советского оружия, сокрушившего фашизм».

Время не властно над мужеством. Оно еще больше возвеличивает подвиги, совершенные в годы войны сыновьями Отчизны, чью доблесть и славу олицетворяют величественные памятники и монументы, воздвигнутые благодарными потомками.

Память народная вознесла на пьедесталы вечности и грозные боевые машины, громившие ненавистного врага в минуту лютых испытаний. Есть среди них и три танка, которые пронесли по полям войны под командованием Бочковского. Один застыл над кручей у села Яковлево, на Курской дуге, другой — охраняет вечный покой советских воинов у братской могилы за Бранденбургскими воротами в Берлине. Третий же танк в октябре 1973 года был поднят из вод реки Пилица и ныне установлен на главной площади польского города Нове-Място у изголовья двух Героев Советского Союза, сражавшихся в составе легендарной колонны «От трудящихся Молдавии» — Бодрова и Священко.

Встретились вновь стальная машина и человек, чья негибкая воля и мужество вели ее в бой. Символом непобедимого советского солдата пришел сюда Бочковский. Глядя на его могучую, полную сил и энергии фигуру, и не подумаешь, что за годы войны он семнадцать раз побывал на операционном столе и остался живым, здоровым, непоколебимым, как сталь, как песня, как легенда.

«Мы, ветераны батальона, изготовили бронзовую модель танка Т-34 — миниатюрную копию тех славных боевых машин, на которых воевали до самого Берлина, — сообщил мне В. А. Бочковский. — И на башне та же надпись: «От трудящихся Молдавии».

В январе 1974 года по нашему приглашению В. А. Бочковский посетил Кишинев и вручил макет этого танка Музею истории Компартии Молдавии.

А вот что написал Маршал бронетанковых войск дважды Герой Советского Союза Михаил Ефимович Катков:

«Уважаемый тов. Цопа!

Спасибо за присланную Вами книгу о танкистах 1 гвардейской Краснознаменной Армии. Хотя я и не умею читать по-молдавски, но все равно это ценный для меня подарок. Раньше я объехал всю Молдавию. И не один раз. Был в Бельцах, Бендерах, Калараше, Тирасполе, Кишиневе, на реке Реут, в Кодрах. Спасибо за все. Буна зиуа!

*8 августа 1973 г.
Москва*

М. Катков.»

Весной 1975 года, накануне 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией, по приглашению Центрального Комитета комсомола Молдавии и Союза журналистов республики, наши края посетила группа дорогих гостей — ветеранов танковых колонн «За Советскую Молдавию» и «От трудящихся Молдавии»: Вячеслав Беляев — командир танковой роты, Герой Советского Союза, ныне инженер в городе Горьком; Владимир Зенкин — бывший «сын полка», механик в Тихоокеанском порту Находка, Леонид Гутис — командир танковой роты, сегодня инженер на заводе им.

50-летия Советской Украины в Одессе, супруги Виктор и Евгения Кочетовы — бывшие радисты, приехавшие из города Львова, Владимир Максименко — механик-водитель танка, сменный мастер на одном из заводов города Уфы, Борис Краев — бывший радист-пулеметчик, сегодня машинист железнодорожного крана в городе Кирово-Чепецк, Михаил Блинов — механик-водитель танка, рабочий в городе Дзержинске Донецкой области и Марк Белоус — механик-водитель, ныне тракторист в селе Сестриновка Винницкой области. К ним присоединился последний командир танкового батальона «От трудящихся Молдавии» — Михаил Нечитайло из Бендер.

Герои «огненных цитаделей» встретились с жителями села Чинишеуцы Резинского района, инициаторами сбора средств для построения в 1944 году молдавской танковой колонны «От трудящихся Молдавии».

Совместно с первыми комсомольцами села Марией Спатарь, Прасковьей Кудриной и другими гости посадили на память аллею фруктовых деревьев.

— Мы пришли отчитаться перед молдавским народом, — сказал на торжественном митинге в селе Чинишеуцы Владимир Зенкин. — Вы можете гордиться. Ваши боевые машины победоносно дошли до Берлина. Они покрыли себя неувядаемой славой. Свидетельство тому — многочисленные награды на груди их героев.

Всюду, где побывали наши дорогие гости, их встречали хлебом и солью, с музыкой и цветами. Вздволнованные, незабываемые встречи со школьниками сел Васиены Кутузовского района и Каприяны Страшенского района, с допризывниками Чимишлийского района, со студентами города Кишинева и с тружениками полей Новоаненского района. Посетители они и школу №6 в городе Тирасполе, где когда-то учился их командир, Владимир Бочковский, встретились с его родителями.

— Вот какой ты, спаситель моего сына! — обнимала со слезами на глазах мать бывшего воспитанника батальона Владимира Зенкина.

— Володя столько рассказывал нам о тебе, сын моего сына.

Целых двадцать лет Вова Зенкин не знал ничего о судьбе своего командира. Кончилась война. Один остался тяжело раненым в госпитале где-то на Одере, другого направили в Баку, в молдавское училище. В 1965

году из опубликованного очерка в журнале «Огонек» Владимир Зенкин узнал, что Герой Советского Союза Владимир Бочковский жив. И они снова встретились, сначала в письмах, потом и очно.

«Добрый день, дорогой Володя,— писал Зенкину из Москвы Бочковский. — Как я бесконечно рад, что ты нашелся. Я верил, что это случится.

Дорогой мой маленький танкист, гвардеец! С чувством гордости я вспоминаю твои юные годы в рядах нашего батальона, который покрыл себя неувядаемой славой. Только сейчас, спустя двадцать лет, можно оценить твою бурную, дерзкую юность, посвященную великому делу Победы. Нет, не много есть подобных тебе мальчишек, которые могли бы рассказать о своих боевых подвигах, совершенных в тринадцать лет. Мы, боевые твои товарищи, склоняем головы перед твоим храбрым сердцем танкиста.

*Твой бывший командир
Владимир Бочковский. 9-IV-1965 г.»*

Получив письмо, Зенкин взял сразу отпуск и со всей семьей прилетел из Находки в Москву, где в течение месяца гостил у В. Бочковского, встретился с Юрием Жуковым. С тех пор между ними завязалась большая дружба.

— Я очень рад, что побывал на родине Бочковского, что узнал людей, воспитавших его!— сказал Зенкин, прощаясь с родителями героя.

С ветеранами «огненных крепостей» надеется еще встретиться и мош Андрей Счастливый из села Корестуцы Бричанского района. Тот самый, который в августе 1944 года получил правительственную телеграмму, благодарность Сталина. Дед Андрей с радостью встретил бы дорогих гостей у порога своего дома. Ведь ему есть о чем рассказать, есть чем гордиться. Он стал первым в селе председателем колхоза, затем работал бригадиром, тринадцать лет подряд заведовал фермой. За трудовую доблесть Родина наградила его орденом Трудового Красного Знамени. Здесь можно было бы поставить точку.

Однако, хотя война давно уже кончилась, раны, оставленные ею, нет-нет, да и дают о себе знать. Мес-

тами еще сохранились на земле следы былых сражений, напоминают о них протезы и инвалидные коляски.

Жестокие кровавые битвы за свободу и независимость нашей Родины длились 1418 дней и ночей. В громадное пожарище второй мировой войны было вовлечено 61 государство.

«В разгроме фашистской Германии,— отметил Маршал Советского Союза А. Гречко,— принимали участие многие страны и народы. Однако решающий вклад в победу внес Советский Союз, его Вооруженные Силы. И никакие домыслы фальсификаторов истории не могут его умалить. Советско-германский фронт являлся главным, и он определял ход всей второй мировой войны. Уже тот факт, что Советская Армия уничтожила и пленила 607 немецко-фашистских дивизий, а англо-американские войска — только 176 дивизий (и то в основном в конце войны, когда поражение врага было предопределено), что из 13,6 млн. убитых, раненых и плененных, потерянных Германией, 10 млн. приходится на советско-германский фронт, неопровержимо подтверждает решающую роль нашей страны и ее Вооруженных Сил в исходе второй мировой войны»*.

Защитники Родины удостоились во время войны 14 миллионов орденов и медалей. Свыше 11,6 тысячи воинов стали Героями Советского Союза. Около 11 тысяч боевых орденов вручено соединениям, частям и кораблям за проявленный массовый героизм.

Сколько пройдено дорог, сколько пережито тревожных дней и ночей, сколько зарыто окопов и землянок, сколько получено похоронок?

Вторая мировая война унесла жизни 20 миллионов советских граждан, десятки миллионов людей стали каляками.

В огне пожарищ сгорело 1710 городов и поселков, 70 тысяч сел и деревень. Война против фашизма была самой страшной, самой ожесточенной из всех сражений, которые знала история. Но даже ее нельзя сравнить с ужасающими последствиями новой термоядерной войны, угроза которой, словно Дамоклов меч, все еще висит над человечеством. На земном шаре скопилось

* Сборник «Война. Народ. Победа. 1941—1945 гг.», книга первая. М., 1976, стр. 12.

столько вооружения, что на каждого жителя нашей планеты приходится более чем по сто тонн тротила. Если судить по масштабам минувшей войны, чтобы «реализовать» всю эту взрывчатку, пришлось бы воевать 175 лет.

По подсчетам американцев, «Юлий Цезарь, приобретая оружие, расходовал на убийство каждого солдата противника около 75 центов. В 1800 г. Наполеону приходилось тратить на эту цель уже около 3000 долларов. В первой мировой войне люди, наживавшиеся на военных поставках, получили около 21,000 долларов и во второй мировой войне — около 200 000 долларов с каждого убитого человека. Таковы доходы, построенные на смерти»*.

Стоимость современного бомбардировщика и его оснащения равняется, по данным, приведенным журналом «Курьер ЮНЕСКО», годовой заработной плате 250 тысяч учителей или 75 полностью оборудованным больницам на 100 коек.

Вот почему наша страна стала бастионом, оплотом мира.

Во имя павших всегда начеку должны быть мы, живущие сегодня! Ведь история — не дань памяти прошлому. История — это компас, указывающий человечеству путь в грядущие столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Покой ему даже не снится _____	5
Знаменосцы солища _____	8
Прощай, табор _____	14
«Вот за эту русскую землю!» _____	23
«Поэт советской авиации» _____	27
Рыцарь небесных дорог _____	44
Защитники Бреста _____	52
«Вызываю огонь на себя!» _____	64
«За Советскую Молдавию!» _____	78
Непокоренная твердыня _____	91
Богатыри стального войска _____	97
Командировка в легенду _____	112
Воевода _____	161
Чем не Теркин? _____	167
Признательность _____	175
Бронированная крепость _____	180
Бухенвальдский набат _____	195
Буюкли — точка на карте _____	215
Огненные цитадели _____	221

* Н. Смеляков, Деловая Америка. Изд. полит. лит. М., 1970, стр. 401—402.